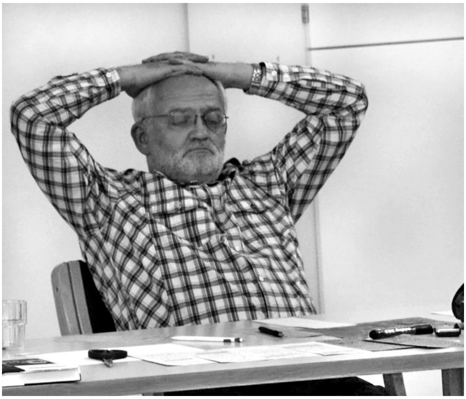
Серия «Культурная политика»

Владимир Мацкевич

Не думайте о рыжем и слепом утконосе

сборник статей

Минск

Издатель И. П. Логвинов

2011

УДК 008(476)(081)
ББК 70(4Беи)я43
М36

Серия «Культурная политика» основана в 2006 году

Мацкевич, В. В.

М36 **Не думайте** о рыжем и слепом утконосе : сборник статей / В. В. Мацкевич; редкол.: Т. Водолажская (гл. ред.) [и др.]. – Минск : И. П. Логвинов, 2011. – 280 с. – (серия «Культурная политика»).

ISBN 978-985-6991-31-1.

В сборник вошли статьи Владимира Мацкевича разных лет (с 1995 до 2010 годов) и разных жанров (от газетной публицистики до эссе в личном блоге и докладов на семинарах). Сборник дает панорамный анализ интеллектуального пространства Беларуси и поиска автором своего места и назначения как философа, методолога, культурного политика, гражданина и христианина.

Книга продолжает серию «Культурная политика», в которой ранее были изданы книги В. Мацкевича «Вопреки очевидности» и «Вызывающее молчание», и адресована всем, кто интересуется развитием мышления в современной Беларуси и ее общественной, интеллектуальной и культурной жизнью.

УДК 008(476)(081)
ББК 70(4Беи)я43

ISBN 978-985-6991-31-1

КНИГИ АГЕНТСТВА ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Серия «Культурная политика»:

В. Мацкевич. Вопреки очевидности, Мн., 2006

В. Мацкевич. Вызывающее молчание, Мн., 2006

В. Мацкевич. Полемические этюды об образовании, Мн., 2008

О десоветизации. Беларусь, начало XXI века. Материалы конференции, Мн., 2008

Игра в города. Сост. и науч. ред. Т. Водолажская, Мн., 2009

Серия «Беларусь для начинающих»:

Т. Водолажская В. Мацкевич. Становление и развитие сообществ в Беларуси, Мн., 2007

Т. Водолажская, В. Мацкевич. Качество и образ жизни в Беларуси, Мн., 2007

А. Егоров, Т. Водолажская. Организационно-деятельностные игры. Популярное введение, Мн., 2007

А.Егоров, Т.Водолажская, В.Мацкевич. Становление гражданской нации в Беларуси: от подданства к гражданству, Мн., 2008

В.Мацкевич. Переоценка ценностей в культуре и истории Беларуси, Мн., 2010

Научное издание

Серия «Культурная политика»

Мацкевич Владимир Владимирович

Не думайте о рыжем и слепом утконосе
сборник статей

Редактор *Татьяна Водолажская*
Дизайн обложки: *Алексей Лосик*
Компьютерная верстка: *Инна Жизневская*
Корректор *Алена Плиско*

Подписано в печать 04.05.2011. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18, 75. Уч.-изд л. 14, 18. Тираж 500 экз.
Заказ 1901

Издатель И. П. Логвинов
ЛИ 02330/0494468 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 19-5, 220050, г. Минск.

ОДО «НоваПринт»
ЛП 02330/0552786 от 25.02.2009.
Ул. Геологическая, 59/4, 220138, г. Минск.

От составителей

Замысел книги и его воплощение не всегда принадлежат автору. Несмотря на то, что автором всех текстов этой книги является Владимир Мацкевич, сама книга возникла без его непосредственного участия. Эта книга — подарок. Подарок нашему Учителю, другу и коллеге, чьи дела, идеи и тексты каждому из нас оказались близки, важны, а иногда и повлияли на серьезные жизненные решения.

Владимир Мацкевич — яркая и неординарная фигура в беларусском интеллектуальном пространстве. Эту оригинальность невозможно объяснить только содержанием тех идей и представлений, которые он развивает. Это особый образ жизни и мысли, который сам становится манифестацией и действием. У Владимира Мацкевича много текстов в самых разнообразных жанрах. Эти тексты разбросаны по газетам, журналам, лекционным курсам и семинарским записям, в последнее время многие тексты «поселились» в интернете.

Многие события, явления и идеи современной жизни прошли через оценку, размышление и отношение Мацкевича. Но у любого его текста всегда есть два «предмета», к которым он обращен: событие, явление или проблема — и сам автор, методолог и культурный политик Владимир Мацкевич. Каждый текст — это самоопределение, прояснение собственных оснований, прояснение того, что до́лжно, того, как мыслить и действовать в ситуации. Если этого не учитывать, то многие тексты покажутся нравоучительными или чересчур нормативными, что в нашем свободолюбивом интеллектуальном сообществе воспринимается с неприязнью и раздражением. И если бы высказанное не относилось, прежде всего, к самому автору и не представляло оснований для его действий, эти раздражение и неприязнь были бы, пожалуй, оправданны.

И все же среди огромного числа текстов есть те, которые в наибольшей мере можно назвать самоопределенческими. Именно их мы и решили собрать в этот сборник, рассчитывая, что в таком концентрированном виде они позволят читателю увидеть и понять основания и установки Владимира Мацкевича, исходя из которых он мыслит, живет и действует в Беларуси.

В этот сборник вошли тексты, охватывающие 16-летний период жизни и деятельности Владимира Владимировича в Беларуси, время реализации программы культурной политики, которая была объявлена и начата текстом «Думать Беларусь» в 1994 году. Выбранные тексты сгруппированы в несколько блоков, отражающих разные пространства самоопределения Владимира Мацкевича, которые так или иначе привязаны к «мышлению» и «Беларуси». В качестве «авторского предисловия» мы использовали «Сагу об учителях», где не только раскрывается отношение к своим непосредственным учителям, но и формулируется общее отношение к своему месту в культуре и мышлении.

В первый раздел, «Зачем нам философия и что с ней делать», вошли тексты, которые посвящены философскому самоопределению и формулированию задач философа и философии в Беларуси. Второй раздел — «Самоопределение беларусского интеллектуала» — включает тексты о специфической фигуре европейского культурного и политического ландшафта, которая мучительно рождается в современной Беларуси. Следующий раздел представляет методолога Владимира Мацкевича — ту самую позицию, которую с 1994 года он «приживляет» в Беларуси. Четвертый раздел включает в себя тексты, репрезентирующие культурного политика. Непосредственно про культурную политику здесь лишь несколько текстов, остальные же демонстрируют само мышление культурного политика, его отношение к актуальным задачам и проблемам страны и нации. И последний, пятый раздел включает в себя тексты, которые можно назвать экзистенциальными. Это тексты, представляющие Человека, Гражданина, Христианина.

Эта книга очень биографична и исторична. Почти каждый текст содержит отсылки и апелляции к фактам биографии автора, в которых всякий раз восстанавливается история подхода к той или иной проблеме, без которой вообще нельзя ничего понять ни в постановке вопросов, ни в актуальных на тот момент размышлениях. Эти «история с биографией» показывают не только результат размышлений, но и способ, метод движения в поиске ответов на вопросы. С другой стороны, большинство текстов очень сильно «завязано» на актуальном культурном, социальном и политическом контексте, который также является неотъемлемой частью размышлений и самоопределения. То

есть в этих текстах одновременно разворачивается и предъявление идей, и описание современности.

Мы постарались максимально оснастить необходимыми справками и ссылками все тексты, однако очевидно, что без минимального знания и понимания ситуации читателю будет трудно понять сказанное и написанное.

Задумав издать такую книгу, мы — круг учеников и коллег Владимира Мацкевича, участники созданного им неформального объединения «Агентство гуманитарных технологий» — решили, что эту идею и этот подарок захотят поддержать многие, кто знаком с Владимиром Владимировичем. Мы вспомнили хорошую традицию «подписного листа», когда широкий круг людей вскладчину делает важное и полезное дело.

Эта книга увидела свет при помощи и поддержке:

Владимира Абушенко, Валентина Акудовича, Андрея Александрова, Михала Анемпадистова, Павла Барковского, Ярослава Бекеша, Евгения и Ирины Бритько, Евгении Бураковой, Андрея Бурсова, Влада Величко, Ирины Видановой, Татьяны Водолажской, Юлии и Дмитрия Галиновских, Татьяны Гацура, Дениса Гиля, Сергея Готина, Елены Гриненко, Нелли Дорошкевич, Сергея Дроздовского, Владимира Дунаева, Андрея Егорова, Виолетты Ермаковой, Инны Жизневской, Ирины Жихарь, Алены Зуйковой, Андрея Казакевича, Леонида Калитени, Ирины Капарихи, Николая Кацука, Северина Квятковского, Мирослава Кобасы, Татьяны Ковалевой, Евгения Колмыкова, Александра Королевича, Янины Королевич-Картель, Светланы Королевой, Алеся Кравцевича, Алексея Ластовского, Алексея Лосика, Игоря Лялькова, Игоря Маринича, Светланы Мацкевич, Андрея Мирошниченко, Георгия Плащинского, Алены Плиско, Татьяны Пошеваловой, Игоря Роханского, Александра Сарны, Ольги Смолянко, Дмитрия Сокола, Игоря Станкевича, Валерии Стукиной, Ирины Сухий, Елены Тонкачевой, Сергея Харевского, Олега Хоменко, Валадара Цурпанова, Галины Черепок, Вячеслава Чернявского, Дины и Сергея Шавцовых, Анатолия Швецова, Оксаны Шелест, Андрея Шутова, Андрея Яроцкого.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия

Сага об учителях

Текст написан в качестве примечания к статье «Не думайте о рыжем и слепом утконосе» (2001 г.), затем публиковался отдельно.

Учителя – тема, на мой взгляд, важнейшая, именно сегодня, именно для беларусской философской молодежи. Вообще, это один из самых захватывающих сюжетов мировой литературы – поиск и обретение Учителя. Это история Симона-Петра и Матфея. Это путь Диогена из Синопы в Афины. Это путь Страдивари в Кремону к мастеру Амати, Резерфорда из Новой Зеландии в Кавендишскую лабораторию, автопробеги Кастанеды в Сонору к Дону Хуану. Ученика неумолимо влечет к учителю, как угря из Саргассова моря в Нарочь. Либидо, половой инстинкт, весенний гон маралов, проламывание титановых перегородок космической станции созданиями Соляриса в фильме Тарковского – только бледные подобия той силы, которая гонит ученика к учителю. Встреча ученика и учителя определена роком, их союз предвечно заключен на Небесах. Их отношения не описываются ни одним из греческих понятий: агапе, филия, эрос. Платон попытался предложить для этого феномена свое понятие – платоническая любовь, но сам дал основания для извращения ее, описав ханурика Алкивиада. Все счастливые союзы ученика и учителя подобны, все несчастные – трагичны по-своему. Сюжетный разброс трагедий укладывается между полюсами Иуды Искариота и Иозефа Кнехта.

Но если в половой любви и семейном союзе трагичные случаи интереснее счастливых, то в платонической любви учителя и ученика все наоборот. Половая любовь и платоническая мало похожи. Половая любовь замыкает людей друг на друга; платоническая размыкает, раскрывает их союз, в этот союз всегда включена любовь к третьему – истине, красоте, искусству и/или познанию, мышлению и/или Богу.

В этом союзе нет места ревности – там, напротив, всегда есть место еще и другим ученикам, и другим учителям. Бывают счастливые, но бесплодные браки, но союзы учителя и ученика всегда плодотворны. Их плодами становятся как другие ученики, так и превращение ученика в учителя, приращение в истине, красоте, добре и справедливости, произведения искусства и открытия в науке, изобретения в мышлении и инженерии, упорядочивание мира и осуществление замысла Божьего.

Заслуживает упоминания и ущербная любовь к истине или красоте (ets.) с попытками обойтись без учителя. Это Фауст. Пример того, как человек жаждет знания сам, для самого себя, без посредничества учителя, без обязательств перед возможными учениками. Это прямой путь в лапы дьявола. У каждого Фауста (Адриана Леверкюна, Гарри Галера или Лужина) обязательно материализуется из небытия свой Мефистофель. Пусть это часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо, но сбить с пути человека, даже самого гениального, ей ничего не стоит, в какой бы ипостаси она не материализовалась. Может быть, я много пафосу напустил, но это важно.

Вся история Беларуси может быть высвечена через призму отношений учителей и учеников. Вот, например, никто беспристрастно не анализировал последствия для нас деятельности Фауста Социна. Вообще, у нас в истории много своих Фаустов – тот же Сымон Будны. А из последних – Зенон Позняк[1], тоже где-то Фауст. Вспоминаю одну дискуссию с Николаем Игнатьевичем Круковским[2]. Рамочная тема дискуссии сейчас не важна, но мимоходом он делает заявление: «Мае карані як беларускага філёзафа – у беларускай вёсцы». Вот замаячил новый Мефистофель. Одно дело – «деревенский философ», иное дело – профессор философии. Нельзя так. Корни любого философа – только в самой философии, а причастность к этим корням обеспечивается только через учителя. Корни беларусского философа могут быть в Кенигсберге у Канта или во Франкфурте у Хабермаса. Он только должен иметь ответ на вопрос, что делает его беларус-

1 Зенон Станиславович Позняк – беларусский политик и общественный деятель, археолог и искусствовед. Один из основателей «Мартиролога Беларуси» (1988) и Белорусского Народного Фронта, глава Консервативно-христианской партии – БНФ. *(Прим. ред.)*

2 Николай Игнатьевич Круковский – беларусский философ и культуролог, доктор философских наук. *(Прим. ред.)*

ским философом, а уж философом он мог стать только посредством учителя философии. Иначе *забабоны* беларусской *вёски* и становятся доморощенным беларусским Мефистофелем. Беларусская *вёска* не торопилась в касинеры в 1830 году. Смирилась со сменой веры и языка церкви в 1839–1840. Сдавала повстанцев русским карателям в 1863-м, отсиживалась в 1918–1919 годах. Смирилась с коллективизацией на востоке в 30-х, на западе – в 40-х. Голосует против перемен сегодня. А беларусская интеллигенция приходила в чувство только через поколение после очередного поражения. Каждое поколение мыслящих беларусов думало, что оно первое, что оно умнее предыдущего, всех предыдущих. Ни одно поколение не имело учителей в прошлом, все начинало с начала, до всего доходило своим умом, открывая заново банальные истины, изобретая велосипеды и наступая на те же грабли, что и предшественники. Сегодня мы наследники воров и экспроприаторов, мы унаследовали зависть и озлобленность большевиков и раскулачивателей. Конечно, только меньшая часть беларусов раскулачивала и высылала в Сибирь бóльшую. Но именно эта меньшая часть выдвигала из своей среды начальников и идеологов. Эта меньшая часть формировала учебные программы и содержание учебников. Они учили детей людей на болоте – и научили этих детей осушать родительские болота.

В Минске в 20-х годах появился первый в мире учебник по диамату – это «карані» большинства наших университетских философов. Мы можем в очередной раз отказаться от наследия предков и все начать сначала. Именно такой соблазн есть у молодых философов. Но тогда в Минске можно сделать только нечто вроде «Милетского философского *кóла*» (как будто бы впервые, как будто бы до нас ничего не было), а не Минское[3]. Философия началась давно, и не нам начинать ее заново; нам ее продолжать – а как продолжать, не имея учителей?

А у кого учиться сейчас? Надо пользоваться тем, что есть. Нужно также ездить учиться у европейских философов. Но это будет полезно только в одном случае: если едущие учиться у У. Эко, или П. Рикё-

3 Речь идет о создании Минского философского *кóла* (круга) – неформальной инициативе, сложившейся в 1999–2000 годах, нацеленной на интенсификацию и развитие интеллектуальной деятельности и философской коммуникации в Беларуси. (*Прим. ред.*)

ра, или Х.-Г. Гадамера помнят еще, что они беларусы. Если они этого не помнят, то в Беларуси по-прежнему нет философов. Просто часть русской философствующей публики по не зависящим от них обстоятельствам вынуждена жить в Минске. Но быть русским философствующим интеллигентом и быть русским философом – это не одно и то же. Вот нет ведь такого русского философа – Михайлова[4], и беларусского тоже нет. Вот меня не возьмут на работу в ЕГУ как маргинала. Однако Михайлов маргинальнее меня во много раз. Я беларусский философ. А он какой? А еще есть Степин[5]. Кое-кто думает, что он в Минске оставил философскую школу. Как сказать! Однако это особая тема.

Плохо человеку без учителя, да что говорить – и человеком-то без учителя не станешь. В детстве у меня было два деда. Они учили меня нескольким вещам: 1) быть самим собой, но не носиться с собой как с писаной торбой; 2) любить Беларусь, любить ее издалека, из Сибири, где мы тогда оказались. Любить ее издалека – еще в одном смысле, в контексте мира и большой истории. Они оба прошли вторую Мировую войну с 1939 по 1945 и вернулись в чужую страну только в 1948 году. Объездили с армией генерала Андерса Среднюю Азию, Ближний Восток, Северную Африку и Западную Европу. Они видели Беларусь сквозь большой мир и учили этому меня. А больше ничему они меня научить не могли. До многого приходилось доходить самому. И меня повлекло. Для начала я уехал в Ленинград. И на первом курсе мне пришлось искать учителей. Лишь бы что меня не устраивало. Я огляделся и увидел, что на факультете самый достойный кандидат – Лев Маркович Веккер. Это был последний русскоязычный неокантианец (после смерти С.Л. Рубинштейна, а с последователями Д. Узнадзе в Грузии мне познакомиться не довелось, не добрался), хоть и не философ, а психолог. Прошусь к нему в ученики, а он меня отфутболивает. Обидно было страшно. Это я потом уже сообразил, что в это время у него возникли проблемы с советской властью в науке, через несколько лет он и вовсе в Канаду съехал. Учеников из нашего поколения он

4 Анатолий Арсеньевич Михайлов – доктор философских наук, ректор Европейского гуманитарного университета. *(Прим. ред.)*

5 Вячеслав Семенович Степин – доктор философских наук, заведующий кафедрой философии БГУ (1981–1987), с 1987 года работает в Москве, академик РАН (1994), президент Российского философского общества. *(Прим. ред.)*

уже не брал. Вот один из минских профессоров Геннадий Кучинский[6] еще успел (хотя от него я не слышал историю его ученичества, а вот Веккер о нем вспоминал), а я уже нет. Хотя если подумать, то еще неизвестно, как бы оно было лучше; возьми меня Веккер в ученики, я, может быть, других Учителей не встретил бы. А так влечение к Учителю только усилилось. Я перебрал всех факультетских профессоров и ни на ком не мог остановиться. Стал перебирать другие факультеты, потом остальной Питер, потом города, куда мог добраться. Это продолжалось несколько лет. Со многими замечательными людьми удалось познакомиться в этих поисках, и с каждым связана особая история: Л.Н. Гумилев, Ю.М. Лотман, С.С. Аверинцев, М. Форверг, К. Роджерс. Эти и многие другие дали мне очень много, я же им ничего. Хотя когда-то я обидел Льва Николаевича Гумилева, до самой его смерти все думал, что исправлю свою оплошность, а теперь уже поздно. Я до сих пор думаю, что концептуально был прав, но это не повод, чтобы обижать великого человека.

Однако в 1978 году я впервые встретился с Георгием Петровичем Щедровицким[7] и понял, что он тот, у кого я бы хотел учиться. Это была та самая платоническая любовь с первого взгляда. Поиски закончились, но начались проблемы. Я знал Учителя, но не мог к нему приблизиться, я был не готов. Со всей остротой я ощутил свое несовершенство, тупость и ограниченность. Увидел, сколько мне еще нужно сделать, работая над собой, прежде чем я смогу подойти к Учителю и сказать: «Я хочу у Вас учиться, я почти готов к этому». Поиски закончились, началось Учение. Я ездил изредка в Москву на семинары, читал книги, добывал стенограммы, изучал авторов, которых упоминал ГП, спорил с другими его учениками, вслушивался в мифы и басни про Учителя, про ММК[8] и его участников.

Только через десять лет я пришел и представился Учителю, и он меня принял. Я был готов к ученичеству, и оно случилось. В это десяти-

6 Геннадий Михайлович Кучинский – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии БГУ. *(Прим. ред.)*

7 Георгий Петрович Щедровицкий – философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель и идейный вдохновитель школы методологов, основатель Московского методологического кружка и СМД-методологии. В Московском методологическом кружке и среди учеников было принято употребление аббревиатуры «ГП». *(Прим. ред.)*

8 ММК – Московский методологический кружок, образован в середине 50-х годов XX века Георгием Петровичем Щедровицким. *(Прим. ред.)*

летие дистантного учения у ГП я встретил еще и второго Учителя. В 1982 году, в короткий период жизни в Вильнюсе, Аушра Аугустинавичюте[9] познакомила меня с доктором Александром Алексейчиком[10]. Это была огромная удача. У меня уже был Учитель, а тут еще и второй. Тогда я не понимал, что это значит.

Я учился у них разному. Александр Алексейчик – лучший в совке и в постсовке психотерапевт. Может быть, Милтон Эриксон или Карл Роджерс лучшие знатоки американского человека, а Алексейчик – лучший в мире знаток Homo soveticus. С его помощью я преодолел психологию. Он открыл для меня христианство и освободил меня для философии, для ученичества у ГП.

Учение у доктора Алексейчика заняло около 8 лет: ежегодные апрельские семинары в его вильнюсской больнице, редкие встречи в Ленинграде и потом в Латвии. Именно через этих двух людей я прикоснулся к вечной и никогда не прерывавшейся культуре. Только после ученичества у них я смог сказать себе, что дальше могу двигаться сам. Когда умер ГП, мне было всего-то 37 лет, учение закончилось, и я вернулся в страну, где должен был жить и работать[11].

Ну а теперь – мораль из этой саги об Учителях. Для меня это почти мистическое убеждение. Мышление как культура, как деятельность, как субстанция передается из рук в руки, от учителя к ученику. Этот процесс не прерывается уже больше двух с половиной тысячелетий. Я убежден, что от меня через Щедровицкого можно проследить в ретроспективе непрерывную цепь ученичества к Сократу, Фалесу и дальше, как говаривал Диоген Лаэртский, к гимнософистам. В этой цепи нет разрывов. У моих Учителей были свои Учителя, у тех свои, и так к самому началу. Эта цепь имеет ответвления, но только

9 Аушра Аугустинавичюте (1928–2005) – литовский экономист, социолог, психолог, создатель соционики.

10 Александр Ефимович Алексейчик – врач-психиатр, психотерапевт, является одним из основателей восточно-европейской школы практического экзистенциализма, создатель метода «интенсивная терапевтическая жизнь», руководитель психотерапевтической клиники Вильнюсского центра психического здоровья. (Прим. ред.)

11 В 1994 году после 6 лет жизни и работы в Латвии, а затем двух лет в России (Москве) Владимир Мацкевич вернулся в Беларусь, где продолжил развитие системо-мыследеятельностного подхода (Г.П.Щедровицкий) в рамках программы культурной политики (см. тексты «Хорошо быть молодым!» и «О четверояком корне культурной политики»). (Прим. ред.)

в направлении от Учителя к ученикам, которых могло быть у одного учителя несколько, как у того же Сократа. Но нет и не может быть Учителя, у которого не было своего Учителя. Это как дерево: ветвей и листьев может быть множество, но все связаны с одним корнем и от него питаются. Таких «деревьев» в мировой цивилизации несколько (некоторые пытались их сосчитать, например А.Тойнби). Между деревьями могут быть прививки, но они никогда не сливаются в одно дерево. Иногда на деревьях заводятся паразиты с других деревьев. Бывает вирусная или бактериальная инфекция. Но инфекция инфекцией, а на генотип она не влияет. Иногда в истории могут теряться имена некоторых Учителей, но они были. В самые темные времена эта цепь не прерывается. В Равенне погибает последний римлянин Северин Боэций, но безымянные монахи, хранители книжной латыни и койне, плывут на самый дальний запад в Ирландию и на протяжении нескольких веков передают из рук в руки, из поколения в поколение книги, умение их читать и интерпретировать, пока Алкуин, а потом Эриугена не вернутся на континент и не начнут все восстанавливать. Вот так вот.

В Беларуси сегодня есть несколько побегов и листиков с этого мирового/европейского дерева. Но листики могут быть сухими, оторвавшимися от своих ветвей. Давайте крепко держаться за свои веточки – в них жизнь, в них непрерывность мышления и культуры.

Не думайте о рыжем и слепом утконосе...*

Текст написан после посещения философского семинара (2001 г.), впервые опубликован на сайте belintellectuals.com в сентябре 2005 года.[1]

«Мы трапляем у тое, што значыць мысьленьне,
калі самі мысьлім».

Марцін Гайдэгер

В четверг 25 января 2001 года я посетил философский семинар Владимира Фурса в ЕГУ[2]. Чего тебя туда понесло? – спросите вы. Я расскажу, хотя это и отвлечет от главной темы [Прим. 2]. Во-первых, меня всегда интересовало (как это называлось «при советах»), «о чем думают философы?», во-вторых, меня интересовало также (как это передразнивалось при тех же «советах»), «чем думают философы?».

На этот раз философы собрались подумать об активной философии. Интересно, правда, что это такое? Интересно также, чем про это

1 Этот текст имеет структуру «параллельных размышлений». Помимо основной темы – «активной философии» – автор разворачивает целый ряд рассуждений, возникающих параллельно. Они приведены в конце текста как «Примечания» и могут рассматриваться как отдельные эссе. Авторские ссылки и примечания обозначены в тексте квадратными скобками [Прим. 1]. Текст был не закончен. *(Прим. ред.)*

2 Владимир Фурс (1963–2009), доктор философских наук, профессор Европейского гуманитарного университета (ЕГУ), в 2001 г. организовал теоретический семинар «Контуры современной критической теории» http://internettrash.com/users/seminar/osnova.html. (*Прим. ред.*)

* *См. примечания к данному тексту [Прим. 1].*

они будут думать? В общем, не стану пересказывать, что они там наговорили про активную философию. Все равно мой пересказ все примут за клевету, лучше воздержусь. Чем они там думают, тоже уточнять не стану; может, с некоторыми из них мне еще придется по жизни сталкиваться или даже по работе. Кстати, о работе. Я там, на семинаре, заявил, что хотел бы пригласить на работу двух-трех философов, чтоб они за меня думали о том, о чем мне самому думать недосуг. Они это поняли по-своему, и, кажется, явно не в мою пользу. Грубо говоря, приняли меня за «чайника» [Прим. 3], хотя и с некоторой долей сомнения, что, безусловно, говорит в их пользу.

Ну и ладно. Ну их, философов. Ведь нет никакой гарантии, что на философском семинаре собрались именно философы, а не самозванцы. Ведущий семинара даже спрашивал, есть ли у присутствующих личный опыт философствования. В ответ выслушивая рассуждения про Канта, в лучшем случае, или про Делёза во всех остальных случаях. А личный-то ваш опыт? – допытывается он дальше. Ну откуда в Беларуси у философа личный опыт философствования? Пересказать Канта словами Фуко – это мы могём, или там Анаксимандра словами Хайдеггера. Можем даже вспомнить, какое место в личном опыте Эко занимает утконос. А сами-то утконоса в глаза не видели. Да и зачем? Эко его тоже, может, не видел, как Ансельм[3] крота из монастырского сада, и наши б глаза на него не глядели. А вот чего философ, живя в Беларуси [Прим. 4], должен видеть [Прим. 5]? Это вопрос. Но об этом отдельно. А пока про тему.

Я хочу сказать, что: 1) я имею личный опыт философствования; 2) я разрабатываю активную философию, точнее деятельностную (деятельность – Activity); 3) несколько лет моей жизни прошли в самой активной философской школе, которая может выступать образцом активной философии (Московский методологический кружок – ММК[4]); более того, 4) после этой школы больше нельзя иначе мыс-

3 Ансельм Кентерберийский (1033–1109). Имеется в виду история о философском споре «есть ли у крота глаза?», участие в котором приписывается разным философам. (*Прим. ред.*)

4 Московский методологический кружок (ММК), образован в середине 50-х годов XX века Георгием Петровичем Щедровицким. История ММК развивалась от исследований мышления как деятельности к системо-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) и практике организационно-деятельностных игр (ОДИ). *(Прим. ред.)*

лить активную философию, только как отталкиваясь от опыта этой школы. Да-да. Все попытки мыслить активную философию, делая вид, что нет и не было ММК, являются пижонством, дилетантством и просто недоразумением.

Не будучи знакомым с методологией ММК это трудно понять. Я даже не требую понимания, для начала нужно другое. Как в анекдоте. В грузинской школе урок русского языка, учитель говорит: «Дэти, сэгодня в дыктанте будет два трудных слова. Слово «сол» пишется с мягким знаком, а слово «тарелька» – без мягкого знака. Понять этого нельзя. Дэти, это надо просто запомнить». Так и здесь, пока это требуется просто запомнить.

Так вот, ММК больше нет. Эта философская школа уже в прошлом; остались тексты, люди и память об активной философии, которую теперь по большей части просто пересказывают: кто по прочитанным текстам, кто по впечатлениям от столкновений с живой философией, а кто свой прошлый опыт. Но пока живы те, кто принимал в ММК непосредственное участие, есть возможность все восстановить. «Он улетел, но он обещал вернуться» – это говорилось про Карлсона. Но и активная философия, уходя, как правило, обещает вернуться. И возвращается с неизбежностью – всегда в иной форме, в новом обличье, в каком-нибудь новом месте. Лично я хочу, чтобы она вернулась в Беларуси в форме активной философии Минского философского *кóла*[5].

«Філёзафы – гэта мысьляры. Так яны завуцца, бо мысьленьне разгортваецца пераважна ў філязофіі» – Марцін Гайдэгер[6].

Обратите внимание. Я выразился так, как хотел [Прим. 6]. Я хочу, чтобы вернулась активная философия. Я не выразился в том смысле,

5 Минское философское *кóла* (круг), Менскае філязоўскае кола (МФК) – неформальная инициатива, сложившаяся в 1999–2000 годах, нацеленная на интенсификацию и развитие интеллектуальной деятельности и философской коммуникации в Беларуси. Основателями-инициаторами выступали А. Грицанов, В. Мацкевич, В. Абушенко, а затем еще ряд философов и социологов, включившихся в работу над «Новейшим философским словарем» (Минск, 1999). Идея и замысел первых двух изданий философского словаря были результатом обсуждений МФК, затем основатели разошлись в представлениях о путях и формах развития. Программа Минского философского *кóла* была опубликована в журнале «Фрагмэнты», №7. (*Прим. ред.*)

6 Здесь и далее цитируется работа М. Хайдеггера «Что зовется мышлением?» по изданию: Марцін Гайдэгер. Што значыць мысьленне // Фрагмэнты, №8. (*Прим. ред.*)

что хочу, чтобы вернулся ММК с СМД-методологией[7]. Я не скрываю своего отношения к СМД-методологии и своей принадлежности к ММК, но я хочу быть философом, точнее методологом, в Беларуси. Для этого мне нужно создать себе условия, а таким условием является философское *кóла* – круг, среда. Для этого мне нужно, чтобы в Минске было много философов, хороших и разных. Тогда мне здесь будет место, а пока я только пережиток, анахронизм ММК. Могу сказать сильнее – я бастард ММК.

Да-да. Это самые точные слова. И я этим горжусь. Пока Минск заселен «детьми Делёза», «внуками Хайдеггера» и прочими самозванцами, лучше быть бастардом реальной философской школы.

«Баўленьне зь філязофіяй можа ствараць нам найупарцейшае перакананьне, што мы мысьлім, ў той час як мы, на справе, «філязофствуем» – Марцін Гайдэгер.

Забавы с философией вовсе не гарантируют мышления. Философствование не есть мышление. Ужасные вещи говорит Хайдеггер. Он же утверждает, что философ – это мыслитель, что мышление по преимуществу разворачивается в философии. Понять это можно, только имея отношение к мышлению. А иметь отношение к мышлению можно только мысля. Ужасное положение! Можно всю жизнь читать философские тексты и не мыслить. Можно самому читать лекции на философском факультете и не мыслить. В общем, полная засада. Когда я утверждаю такие вещи где-нибудь на философском семинаре – это считается нахальством, если в деятельностной ситуации – меня за это могут даже побить. Поэтому замолкаю, пусть скажет тот же Хайдеггер:

«Нахабствам будзе цьвердзіць і тое, што мы яшчэ ня мысьлім. Але цьверджаньне гучыць інакш. Яно кажа: найпаддатнейшае мысьленьню аказваецца ў наш непамысны час у тым, што мы яшчэ ня мысьлім. У цьверджаньні адзначаецца – найпаддатнейшае мысьленьню аказваецца. Цьверджаньне ні ў якім разе не зрываецца да пагардлівага меркаваньня аб панаваньні паўсюль толькі бяздумнасьці. Цьверджаньне, што мы яшчэ ня мысьлім, ня хоча ганіць і бязьдзейнасьць. Паддатнае

7 СМД-методология – системо-мыследеятельностная методология, подход, разрабатывавшийся в рамках Московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В.Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. (*Прим. ред.*)

мысьленьню – гэта тое, што дае мысьліць. Яно само зьвяртаецца да нас, каб мы навярнуліся да яго, а іменна – навярнуліся мысьліўна. Паддатнае мысьленьню ні ў якім разе не паўстае толькі праз нас. Яно ніколі не палягае толькі на тым, што мы яго ўяўляем. Паддатнае мысьленьню дае, ёсьць нам мысьліць. Яно дае тое, што мае ў сабе. Яно мае тое, чым ёсьць само. Тое, што найбольш дае мысьліць зь сябе, найпаддатнейшае мысьленьню, павінна аказвацца ў тым, што мы яшчэ ня мысьлім… »

Так вот, мы можем начать мыслить при условии возникновения Менскага філязофскага кола (МФК). И никак иначе. А это значит, что МФК – это не лишь бы что. Это место для мышления в Беларуси, это место беларусского мышления. Соответственны этому и выдвигаемые к МФК требования, долженствование и обязательства, ценз на вхождение в него. В МФК не говорят, не строят дискурс, не порождают нарратив, не докапываются до ризомы. Т.е. в МФК это все делают, но не в этом суть. А суть в том, что мы еще не мыслим, т.е. не мыслим «здесь и сейчас» – в МФК. Следуя рассуждению Хайдеггера, мы должны согласиться с тем, что то, что мы еще не мыслим, вовсе не означает полного не-мыслия и полной бездеятельности вокруг. От того, что сам Хайдеггер когда-то мыслил, нам ни холодно ни жарко, мы-то все еще не мыслим. Мы даже не можем углядеть мышление Хайдеггера, поскольку нам даны только следы (может быть, имевшего место быть) мышления Хайдеггера.

Более того, поскольку «паддатнае мысьленьню ні ў якім разе не паўстае толькі праз нас», то и сам Хайдеггер, единожды помыслив, не может рассчитывать на то, что это будет случаться с ним в дальнейшем. Вот и я про себя знаю, что, мыслив когда-то в ММК, я могу хотеть мыслить в МФК, а пока… могу только хотеть. Тот же, кто не имеет опыта мышления, может иметь «найупарцейшае перакананьне, што мы мысьлім», и это абсолютно бесплодное мнение. Однако дадим слово Хайдеггеру, с того места, где остановились:

«Тады, што гэта нам гаворыць? Гэта гаворыць: мы яшчэ не дасягнулі сапраўднага абсягу таго, што само зажадала б быць памысьленым перад усім іншым і болей за ўсё іншае. Чаму мы яшчэ не лучылі туды? Магчыма, таму, што мы, людзі, яшчэ недастаткова наварачаемся таму, што застаецца дараваным-для-мысьленьня? Але, паводле гэтага, тое становішча, што мы яшчэ ня мысьлім, было б толькі хібнасьцю

з боку чалавека, і гэтая нястача мусіла б быць пераадольнай для яго праз належныя чалавечыя захады да чалавека».

Рискну предположить, что нет и не может быть ни одного высказывания, которое принадлежало бы исключительно сфере философии, которое не могло бы быть высказано и в какой либо иной сфере человеческой деятельности. Это относится и к высказыванию «мы яшчэ ня мысьлім», и к моему только что сделанному высказыванию. С другой стороны, я бы усилил эту мысль: Нет и не может быть такого высказывания, которое, будучи высказанным или услышанным, написанным или прочитанным философом, не могло бы принадлежать сфере философии. Вот так вот. «Тады, што гэта нам гаворыць?» А говорит это нам ровно две вещи: важно не только то, что высказано, но также: 1) кем высказано/услышано? и 2) как высказано/услышано? Вот такие две простые вещи нам важны, но как плохо это понимается! Как наивны люди, этого не понимающие! Безнадежное дело – втолковывать нечто тем, кто не понимает простых вещей, особенно на философском семинаре.

Вот так рассуждают некоторые из участников семинара: разве утверждение $E = mC^2$ должно пониматься по-разному в зависимости от того, кто это говорит? «А то нет?» – говорю я. «Но ведь истина остается истиной!» – упорствуют наивные. Конечно, после того, как Герман Минковский обосновал выше приведенную формулу, любой болван может на каждом углу утверждать эту истину, а каково было Альберту Эйнштейну? Я понимаю, что Альберт Эйнштейн для наивных не пример. Еще хуже другой пример: такую банальность как «она вертится» с одинаковой интонацией могут сказать Галилей и троечник на уроке астрономии. Однако последствия для них будут разные. «Ах, как банален сам пример!» – потешаются наивные снобы. Ну что ж, со снобами – по-снобски.

«Текст Сервантеса и текст Менара в словесном плане идентичны, однако второй бесконечно более богат по содержанию. (Более двусмыслен, скажут его хулители; но ведь двусмысленность – это богатство). Сравнивать «Дон Кихота» Менара и «Дон Кихота» Сервантеса – это подлинное откровение»[8]. Вот так натянуто и голословно иллюстрирует Борхес ту же идею, причем делает это, привлекая надуманную фабулу с заведомо архаичным героем, причем не просто

8 Борхес Х.Л. Пьер Менар, автор «Дон Кихота». (*Прим. ред.*)

архаичным, а назидательно-дидактично архаичным. И вот – «почувствуйте разницу», теперь скажу я: «Сравнивать «Дон Кихота» Менара и «Дон Кихота» Сервантеса – это подлинное откровение». Ну, чувствуете разницу? Не по-буржуйски размазано, а четко – подлинное откровение, и все тут. Никакой назидательной белиберды, никакой архаики модерна, одно ёрничанье постмодерна. Ну и пустословие в известном смысле, раз уж постмодерн. Да и как же иначе, ведь я Менара не читал, а Сервантеса забыл, мир с ними обоими.

Задавшись вопросом «кем высказано?» мы попадаем в таинственный мир, населенный авторами, носящими имена собственные. «Автор же умер!» – закричат на это самые начитанные. Да не в том же смысле надо понимать смерть автора, что и смерть Пьера Дюпона (Фуко)[9]. «Автор умер!» – Ролан Барт. «Автор умер?» – Владимир Мацкевич. Автор умер! Кто сказал? Кем подписано свидетельство о смерти? В каком учреждении заверено официально? Ах, тем-то и там-то! Знаем мы эти некрофильские учреждения, там кого угодно зачислят в покойники. Слухи о смерти автора сильно преувеличены. Не дождетесь!

«Наконец, имя автора функционирует, чтобы характеризовать определенный способ бытия дискурса: для дискурса тот факт, что он имеет имя автора, тот факт, что можно сказать: «Это было написано таким-то» или «Такой-то является автором этого», означает, что этот дискурс – не обыденная безразличная речь, не речь, которая уходит, плывет и проходит, не речь, немедленно потребляемая, но что тут говорится о речи, которая должна приниматься вполне определенным образом и должна получать в данной культуре определенный статус. В силу всего этого можно было бы прийти в конце концов к идее, что имя автора не идет, подобно имени собственному, изнутри некоторого дискурса к реальному и внешнему индивиду, который его произвел, но что оно стремится в некотором роде на границу текстов, что оно их вырезает, что оно следует вдоль этих разрезов, что оно обнаруживает способ их бытия или, по крайней мере, его характеризует. Оно обнаруживает событие некоторого ансамбля дискурсов и отсылает к статусу этого дискурса внутри некоторого общества и не-

9 Фуко М. Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества 22 февраля 1969 года в Коллеж де Франс под председательством Жана Валя. (Прим. ред.)

которой культуры. Имя автора размещается не в плане гражданского состояния людей, равно как и не в плане вымысла произведения, – оно размещается в разрыве, устанавливающем определенную группу дискурсов и ее особый способ бытия» – М. Фуко[10].

Нет, конечно, если способ бытия дискурса безразличен, если вообще не быть сопричастным дискурсу, то да. Тогда, может быть, автор и умер. А так нет. Следовало бы сначала установить свое отношение к дискурсу, а еще лучше к мышлению, а уж потом рассуждать про автора. В противном случае грош цена такому рассуждению, это не рассуждение даже, а «обыденная безразличная речь, … речь, которая уходит, плывет и проходит, … речь, немедленно потребляемая». Т.е., действительно, противный случай.

«Дискурс в нашей культуре (и, несомненно, во многих других) поначалу не был продуктом, вещью, имуществом; он был по преимуществу актом – актом, который размещался в биполярном поле священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного; исторически, прежде чем стать имуществом, включенным в кругооборот собственности, дискурс был жестом, сопряженным с риском» – М. Фуко[11].

Вот представим себе тусовку французских мушкетеров. Один другому говорит: «Вы подлец, шевалье!» Для убедительности демонстрирует подобающий случаю жест. Другой хватает шпагу и размахивает ею перед лицом первого, истошно вопя: «Защищайтесь, мсье!». «Ты что, сдурел? Ты ж меня проткнешь! А за что?» – удивляется первый. Как за что? Первый же его подлецом обозвал? Обозвал. Откуда тогда вопрос? Все очень просто. Первый Барта или его эпигонов начитался. Второй к нему, как к автору, в известной претензии за диффамацию словом и жестом. А первый считает, что автор умер, какой с него спрос? Нет автора. А на нет и суда нет, так нечего и шпагой размахивать.

Да ведь философы – не мушкетеры, шпагами не размахивают, плохими словами не обзываются. Вот я и говорю, если бы философские высказывания кого-нибудь задевали, то задетые и шпаги бы повыхватывали, и за словом в карман бы не полезли, и всеми иными способами

10 Фуко М. Там же. (*Прим. ред.*)
11 Фуко М. Там же. (*Прим. ред.*)

призывали бы автора к ответу. Ясно же, если высказывание никого не задевает, то никого и не интересует всерьез, даже самого говорящего. Зачем же тогда говорят то, что самого говорящего не интересует? Тоже просто объяснить. Вот стою под душем и напеваю себе под нос: «Та-та-та, ту-ту-ту, тэ-дэ-дэ». Кого могут задеть такие слова? А если заменить эти припевки словами: ноэма, ризома, тра-ля-ля, эпистема? Что изменилось? Симулякр он и есть симулякр. Никого не задевают только высказывания, которые ничего не значат. Ну, есть любители говорить ничего не значащие слова, говорят, никого не трогают, зачем же по этому поводу придумывать категории-симулякры, зачем слухи про смерть автора распускать?

Тоже все просто на самом деле. Говорящий может говорить ничего не значащие слова, при определенных навыках может стать виртуозом пустословия, однако он не может поручиться за слушателя, особенно случайного. Такого, например, который не состоит в конвенции о пустословии. Такой случайный слушатель может найти в услышанном некоторое значение, может даже принять это на свой счет. То есть высказывание может задеть слушателя независимо от желания говорящего, со всеми вытекающими последствиями – маханием шпагой, взыванием к городовому и прочим мордобоем. Концепция смерти автора подхватывается теми философами и прочей образованщиной, которые не хотят отвечать за свои высказывания. Со своей стороны, не могу не поддержать их в этом нежелании. Право же, почему они должны отвечать за слова, которые заведомо ничего не значат, никого не задевают, пролетают над ситуацией как фанера над Парижем? Что им за дело до тех, кто усмотрел по наивности в их высказываниях «акт (…), который размещается (…) в биполярном поле священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного», кто оказался задетым дискурсом как «жестом»? При таком отношении вместо безопасного умствования философия оказывается занятием, «сопряженным с риском».

Что такое философия или дискурс, которые были жестом, сопряженным с риском? Как это возможно? А что, все забыли, каково было содержание чаши, испитой Сократом? А Спинозу из общины евреи изгнали за плохо отшлифованные стекла, что ли? «Философский пароход», 1922 год. Пассажиры его вовсе не голосили на палубе: «Не виноватые мы!» Они знали, что виноваты, что все их высказывания

и до 1922 года были жестом против того, что делали большевики, и что после 1922 года они будут демонстрировать те же жесты. Они были нормальными людьми, в отличие от тех, кто добивался реабилитации после культа личности. Ну вдумаемся: «А мы что, мы невинно пострадавшие от кровавого культа личности, а так мы свои, большевистские…» Продолжим мысль: «…мы невинно пострадавшие от кровавого режима добропорядочные сторонники этого кровавого режима». Так, что ли, это надо понимать? Вообще, пострадав, даже невинно, от кровавого режима и выжив, нужно хотя бы задним числом стать врагом этого кровавого режима и добиваться его осуждения и уничтожения, а не реабилитации и признания своей невинности. В общем, меня слегка занесло. Но согласитесь, не могу же я разбирать вопрос об активной философии, о дискурсе, что был (когда-то, пока автор был жив) жестом, сопряженным с риском, о том, что является подлежащим мышлению, на высказываниях о «глокой куздре», «пуськах бятых» и «сепульках в сепулькариях»[12].

Понимаю, что те, кто посообразительнее, заявят, что все это обсуждается как-то не по-философски. Да и можно ли к философскому дискурсу применять принцип римского права – кому это выгодно? Вот тут выдвигается предположение, что идея смерти автора выгодна пустословам. Да разве же истинность или неистинность идеи или мысли зависит от того, что она кому-то выгодна или не выгодна? Но в чем истина? Может быть, в том, что истинно либо то, что автор жив, либо то, что автор умер. Но тогда идея живого автора выгодна кому-то другому, например графоманам. Или, скажем, автору этого текста. Ему она может казаться полезной для удовлетворения авторского честолюбия. И тогда в ее истинности можно усомниться по тем же основаниям, в соответствии с принципом древнеримских юристов.

Не могу не согласиться. Я ж о том и говорю: одного измерения для оценки и критики идей, философских высказываний, результатов мышления – «мыслей изреченных» – заведомо недостаточно. Истинность-ложность – это только одно измерение, полезность/

12 «Гл**о**кая к**у**здра шт**е**ко будлан**у**ла б**о**кра и курд**я**чит бокрёнка» – искусственная фраза на основе русского языка, в которой все корневые морфемы заменены бессмысленными сочетаниями звуков. Фраза создана для иллюстрации того, что многие семантические признаки слова можно понять из его морфологии. Пример был предложен академиком Л.В. Щербой в 1930-х и использовался на вводных лекциях к курсу «Основы языкознания». (*Прим. ред.*)

выгодность-бесполезность/невыгодность – другое измерение. Однако и двух измерений может оказаться мало.

Но я неоправданно много места уделил этой эпатажно-бессмысленной идее – смерти автора. В эпоху постмодерна и до нее выдвигались и более эпатирующие, и более безумные идеи: почти ни одна из них не заслуживает сколь-нибудь серьезной критики и подробного рассмотрения. В данном случае мое внимание к этой теме объясняется семинарскими препирательствами и некоторыми приватными беседами, в которых приходится сталкиваться со смакованием смерти автора, с этакими «похоронами сардинки». Мотивация скрыта в пресуппозициях к высказанным соображениям. Ну и пусть. Мой текст – любой, не только этот – это «текст» + «я» + «мои обстоятельства», а может, и еще что-то. Кому-то интересны мои обстоятельства? А я сам? Да и текст, наверно, тоже. Это не риторические вопросы. В том смысле, что на них, кроме всего прочего, можно дать и правильные ответы.

Наверное, имело бы смысл остановиться на вопросах фальсификации-верификации идей в философском дискурсе, на герменевтике или прикладной семиотике/семиологии. На проблематике субъекта, субъектности и субъективности в отношении к активности и деятельности, в частности – применительно к активной философии. Интересно рассмотреть, как соотносятся: активность и актор; мышление как процесс и мысль как статичная вещь; дискурс и мышление; дискурс и поступок; дискурс и диалог. В общем, много разного, и все интересно и, наверное, важно. Но я вынужден ограничивать себя. В контексте вопроса об активной философии я бы считал важным разобраться в хронотопологии мышления. Ею и займемся.

Опять же, начну со своих обстоятельств. В 1978 году, будучи студентом, я познакомился с подходом Московского методологического кружка (ММК). Знакомство было не литературным, это были споры, стычки и дискуссии с такими же молодыми, как и я сам, адептами. Только через девять лет я с большим опозданием стал неофитом и учеником Г.П. Щедровицкого[13] [Прим. 7] в последние годы его жизни. И вот через шесть лет ученичества я уже вынужден был обсуждать конец

13 Георгий Петрович Щедровицкий – философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель и идейный вдохновитель школы методологов, основатель Московского методологического кружка и СМД-методологии. *(Прим. ред.)*

ММК. Тут не надо искать аналогий. Это не какая-нибудь «смерть автора» – все проще: окончился некий период, остались тексты, люди, дела, а период окончился, «няма таго, што раньш было». Еще учитель и основатель жив, но чего-то не стало. Когда этого «чего-то» не стало, пришлось это искать, анализировать и критиковать. В конце 1993 года я попытался наметить топику этого поиска. Топика вырисовывалась сложная, т.е. сама топика, вообще-то, всегда проста, сложность представляют множественность и разнообразие топов, невозможность совместить их в одном из известных пространств. И все это нужно было упаковать в тезисы к I методологическому конгрессу. Обсуждая актуальную тему (напомню – активная философия), я разверну несколько тезисов из того текста.

«Тезисы основаны на категориях прагматики, точнее, на характеристиках методологического перформатива (высказывания, эквивалентного поступку, действию: от performo – средневековая латынь, термин Дж. Остина). Коротко их смысл сводится к морализаторской максиме: скучно живем, господа, хотя порой эффектно и эффективно в социальном смысле.

1. Потеря иллокутивной силы. СМД-проблемы и темы не затрагивают мотивационной сферы тех, кто их разворачивает в дискурсе. Перформатив исчезает из речи методологов. Дискуссии утрачивают свойства игры-game, исчезает агональность в семинарах и ОДИ.

2. Потеря перлокутивной силы. Показателем в этом отношении может выступать количество и качество неофитов.

3. Потеря дейктической силы. Методологический дискурс строится поверх ситуации, исчезает из практики рефлексивная инверсия и персонификация, материализация проблематизации в коммуникативных ситуациях».[14]

Приводимые высказывания относятся к методологии ММК, а понимать их в рамках настоящего текста нужно применительно к активной философии. Поэтому нужно сделать несколько уточнений.

А) То, что характерно для методологического перформатива, можно распространить и на философский.

14 Мацкевич В. История и эпистемология: пространства манифестации и развития метода // Метод: вчера и сегодня. Материалы I Методологического конгресса (20–21 марта 1994 г.). – М., 1995. – Под ред. М.С. Хромченко. (с) Школа культурной политики, 1995. (*Прим. ред.*)

Б) В отличие от методологии, в философии (в данном случае локализуем философию только в Беларуси) не приходится говорить о потере тех сил, о которых идет речь в отрывке. Их просто нет и не было. Но ведь должны быть.

В) Морализаторская расшифровка тоже только отчасти может быть переадресована от методологии к беларусской философии [Прим. 8]. Скучна, конечно же, беларусская философия, но вот эффектность и эффективность – это к ней не относится. Вовсе она не эффектна и совсем не эффективна. Перефразируя евангельские слова: если философия потеряет силу, чем ее вернешь?

Итак, пока мы только подступаемся к мышлению, к активной или действенной (деятельностной) философии. Подступаясь, мы рассматриваем не само даже мышление, а только одну из форм, в которую оно облачено, – дискурс (еще можно говорить о речи, в некотором отношении это было бы даже правильней). Дискурс как целое несет в себе некоторые свойства своих частей, например отдельных высказываний. Мы переносим с высказываний на дискурс перформативные свойства высказывания, то есть – как высказывание способно быть поступком или жестом, так и дискурс может быть поступком и жестом. Тогда жесту, поступку, высказыванию и дискурсу присуще направление, направленность на нечто. Кроме направленности как таковой жесту (далее будем говорить уже только о перформативе) присуща переходность (переносимость) содержания сказываемого на то, на что оно направлено, на то, о чем сказывается. Если не вдаваться в первопричины бытия и происхождения этих свойств перформатива, мы можем интерпретировать их в комплексе как силу, т.е. можем описывать перформатив как комплекс векторов сил, не раскрывая до поры до времени его содержания. Рассматривая сам перформатив и то, на что он направлен, как точки в некотором пространстве, мы представляем его набором векторов, которые по аналогии с геометрическими векторами задаются двумя параметрами: направленностью и переходностью содержания.

Необходимо еще одно уточнение. Увы, при заимствовании понятий неизбежны коннотативные и денотативные сдвиги. Хотим мы или не хотим, однако смыслы и значения склонны к измене и перемене. Тезисы, которые я разбираю, предназначались для методологической аудитории, способной контролировать рамки. Сейчас эти тезисы уже

можно рассматривать как исторический материал, а значит, я их могу несколько модернизировать. Трансляция понятий и категорий из одной области знания с ее собственным языком в другой язык и иную область знания требует внимательности и осторожности [Прим. 9].

В данном случае нам нужно заимствовать из лингвистики категории, описывающие паралингвистический модус существования речи, для употребления их в отношении мышления или профессиональной деятельности философов. Одно дело описывать с помощью иллокутивной, перлокутивной и дейктической силы «обыденную безразличную речь, ... речь, которая уходит, плывет и проходит, ... речь, немедленно потребляемую», иное дело – «акт, который размещается в биполярном поле священного и профанного, законного и незаконного, благоговейного и богохульного, ... жест, сопряженный с риском».

Так вот. На данном этапе (как и в тексте-источнике) оставим без внимания собственно локутивные аспекты речевого перформатива. Далее, мне не очень важно разделение иллокутивной и перлокутивной сил перформатива, я бы объединил их в одной категории. Требует перетрактовки и дейктическая сила, поскольку мне не нужна акцентировка на самоидентификации и разотождествлении актора в ситуации. Тогда от исходных категорий мало чего остается, кроме идеи и мысли, в них упакованной, а сама упаковка пусть будет иной. Договоримся:

1) направленность перформатива на содержание того, о чем сказывается в комплексе, с переходом содержания сказываемого на то, о чем сказывается, будем называть ноэмогенной силой перформатива (высказывания, речи и дискурса);

2) направленность перформатива на того/тех, кому сказывается в комплексе, как и на самого сказывающего, с переходом содержания сказываемого на самого адресанта и на адресат сказывания, будем называть консенсогенной (косьянсогенной) силой перформатива;

3) направленность перформатива на ситуацию события адресанта и адресата, а также на обстоятельства места, времени и образа действия в комплексе, с переходом содержания сказываемого на эту ситуацию и эти обстоятельства, будем называть оказиокреативной силой перформатива.

Тогда самое простое высказывание описывается веером векторов, системой сил. Например: А = В. Если описывать это высказыва-

ние как перформатив, то в нем сказывается: 1) «A»; 2) «B»; 3) «=». Это все сказывается: 1) об A; 2) о B; 3) об отношении A к B. Таким образом, только ноэмогенная сила описывается тремя векторами, если мы можем констатировать переход содержания «A» на A; «B» на B; «=» на отношение A к B.

Консенсогенная сила представлена еще большим множеством, поскольку слушающий и сам говорящий могут воспринять высказывание, эквивалентное поступку (перформатив), или как приглашение запомнить или принять к сведению новую информацию, или, наоборот, как старую информацию (тогда слушающий обидится на банальность, а говорящий устыдится ее), или как вызов к тестированию собственных знаний, или как побуждение к исследованию. Да и мало ли что еще.

Оказиокреативная сила может породить неловкость, перевести учебную ситуацию в экзаменационную или дискуссионную, и т.д.

Такое обращение с векторами сил, мягко говоря, непрактично. Поэтому имеет смысл изменить форму представления и рассматривать три названные силы как координаты, задающие пространство, в котором мы могли бы анализировать только один вектор – от перформатива к тому, на что он направлен и на что переходит содержание, которое актуально может нас заинтересовать: $P - A = f(i, p, d)$. Естественно, что мы сворачиваем в этом случае все содержание высказывания в точку в трехмерном пространстве и анализируем силу в чистом виде, бессодержательно. О содержании вспоминаем только при интерпретации сил.

Для анализа можно взять любые достаточно простые высказывания. Например: «Экономика должна быть экономной» (Л.И. Брежнев); «Колхоз – это не экономическая категория, а политическая» (А.Г. Лукашенко); «Мы еще не мыслим» (М. Хайдеггер); «Социализм – это советская власть плюс электрификация всей страны» (В.И. Ленин); «Что такое активная философия?» (В. Фурс).

ПРИМЕЧАНИЯ

Примечание 1. «Рыжий слепой утконос» – такой химеры нет даже в «Энциклопедии вымышленных существ» Х.Л. Борхеса. Я расскажу историю возникновения этого ублюдка – рыжего и слепого утконоса. Нетрудно догадаться, имея соответствующий контекст, что утконос заимствован у Умберто Эко, который зачем-то увязал его с Кантом. Ну а слепоту этот утконос унаследовал от крота Ансельма Кентерберийского, за которого монастырский садовник получил епископским посохом по спине. Рыжим же он стал в соответствии с известным трюком психологов, которые просят наивную аудиторию хотя бы 5 минут не думать о желтой обезьяне. Бедные люди, никогда в жизни не думавшие об обезьянах, тем более желтых, не могут в отведенные 5 минут избавиться от навязчивых мыслей о желтой обезьяне. Почему же утконос рыжий, если обезьяна была желтая? – спросите вы. Дался вам этот утконос! – отвечу я вам. Я же прошу по-человечески: не думайте о дурацком рыжем и слепом утконосе! Хотя бы пока читаете этот текст. Забудьте на время и о других химерах и *пачварах*.

Примечание 2. Конечно, у меня был выбор. Проще всего было бы вообще никуда не ходить, а лежать дома на диване. Можно было пойти в пивняк или в ресторан. Можно также в театр или на дискотеку. Есть еще каток (январь все-таки), лыжи, бильярд, боулинг, казино, ну и так далее. Вот если бы я их посетил, кто бы спросил меня – чего меня туда понесло? Правильно, никто. Люди – они ведь понятливые. Всем понятно, зачем ходят в пивняк. Не все ходят, но всем понятно. На лыжах – тоже. Практически никто не катается, однако все говорят – хочу вот в воскресенье на лыжах на Цнянку или в Раубичи. Слово «казино» все выучили. Тоже вопросов не возникает. Шары покатать опять же, можно в лузу, можно по кеглям. А тут – философский семинар! Даже в боулинг, который только недавно появился в Минске, и то больше людей ходит, чем на все философские семинары вместе взятые. Да и ходят на них люди по долгу службы. Кто-то часы отрабатывает, кто-то гранты, некоторые диссертацию пишут, еще есть студенты – им положено. Но чтобы так, с бухты-барахты, раз – и на философский семинар?!

В общем, просто так и не расскажешь, чего это понесло меня на философский семинар. Только вы не подумайте, что я увиливаю от

ответа! Отнюдь. Я просто издалека начал. Ведь в самом деле! Ну не является поход на философский семинар – как бы это сказать – предметом первой необходимости. То есть для кого-то, может, и первой необходимости, однако не повседневного спроса. Короче, блажь это – ходить на философские семинары. Если и не извращение, то, во всяком случае, нечто такое… подозрительное. Неизвестно, как там у них за бугром, а наши люди ни по четвергам, ни по пятницам обычно на философские семинары не ходят. А ходят они куда-то в другие места. А куда люди обычно ходят? На работу ходят, ясное дело. В магазин. Ходить в магазин – это вам не шопинг какой-нибудь совершать. Это каждый день как на службу. А шопинг – это отдельно, это у нас «на Динамо» называется или, теперь, «в Ждановичи». После магазина – домой. Для среднестатистического беларуса этого достаточно – ровно три К. Колхоз, крама, канапа – для мужчин, для женщин – колхоз, крама, киндер. Для детей почти то же самое – колледж (теперь каждая третья школа так называется), киоск (чупа-чупс, CD и пр.), канапа (для продвинутых – кружок во Дворце пионеров).

Конечно, все это неправда. Люди бывают в разных местах и потребляют различные вещи. Но все же интересно было бы сравнить жизнь обычного минчанина с жизнью рижанина, варшавянина, дублинца или ньюйоркца. Например, зададим следующие параметры:

После работы	***Где?***	***С кем?***	***Чем занят?***
Понедельник			
Вторник			
Среда			
Четверг			
Пятница			
Суббота			
Воскресенье			

Попробуем вписать в свободные клетки такие примерно параметры: «*Театр – 8*» – что должно означать посещение театра 8 раз в году; «*Бар – 56*» – понятно, что такой человек каждую субботу в баре, и т.д. А теперь разместите в свободных клетках такие вещи как: Косметический салон, Светский раут, Благотворительный базар, Цирк, Зоопарк, Музей, Кинотеатр, Ресторан, Охота, Рыбалка, Дачный участок, Баня, Публичный дом, Казино, Публичная лекция, Биб-

лиотека, Церковь, Спортивные состязания (зритель), Спортивные состязания (участник), Философский диспут, Партийное собрание, Акция гражданского протеста (солидарности – для разнообразия), Клуб по интересам, Закрытый клуб, Площадка для выгула собак, Шопинг, ну и прочее. А потом посмотрим.

И тогда вы увидите, что дублинец и варшавянин пометят для себя «Церковь – 54», житель Нью-Йорка – «Церковь – 15», а минчанин – «Церковь – 1» и только на Пасху или вообще такого знака не будет. И вы все поймете. Правда, могут быть и некоторые нюансы, трудные для интерпретации. Например, у минчанина, дублинца и ньюйоркца будет по пятницам стоять одинаковый символ «Бар – 53», это значит, что каждый уик-энд после работы друзья заваливают немножко выпить. Однако в Дублине это паб, в Нью-Йорке бар это бар, а в Минске это скамейка в подворотне за магазином напротив тракторного завода. Но такие поправки несложно сделать. Как и еще одну. Дублинец выпьет три бокала портера, житель Нью-Йорка – три дринка виски с содовой, а минчане – по пол-литра бормотухи или бутылку водки на троих, не считая пива до и после. Но оставим веничкины исследования Веничке Ерофееву, а социологические – социологии.

Здесь же можно ввести две новые категории для измерения жизнедеятельности, которые не являются ни социологическими, ни психологическими, – это плотность и интенсивность жизни. Плотностью жизни будем называть общее количество мест (наименований) осмысленного действия или поведения человека за неделю. А интенсивностью жизни будем называть распределенность плотности жизни по времени, т.е. общее число посещений мест осмысленного поведения или действия в единицу времени – неделю, год или даже день. Скажем, принимаем за единицу плотности жизни (ПЖ) перечисленные три К (колхоз, крама, канапа), приходящиеся на одного среднестатистического беларусского мужчину в день; назовем это, скажем, так: «Кожны дзень беларуса», сокращенно КДБ (не путать с «Камітэтам дзяржаўнай бяспекі»). Тогда плотность жизни идеального, образцового беларуса в недельном масштабе (ПЖн) будет равна 1 КДБ. Понятно, что эмпирическая величина ПЖн всегда будет больше 1 КДБ, если, скажем, жена или теща вынудит в субботу съездить на дачу. Однако эта величина имеет очень большое прикладное значение. Именно при такой плотности жизни существует 100% ве-

роятность того, что вами никогда не заинтересуется реальное КГБ. Если же некто рискнет увеличить свою ПЖн хотя бы на 0,33 КДБ, доведя ее до ПЖн = 1,33 КДБ, например, по субботам ходя в бар или по пятницам – на философский семинар, он рискует привлечь внимание КГБ к своей персоне с вероятностью, изменяющейся в диапазоне от 0,01 до 0,99. Конечно, эти значения вероятности требуют уточнений, поскольку реальная вероятность привлечь внимание КГБ сильно колеблется в зависимости от качества мест: в баре она одна, на даче – другая, в церкви или на философском семинаре – третья. Но важно то, что в идеальном случае плотность жизни в дневном, недельном или годовом масштабе мало отличается для эмпирического субъекта.

Скажем, для Иванова и Иванчука средняя ПЖ в неделю равна 1 КДБ. Но у Иванова ПЖг (год) равна 1,33 КДБ за счет поездки в отпуск к теще в деревню, у Иванчука тоже ПЖг = 1,33 КДБ, потому что летом он водит ребенка в парк культуры и отдыха на аттракционы один раз в месяц. Иное дело интенсивность их жизни (ИЖ). Средняя ИЖ в неделю у них равна. В месяц тоже равна, однако ИЖг (год) уже не равна, поскольку Иванов съездил в отпуск один раз в год, а Иванчук катал ребенка на карусели целых три раза. Точный расчет покажет эту разницу: Иванов (365 КДБ + 0,33 КДБ): 365 дней = 1,0009 КДБ в день; Иванчук (365 КДБ + 0,33 КДБ х 3 раза): 365 дней = 1,0027. Т.е. Иванчук живет в 1,0017 раз интенсивнее, чем Иванов.

Теперь представьте себе, что некто каждый день ходит в бар, а раз в неделю водит ребенка на карусель. Зимой три раза отсидит с мормышкой на Минском море, на Пасху освятит яйца в соборе и встретит Новый год в ресторане с коллегами. Его жизнь на фоне Иванова выглядит жутко интенсивной, но все еще укладывающейся в норму с точки зрения КДБ – в обоих смыслах.

Ну, я отвлекся. Если и теперь остается вопрос – чего это меня понесло на философский семинар, – то я отвечу просто: если в Минске происходят философские семинары – значит, это кому-нибудь нужно. А если это не вашего ума дело, так и не задавайте глупых вопросов. Я, может, и в церковь хожу чаще чем один раз в год, а среди моих соседей есть люди, которые в театре ни разу в жизни не были.

Примечание 3. Оставим пока в стороне вопрос о том, о чем и чем думают философы. Вспомним о том, чем они гордятся. Они гордятся

тем, что думают, что умеют думать. Некоторые даже думают, что они думают лучше других. А это сомнительно, но такое заблуждение нужно учитывать. Ведь из заблуждения возникают другие возбуждения. Например, если философ думает лучше других, то его нельзя нанять на работу в качестве философа. Вот преподавателем можно, а просто на ставку философа нельзя. Ведь тогда у философа могут быть начальники, а какой же начальник будет мириться с тем, что его подчиненный думает лучше его? Глупо получается. Именно поэтому философы не умеют работать. Они не могут терпеть над собой начальников, а начальники, в свою очередь, верят, что философы – это те, кто умеет думать лучше других, и комплексуют перед ними. Из этого обстоятельства вытекает дурная практика: если в Беларуси и есть философы, то они не при деле, они нигде не работают, а только треплются. Причем треплются только среди себе подобных – философов же. А тут я появляюсь на философском семинаре и говорю несколько бестактностей: 1) я не философ, я другой, и тем не менее мне интересно, что они обсуждают; 2) я не боюсь пригласить философа к себе на работу, значит, у меня нет перед философами комплекса, значит (можно заподозрить), я умею думать не хуже философа, а может (где это видано?), даже лучше; 3) мне недосуг думать о том же, о чем думают философы (философствовать), значит, есть в мире вещи, которые занимают меня больше, чем философия. А наличие таких вещей несколько умаляет философию. Из этой ситуации есть только один выход – считать меня «чайником», которому не дано понять всего того высокого, чистого, светлого, с чем отождествляется философия. Если не воспользоваться таким выходом, то им придется несколько пересмотреть свое отношение к философии, даже усомниться в себе как в философах. Но это их трудности, а я тут совершенно ни при чем. Ведь если всерьез воспринять тему «Активная философия», то все сомнения придут и без моего участия. А если не придут – это опять же их трудности, но уже другого рода. Чем это вы думаете, коллеги? В общем, думайте и мыслите, это ваша работа.

Примечание 4. А живут ли в Беларуси философы? Водятся ли они в наших широтах? Или это только кажимость? Вот, опять же, Акудовича[15] – «няма»! Ну, Акудович-то знает и говорит об этом. А дру-

15 Валентин Акудович – беларусский философ, литературный критик. Автор книги «Мяне няма. Роздумы на руінах чалавека» (Менск, 1998). (*Прим. ред.*)

гие? Их нет, а они даже и не догадываются об этом. Вот был случай с одним из участников рассматриваемого философского семинара. Подарил он мне журнал «Социология» со своей статьей. Статью я посмотрел, я еще в рукописи ее видел. А потом я на следующее обращаю внимание: кроме приземленно-прикладных статей, там несколько рассудительно-теоретических работ беларусских (не считая Степина) философов и социологов. Вот я представил себя иностранцем, которому попался единственный гуманитарный журнал из Беларуси, – единственный, то есть один номер, книжица. Имена авторов статей мне – иностранцу – допустим, ничего не говорят. Кто такой Шавель, кто – Данилов, откуда мне знать? Погляжу-ка я по индексу цитирования: кто там у них кто? Ни один из авторов ни на кого из беларусских коллег не ссылается. Кроме (к чести его) того, кто мне этот номер подарил. Тот упомянул книжку ведущего этого самого семинара. И то сказать, он ли упомянул? Поскольку статья в соавторстве. Но недолго мой визави удерживался на высоте положения. Когда я обратил его внимание на обсуждаемое обстоятельство, он мне и говорит: «Важно не то, кого ты цитируешь, а чтобы тебя цитировали!» Большей глупости я давно не слышал. Так я ему и сказал, естественно. Однако он не стал махать перед моим лицом кулаками, за неимением шпаги. Он просто не понял. Ну, молод еще, думал я себе, подросток… Однако ж нельзя списать все на молодость.

Упомянутый уже не раз Акудович как-то говаривал о своем образе жизни, что он иногда за завтраком почитывает Дериду. На этом основании он делает вывод, что живет в Европе. Ха, думаю я, а Дерида за завтраком почитывает ли Акудовича? Ну да, конечно, Акудовича ж «няма». Ну а почитывает ли он за ланчем Абушенко с Кацуком[16], делится ли впечатлением от прочитанного за файф-о-клоком с Делёзом? «Кто такой Кацук?» – спросите вы с Деридой дуэтом. А я про что? Кто такой Кацук, и есть ли он вообще, или его и в помине не существует, науке не известно. По крайней мере, такой вывод я могу с большой уверенностью сделать из анализа индекса цитирования в беларусских книгах и журналах.

Один из лучших беларусских педагогов Николай Жариков (существование которого в качестве хорошего педагога тоже под вопросом – в силу выше и ниже сказываемого) прочитал мою книжку

16 Владимир Абушенко, Николай Кацук – беларусские социологи. (*Прим. ред.*)

«Про яйца[17]» и, кроме всего прочего, говорит, что его нисколько не интересуют все упомянутые беларусские имена. Ну что после этого говорить? И это директор школы, куда педагоги подбираются по звездному принципу. Как он, интересно, звезд определяет? Если его не интересуют беларусские имена? А вот еще. Читаю статью Юрия Дракохруста[18] в «Курьере». Эпиграф – какое-то невыразительное четверостишье про Маньку в баньке из Пелевина, а дальше попурри на тему «Вех», но про беларусскую интеллигенцию. Цитируются кто угодно, но не беларусские авторы. Думаю, ну хочется постмодерново выпендриться автору, его право. Однако ж тема диктует обращение к конкретному беларусскому материалу. При чем тут Пелевин, если у Адама Глобуса[19] можно надергать сколько угодно подходящих случаю эпиграфов? А уж упражнений на ту же тему в беларусской публицистике и вовсе полно, и Юра первым обратил на это внимание.

В общем, вовсе не праздный это вопрос – живут ли в Беларуси философы? Аналогично: социологи, педагоги, просто гуманитарии и публицисты-морализаторы? После всех таких рассуждений нет-нет да и усомнишься в собственном существовании. Раньше мне было достаточно, что я cogito, для того чтобы не сомневаться, что я sum. А теперь один *сум, тлум* і *мітусня*. И все же я до сих пор не знаю иного условия для существования, чем cogito ergo sum.

Примечание 5. А философ никому ничего не должен – автоматически может ответить любой участник философского семинара, и, как всегда, сморозит глупость. Очень даже должен. Фокус только в том, кому и что. «Паддатнае мысьленьню – гэта тое, што дае мысьліць. Яно само зьвяртаецца да нас, каб мы навярнуліся да яго, а іменна – навярнуліся мысьлiўна. Паддатнае мысьленьню ні ў якім разе не паўстае толькі праз нас. Яно ніколі не палягае толькі на тым, што мы яго ўяўляем. Паддатнае мысьленьню дае, ёсьць нам мысьліць. Яно дае тое, што мае ў сабе. Яно мае тое, чым ёсьць само» – Мартин Хайдеггер. Если подлежащее мышлению само обращается к нам, если оно никогда не основывается только на том, как мы его себе представляем, то оно дает нам возможность мыслить, а значит, мы, принимая мыш-

17 В 2006 году эта книга была издана под названием «Вызывающее молчание». (*Прим. ред.*)

18 Юрий Дракохруст – беларусский публицист, журналист. (*Прим. ред.*)

19 Адам Глобус (Владимир Адамчик) – известный беларусский писатель-прозаик, эссеист, поэт, издатель и художник. (*Прим. ред.*)

ление, принимаем и определенные обязательства-долженствования относительно самого мышления и того, что подлежит мышлению.

Примечание 6. «Я выразился так, как хотел». Приходится делать эту оговорку, потому что я постоянно сталкиваюсь с одной и той же реакцией на подобные суждения. Меня упрекают в том, что я насаждаю СМД-методологию. В содержании моего высказывания этого насаждения нет, но слушатель часто так это воспринимает. Почему так происходит? По двум причинам. 1. Слушающий не слышит того, что содержится в высказывании, а слышит только то, что содержится в собственных фантазиях, разворачивающихся параллельно высказыванию. А не слышит потому, что в этот момент не мыслит. (См. цитируемую работу М. Хайдеггера). 2. Когда я говорю о своей принадлежности к ММК, это совсем не то же самое, когда кто-то другой говорит о том, что он последователь Делёза или Хайдеггера. Я ведь в самом деле мыслил вместе с Учителем, я работал с Г.П. Щедровицким. А Хайдеггера его беларусские последователи просто читали и заучивали. Я могу продолжить подхваченную у Учителя мысль, а выучившие тексты Делёза или Хайдеггера могут их пересказать близко к тексту. Утверждения «я последователь Щедровицкого» и «я последователь Хайдеггера» различаются по перлокутивной и дейктической силе; конечно, это различие может быть нивелировано субъектом говорения. Это различие имеет прямое отношение к обсуждаемой теме «активная философия».

Примечание 7. См. «Сага об учителях». Этот фрагмент мы разместили отдельно, в начале сборника, так как и сам автор использовал его как отдельный текст. (*Прим. ред.*)

Примечание 8. На семинаре, который послужил поводом к написанию этого текста, Владимир Фурс так и говорил, что уже несколько лет ему (имеется в виду он сам, В.Ф.) скучно. Даже срок затяжной скуки называл – 8 лет. Это странным образом примерно совпадает со временем написания моего текста. Однако я не могу охарактеризовать собственное состояние как скуку. Морализаторский вывод в приводимом отрывке сделан от первого лица множественного числа, а не от единственного. То есть мы, а не я. Когда я это констатировал, мне больше нечего было делать в Москве. Это было одним из мотивов отъезда из Москвы, оставалось только дождаться удобного повода и

вернуться в Беларусь, что и случилось через полгода после появления цитируемого текста. Вернулся 20 лет спустя, так сказать. И вот в Минске уже восемь лет мне не до скуки, иногда бывает так весело, что не передать. Но противоположностью скуке может выступать не только веселье, а и, скажем, увлеченность, сосредоточенность на задаче. Скука – это от безделья. Что значит безделье для человека, который занят не меньше, чем другие? Это занятость чем-то, когда ценности не совпадают с тем, чем ты занят. Когда цели не переносятся на то, чем занят. Так, скучно копать канаву или таскать камни только для заработка. Невозможно скучать, если ты копаешь окоп, чтобы выжить, или таскаешь камни для баррикады, чтобы защититься от тонтон-макутов. Как можно скучать в Беларуси, где еще ничего не сделано – то есть ничего не начинали делать? Вот скажем, скучно день изо дня философствовать, но совсем иное дело создать Минское философское *кóла*. Тут скучать не приходится, дело трудное, хотя и марудное. Делать не из чего, не с кем, не за что. Вот были бы деньги и все остальное! Но были бы деньги на это – было бы скучно. Какая скучная философия получилась бы в таком «коле» – ну чисто как сегодня в университете!

Кто скажет, что мои тексты или действия скучны? К ним могут быть самые разные претензии, но скучность?!. Кстати, решение такой трудной задачи как создание МФК избавляет еще от многих глюков, например от сантиментов и миндальничанья с околофилософской умничающей публикой. Мне незачем читать писания графоманов, выискивать рациональные зерна в упражнениях дебилов, вытирать сопли юным гениям, выслушивать умилительные доклады местечковых академиков и обслуживающего идеологию профессорского персонала. Мне просто жаль тратить на это время. Не хотите скучать – присоединяйтесь! Это так увлекательно – делать МФК и сделать его!

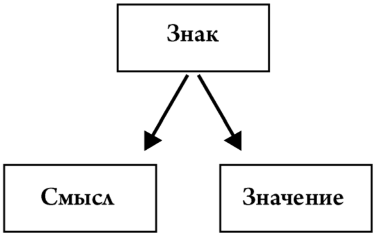
Примечание 9. О переносе категорий и заимствовании понятий. Часто используемая, но не всегда рефлектируемая процедура. В настоящем тексте я заимствую лингвистические понятия и переношу категории из действительности речи-языка в действительность мышления. Такие заимствования и переносы требуют специальных обоснований в каждом отдельном случае, но может быть и общая схема. Пока я не стану прорабатывать общую схему, а приведу одно из готовых рассуждений из другой области. Речь в этом рассуждении

(пока не опубликованном) идет об образовательных технологиях, соответственно, о трансплантации понятий из еще более далеких друг от друга областей, но принцип остается тем же. «Заимствование понятий и перенос на содержание других сфер деятельности. Термин «технология» возник при осмыслении сферы материального производства, и до сих пор его употребление остается, безусловно, корректным именно в этой сфере. За употреблением этого термина в сфере материального производства закреплено соответствующее значение и смысл. Технология в сфере материального производства является устоявшимся понятием с вполне определенным содержанием и объемом. Перенос термина «технология» на описание других сфер деятельности требует: анализа содержания и объема понятия, им означаемого; определения в содержании понятия того, что может быть без искажения применено при описании других сфер деятельности; определение рамок и ограничений при расширении объема понятия; согласование содержания понятия с категориальным аппаратом и тезаурусом в теориях тех сфер деятельности, в которые внедряется заимствованное понятие. Содержание настоящего раздела главы посвящено решению этих задач. Любой термин в системе языка выступает элементом простейшей схемы «знак – означаемое».

Между двумя элементами этой схемы заданы два отношения или одно двойственное. Знак нечто означает, проявляя себя тем самым в отношении номинации, означаемое же представлено в языке соответствующим знаком, проявляя себя тем самым в отношении референции. Как знак, так и означаемое могут быть не единичными объектами, но множествами. Тогда знаку соответствует множество синонимов, а означаемому соответствует множество вещей из мира реальных объектов или знаний. Допустив, что элементам этой схемы соответствуют множества, а не единицы, мы должны учесть, что

означаемому соответствуют два принципиально разных множества объектов. Это объекты знания и объекты действительного мира, о которых может и не быть знания. То есть применительно к технологии мы можем говорить, что означаемым для термина «технология» выступают знания о производственных процессах, с одной стороны, и сами производственные процессы, независимо от знания людей о них, с другой стороны. Кроме того, в природе означаемого необходимо выделять еще одну двойственность. Знаком номинируется в означаемом как значение его, так и смысл.

Под значением следует понимать объем и содержание понятия. А под смыслом – субъективное отношение употребляющих знак в языке к тому, что этим знаком означается.

Соответственно, при заимствовании термина из языка описания материального производства и переносе его в язык описания педагогической действительности мы должны помнить:

а) принципиально меняется значение термина как относительно содержания – теперь технологией называются (номинируются) вовсе не производственные процессы и знания о них, а нечто иное; так и относительно объема – в объем понятия включаются дополнительные явления, которые раньше в нем отсутствовали;

б) принципиально меняется смысл употребления термина в языке, отношение этого термина с другими категориями и понятиями профессионального языка.

При заимствовании и переносе понятий из одной сферы в другую необходимо учитывать еще и принцип историчности понятий. Термины и понятия вводятся в теорию и в профессиональные языки в определенной исторической ситуации. Вне этих исторических ситуаций употреблять понятия и термины необходимо с оговорками,

учитывая устаревание понятий (утрату ими исторической, смысловой и содержательной актуальности и уместности) и модернизацию в употреблении понятий (когда современные термины, понятия и представления употребляются для исторических ситуаций, предшествовавших их возникновению). Так, например, механика операций по сбору урожая зерна практически одинакова в до-машинную эпоху и сейчас (жатва, обмолот, провеивание, упаковка соломы и складирование зерна). Но распространять технологическое описание сбора урожая комбайнами на традиционные, выполняемые вручную, сельскохозяйственные работы необходимо с соответствующим оговариванием подобия и различия рабочих операций. Именно с учетом этих оговорок, с полным представлением о подобии и различии рабочих операций, мы имеем основания говорить о технологизированном сельскохозяйственном производстве, или об агротехнологиях, и о нетехнологизированном сельском хозяйстве».

Зачем нам философия и что с ней делать?

Текст написан в 1999–2000 гг., опубликован в персональном блоге Владимира Мацкевича в «Живом Журнале» 28 апреля 2008 года.

Между жизнью и смертью

Если уж врачи спорят у некоторого тела о том, что пациент скорее жив, чем мертв, или наоборот, скорее мертв, чем жив, значит, тело все еще пациент, а не труп. А раз пациент, значит, надежда еще есть. Однако как мало похоже на жизнь то, что происходит в ином теле! По крайней мере, на то, что мы привыкли считать жизнью. Жизнь и смерть – вещи абсолютно противоположные и несовместимые. Однако между ними есть переходные состояния. Для разной жизни эти состояния называются по-разному. Клиническая смерть – еще не смерть, но уже и не жизнь, хотя возврат к жизни возможен. Еще такие состояния называют комой. Шок может быть похож на смерть. Лягушка некоторое время может жить с отрезанной головой. Даже хвост, оторванный у ящерицы, некоторое время подает признаки жизни, шевелится. Смерть – это небытие, небытие – это ничто. Зачем рассуждать ни о чем? Может, и незачем. Но для того чтобы жить, нужно помнить о смерти. Мы живем и помним о смерти, если не мы непосредственно – то наше бессознательное и инстинкты помнят. Инстинкт самосохранения работает и позволяет нам избегать смертельной опасности. Если эта память исчезает, смерть не заставит себя долго ждать. Поговорим же о жизни и смерти.

Я живу в Минске, посещаю другие города и деревни Беларуси, встречаюсь с людьми, сталкиваюсь с разными организациями. Все чаще после таких встреч и столкновений сам собой встает вопрос о жизни и смерти. Я встречаю людей в шоковом состоянии. Шок – явление кратковременное. Шок проходит, но после этого нельзя сказать, что люди возвращаются к жизни. Они переходят в другое состояние, тоже промежуточное между жизнью и смертью, например в каталепсию или в летаргический сон. Какие-то признаки жизни сохраняются, но не все. Еще хуже обстоят дела с организациями и социальными институтами. Кто может с уверенностью сказать, что беларусское кино живо? А театр, а литература? Да, некоторые признаки жизни там сохраняются, так же, как в летаргическом сне или в анабиозе, есть дыхание, но очень слабое, и нет движения и реакции на окружающие явления. От общественной жизни и политики вообще несет мертвечиной. Экономика скорее мертва, чем жива. А некоторые отрасли, например сельское хозяйство, пребывают в состоянии распада и гниения. Вымирают деревни. А еще армия, школа, авиация, культура… Жив ли аэродром, на который уже много лет не приземлялся ни один самолет? Жив ли колхоз, у которого много лет не хватает выручки за урожай на закупку семян и топлива?

Клевета! – скажут мне на этот пассаж очень многие. Кто может констатировать смерть тех организаций, о которых идет речь? А действительно, кто? Смерть организма констатирует врач. Смерть предприятия может констатировать аудитор. Вот, например, банкротство. Предприятие существует, чтобы приносить прибыль. А если оно живет на дотациях и не способно окупить собственные затраты, его можно считать мертвым. Но ведь на предприятии остается техника и люди, стены и станки. Они ведь подают признаки жизни? Конечно. Но все это – люди, станки и стены – может быть передано в управление другому предприятию, юридическому лицу. Это другое лицо может управлять ими так, что они снова начнут приносить прибыль. Но это и есть предприятие – юридическое лицо, которое может обеспечить прибыль. Первое предприятие – банкрот, второе предприятие – живо и жизнеспособно. А кто может констатировать смерть кино, театра, школы и других институтов? И тем более страны и нации? «Жыве Беларусь!» Это что? Лозунг и призыв или констатация жизни?

Если почитать беларусские газеты, поговорить с экспертами и специалистами, то возникает ощущение присутствия на дурацком

консилиуме, где одни говорят, что Беларусь скорее жива, чем мертва, другие – что скорее мертва, чем жива. Официальные лица говорят одно, а неофициальные – другое. Говорить про Беларусь как таковую сегодня немодно. Больше говорят об отдельных явлениях и сторонах жизни Беларуси. Говорят, например, об экономике страны. Одни утверждают, что имеет место экономический подъем и приводят аргументы и факты, т.е. цифры. Другие говорят о коллапсе экономики и приводят свои аргументы и цифры. Между этими двумя утверждениями располагается множество других, менее радикальных рассуждений о застое, экономическом спаде, отдельных трудностях. А в чем же истина? Жива ли беларусская экономика или мертва?

Или говорят еще о демократии. Одни говорят, что она есть, другие – что ее нет. Можно довести эти рассуждения до конкретных политических институтов. Есть ли в Беларуси законодательная власть? Одни говорят – есть, и называют конкретный институт. Но тут уже мнения расходятся: кто-то называет Верховный Совет в этом качестве, а кто-то двухпалатное Национальное Собрание. Другие говорят, что законодательной власти в стране нет, поскольку Верховный Совет умер, а обе палаты Национального Собрания мертворожденные. То же самое, если речь заходит о свободных и независимых СМИ, о политических партиях и оппозиции, о гражданском обществе. Так кто же прав? Где тот врач, диагнозу которого можно верить?

Множество экспертов и аналитиков высказали свое мнение о состоянии здоровья нашей страны по самым разным аспектам этого состояния. Любая жизнь многообразна и многофункциональна. У организма могут отказать отдельные органы, а жизнь продолжается. Можно жить без ног и рук, без почки и селезенки. Можно жить с искусственным сердцем и легкими. Говорят, что смерть необратима, когда отказал мозг. Может быть. А если речь идет о стране и нации? Врачи какой специальности должны судить о ее жизни и смерти?

Большинство экспертов и аналитиков говорят об экономике и политике. Скучно читать то, что они пишут, разговаривать с ними вообще трудно. Про это уже все сказано много раз. Уже несколько лет от экономистов и политологов не звучит не одной новой мысли. Из всех экономических и политологических рассуждений я могу сделать только один вывод – Беларусь еще не мертва, но и жизнью это назвать

нельзя. Что это? Анабиоз, каталепсия, летаргический сон или клиническая смерть? Может быть, точное определение состояния кому-то важно, но мне это представляется малоинтересным. Важнее другое. Может ли Беларусь вернуться к жизни и как этого добиться? Мне кажется, что ни экономисты, ни политологи ничего про это сказать не могут. А кто может? Есть еще социологи. Социологи меньше рассуждают о банальностях, чем экономисты и политологи. Они проводят опросы и описывают, что из них следует. Если провести аналогию с медициной, то социологи измеряют пульс общественной жизни. Пульс прощупывается, но еле-еле. Уже много лет основные показатели общественного мнения практически не меняются. Социологи не говорят о смерти – скорее об апатии пациента, о потере интереса к жизни. Ни социологи, ни экономисты, ни политологи не могут предложить варианта лечения страны.

Клевета! – снова могут мне сказать. Есть множество предложений по выходу из кризиса, экономические программы и политические решения. Есть. Не стану спорить. Но все эти предложения и программы сводятся не к лечению, а к рассуждениям типа: вот если бы было так, то можно было бы сделать эдак. Это не лечение. Нормальные экономисты знают, как поднять сельское хозяйство, увеличить экспорт, привлечь инвестиции. Но они знают и другое: что при нынешнем политическом режиме это невозможно. Политологи знают, как должно быть устроено государство, но не знают, как сменить то устройство, которое есть, на то, которое должно быть. Социологи знают, что при современном состоянии общественного мнения все недовольны, но никто ничего не будет делать, чтобы изменить положение.

Если страна и нация в апатии или в летаргическом сне, то это относится и к экономистам, и к политологам этой страны. Наши эксперты и аналитики работают как сонные мухи осенью, перед смертью или зимней спячкой, – в анабиозе.

Если снова обратиться к медицинским аналогиям, то вспомним: что делают люди, когда медицина им не может помочь? Они обращаются к знахарям, шаманам, экстрасенсам. Эти почти всегда имеют решения. В беларусской экономике и политике много шаманства и экстрасенсорных заклинаний. Заклинание российского рубля, который должен спасти нашу экономику, – чистое шаманство. Сеансы

телевизионного гипноза с главным шаманом или его подмастерьем Зимовско-кашперовским[1]. Массовый гипноз на всенародных референдумах и на альтернативных президентских выборах. Иногда некоторым пациентам помогают сеансы белой магии или шаманские заклинания. Медицина даже имеет этому объяснение. Успехи знахарей и экстрасенсов объясняются волей к жизни у пациента. Некоторые шаманы и экстрасенсы, если они не сумасшедшие и не шарлатаны, именно этим и пользуются. Они вызывают у пациента волю к жизни. Но чаще это делают не они, а просто люди из числа близких больного. Именно те, кто любит больного или кого любит больной, могут стимулировать волю к жизни. Но для этого у них у самих должна быть эта воля к жизни. Если все близкие больного смирились с его болезнью и приняли неизбежность смерти, больному уже ничего не поможет. Все экстрасенсы от экономики и шаманы от политологии, к которым обращается больная Беларусь, – шарлатаны. К кому же ей обращаться? Есть ли такие специалисты, которые могли бы разобраться в современном положении дел, поставить диагноз и предложить путь лечения? Есть ли такая область знания, к которой нужно обращаться в таких запущенных случаях? Я думаю, есть. Это философия.

Да. Это не экономика, не политология, не социология и не психология. Все эти специалисты уже давали свои объяснения на страницах «Белорусской деловой газеты» (БДГ) и других газет. Можно перечислить имена авторов, но постоянные читатели их знают. Среди них есть нормальные специалисты, есть дилетанты, есть откровенные шарлатаны и шаманы. А вот философов практически не было. То есть бывают статьи, подписанные философами по профессиональной принадлежности, но это чаще всего публицистика или просто журналистика. Философов не любят в журналистике, философию считают заумью. Эта неприязнь к философии проявляется во всех сферах общества. Мне с этим приходится сталкиваться постоянно.

В 1994–1997 годах я не мог пожаловаться на недостаток публикаций и выступлений по телевидению. Но если я хотел опубликовать то, что думаю и как думаю, то всегда встречал возражение – это не для газеты, это не поймут, это для очень узкого круга. То, что печатали, всег-

1 Александр Зимовский – журналист, ведущий информационно-аналитических программ на беларусском телевидении, с 2008 по 2011 год – председатель Белтелерадиокомпании. (*Прим. ред.*)

да было подписано моим именем с прибавлением профессиональной принадлежности. Кем только я не был: политологом, социологом, психологом, культурологом, даже экономистом однажды. Но редакторы всегда отказывались ставить рядом с моим именем слово методолог. А методология, точнее СМД-методология[2], – это направление философии, которым я занимаюсь. Только недавно появилась подпись «философ, политолог», да и то в специфическом журнале ARCHE[3].

Между тем я никогда не писал статей по политологии, культурологии, психологии и тем более экономике. Речь, конечно, идет о газетных и журнальных статьях, о выступлениях по телевидению и радио, то есть о популярной публицистике в области научных предметов. Вся моя публицистика исключительно философская, даже тогда, когда я делал популярно-ликбезовскую экономическую передачу на БТ[4]. Чем отличается экономическая или политологическая статья от философской, особенно если в них обсуждаются одни и те же вопросы? Отличие состоит в том, что философская статья затрагивает вопросы метода, содержит критику, а не дает ответов и рецептов. Если собрать мои статьи по политическим или экономическим вопросам, то их общее название могло бы звучать так: «К критике беларусской политологии», или «К критике беларусской политэкономии», и т.д. Это всегда раздражало моих оппонентов, меня ругали за «критиканство». Но это не критиканство, это критика. Попробую разъяснить, в чем разница.

Если философ берется за анализ некоторого предмета, то его в первую очередь интересует, как об этом предмете можно мыслить. Анализ и разбор мышления о предмете и есть критика. Я знаю о беларусской экономике, политике и других областях меньше, чем соответствующие специалисты. Я слушаю специалистов и обращаю внимание не столько на то, что они утверждают, сколько на то, как они пришли к своим утверждениям. Я разбираюсь с тем, как мыслят экономисты, политики, политологи и прочие. Тот, кто мыслит правиль-

2 СМД-методология – системо-мыследеятельностная методология, подход, разрабатывавшийся в рамках московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В.Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. *(Прим. ред.)*

3 ARCHE – беларусский независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходит с 1998 года. *(Прим. ред.)*

4 Образовательная передача для взрослых об основных понятиях рыночной экономики «Это мы не проходили». Передача выходила в течение полутора лет, начиная с конца 1995 г. до середины 1997 года. *(Прим. ред.)*

но, – приходит к правильным выводам и умозаключениям; тот же, кто делает утверждения, выводы и умозаключения, не обращая внимания на то, как он это делает, – скорее всего, ошибается или только случайно оказывается прав.

Чтобы вывести страну из каталепсии и летаргического сна, из того, что чаще называют невыразительным словом «кризис», нужны усилия самых разных специалистов. Но эти усилия будут бесплодными, если среди специалистов не будет философов и методологов. В нормальной стране должна быть своя философия, должны работать философы. И к ним необходимо прислушиваться.

Беларуси, находящейся между жизнью и смертью, нужна беларусская философия. О ней – о беларусской философии – я попробую порассуждать.

Зачем философы народному хозяйству?

В годы перестройки все зачитывались новой литературой, прорвавшейся к читающей публике благодаря гласности. Одна из новых книг называлась «Факультет ненужных вещей» – так Домбровский назвал юридический факультет. Ненужными вещами для большевиков были права и рассуждения о них, поскольку они руководствовались революционным правосознанием и классовым чутьем. И милиция, и прокуратура легко обходились без этих вещей. Иное дело философские факультеты. Там ковались идеологические кадры. Большевики отнюдь не считали философию ненужной вещью. Наоборот, ей уделялось особое внимание, она была предметом особой заботы партии. Еще бы! Ведь нужно было в стране за железным занавесом, опутанной колючей проволокой, объяснить людям, что только здесь «так вольно дышит человек». Трезво мыслящие люди хорошо понимали назначение советской философии и игнорировали ее. Им было понятно, что философы – дармоеды и обманщики, никакой пользы от философствования никто не ожидал. Экзамены в ВУЗах сдавали, но читать это и интересоваться этим никто в здравом уме и трезвой памяти не хотел.

Перестройка кончилась, наступила эпоха прагматиков. Люди стали «делать деньги», и оказалось, что в экономических отношениях право – вещь очень нужная. Юридические факультеты стали пользо-

ваться большой популярностью. А «факультетом ненужных вещей» стал философский. Научные коммунисты переквалифицировались в политологов, историки КПСС продолжали заниматься тем же, что и раньше, только называться стали просто историками. О существовании философов просто забыли. И это очень странно, потому что именно теперь появилась философская литература, которая была недоступна советскому читателю. Полки книжных магазинов заполнены книгами авторов, о которых в советские времена не слышали даже профессиональные философы, и, странное дело, их покупают. Если философские книги покупают, значит, это кому-то нужно. Зачем? Зачем вообще пишут и читают философские книги? Что делают философы в этом мире? За что они получают зарплату?

У советских людей существовал миф, что при капитализме деньги на ветер не бросают, что там зря зарплату не платят. Когда советские люди сами стали учиться капитализму, они тоже стали считать деньги, поэтому философам перестали платить. И правильно: а за что? Но можно поинтересоваться, за что платят деньги философам на «диком Западе». Философов там всегда было больше, чем в СССР, и уж куда больше, чем осталось в новых независимых странах. Почему там общество содержит этих «дармоедов», оплачивает многочисленные «факультеты ненужных вещей»? Неужели их прагматизм – это только советский миф? Нет, просто философы пишут книги, читают лекции, выступают перед публикой – все это пользуется спросом, за это им и платят деньги.

Спрос – предложение, обычные рыночные отношения. Но все знают, что спросом пользуется то, что удовлетворяет чьи-то потребности. Чьи же потребности удовлетворяет философия и в чем эти потребности состоят?

Советская идеология представляла человека в самом примитивном виде. Потребности у советских людей строго делились на две группы: материальные и духовные. Материальные сводились к тому, чтобы есть и пить, но не обжираться, жить в тепле и уюте, но без излишков жилплощади. Материальные потребности высчитывались Госпланом, чтобы каждому по прожиточному минимуму, чтобы мог работать и выполнять план, но не роскошествовать. Роскошь и стремление к материальным благам сверх нормы выживания сурово осуждались идеологией. Казарменный уровень потребностей был идеа-

лом советского человека, и эта сторона советской идеологии была всем очевидна. А вот духовные потребности могли удовлетворяться беспредельно – такова советская иллюзия. Но на самом деле то, что называлось духовными потребностями, было точно так же нормировано, как и материальные потребности. Хлеба и зрелищ старались выдавать столько, сколько решала партия. И духовные потребности сводились к зрелищам.

Духовные искания разрешались в области литературы и искусства, но не в религии и философии. Вместо действительно удовлетворения духовных потребностей предлагалась идеологическая жвачка из пересказов вульгарной философии XVIII–XIX веков. А человеку нужно понимать, в каком мире он живет, что происходит вокруг, как живут другие люди. Ответы на такие вопросы дают наука, религия, различные сумасшедшие эзотерические учения и экзотические культы. Причем ответов много, разных и противоречивых. Если эти ответы нормированы, как в СССР, – есть только одно единственно правильное учение, только одна наука, а все религии есть ложь и «опиум для народа», – то нет нужды в критике, в том, чтобы ориентироваться в этом обилии ответов. Зачем человеку компас и знание географии, если он всю жизнь бредет по одной дороге, по однажды проложенной колее, с которой невозможно свернуть и заблудиться? Зачем человеку разбираться в различных учениях, если есть только одно правильное?

Философия не дает правильных ответов, она помогает выбирать из множества ответов те, которые необходимы человеку. Философия – это просто критическое отношение к любым утверждениям, к любым истинам. Философия – это вдумчивость во всем, в отличие от вмененности.

Каждый человек имеет мировоззрение, без этого нельзя жить. Многие меняют мировоззрение в течение жизни, особенно если их жизнь меняется. Примитивному безграмотному дикарю уютно со своим мировоззрением, каким бы примитивным оно ни казалось цивилизованному человеку. Если в культуре нет философии, то это вовсе не означает, что в этой культуре нет ответов на традиционные философские вопросы. Ответы есть, но они догматичны и примитивны, они просты до очевидности. Мир выглядит просто, жизнь проста и понятна. Большинство советских людей после перестройки поменяли свое мировоззрение – они больше не материалисты,

не диалектики и не коммунисты. Но поменяли они свое мировоззрение на иное, такое же примитивное и простое. Теперь все верят в разное, но верят так же безусловно и некритично, как когда-то многие верили в неизбежное торжество коммунизма. Эти люди избегали вдумчивости тогда, не вдумываются и теперь – истинно ли то, во что они верят, соответствует ли их мировоззрение тому миру, в котором они живут?

Конечно, люди видят, что мир не в порядке, что жизнь не обустроена и тяжела, что все происходит не так, как хотелось бы. Но они находят в своем мировоззрении объяснения этим неурядицам. Виноваты враги. Враги кругом. Чужие хотят им зла и все делают для этого. С врагами нужно бороться или держаться от них подальше, оберегать свой мирок от вмешательства злых чудаков. Когда такие люди слышат критику своего мировоззрения, они воспринимают это как агрессию. Всякое сомнение в правильности их убеждений выдает врага.

Общество с одной идеологией и одним «единственно верным» мировоззрением отличается от общества, где много идеологий и плюрализм мировоззрений. Но если это множество мировоззрений и идеологий не обсуждается, не критикуется, если все они догматичны, то отличия, в общем, не существенны. СССР распался на несколько суверенных государств, некоторые их них полностью воспроизводят то, что было раньше. Но и сами общества в этих новых странах распадаются на мелкие сообщества, которые избегают контактов и пересечений друг с другом. СССР умер как единое целое, началась самостоятельная жизнь суверенных наций. Сейчас умирают Беларусь, Украина и Россия как целые нации, распадаясь на отдельные замкнутые сообщества, не знающие и не желающие знать о существовании друг друга. Националисты не вступают в контакт с интернационалистами, либералы с коммунистами, католики с православными, беларускамоўныя с русскоязычными.

Вот Подгол[5] утверждает, что 80% беларусов абсолютно убеждены в правоте своей точки зрения. Зачем абсолютно убежденному человеку сомневаться? Ведь он убежден, а убеждения от сомнений разрушаются.

---

5 Владимир Подгол – кандидат психологических наук, аналитик, автор работы «Менталитет современного населения Беларуси: структура и трансформация». *(Прим. ред.)*

Зачем нужна философия?

В мультике про кота Матроскина мама спрашивает: «Какая от кота польза?» Папа отвечает вопросом на вопрос: «А от этой картины какая польза?» Мама объясняет, что от картины на стене очень большая польза – она дырку на обоях закрывает. Кажется, в последние советские десятилетия философия выполняла именно такую функцию в СССР: она закрывала собой разные прорехи и дыры.

Габриель Гарсия Маркес посетил Москву в 1957 году, во время Всемирного фестиваля молодежи, когда впервые был немного приподнят «железный занавес». Он вспоминает убогость советской жизни, когда при всеобщем радушии и интересе к иностранцам только немногим москвичам разрешалось пригласить иностранцев к себе домой. «Они думали, что они живут хорошо, – замечает колумбийский писатель, – а жили они плохо». Советские люди всегда жили плохо, а нужно было, чтобы они думали, что живут хорошо. Для этого на полную катушку была запущена пропагандистская машина, составной частью которой была советская философия.

Использование философии в этом качестве полностью искажает смысл ее существования. Философия – это искусство ставить и задавать вопросы, а в рамках пропаганды она давала ответы, которые считались единственно правильными. «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно» – эти слова Ленина часто можно было видеть на красных транспарантах во многих научных и учебных заведениях советских времен.

Но философия – это сомнение и вопрошание, а не убежденность и отвечание. Если философия и дает ответы на какие-то вопросы, то только для того, чтобы тут же подвергнуть их жесточайшей критике и посмотреть: выдерживают ли они эту критику, выстоят ли перед напором радикального сомнения? Философия – это искусство критики, мастерство скепсиса, техника проверки очевидных истин.

Вот пример радикального сомнения. Давид Юм, прожив много десятилетий, каждый день наблюдал восход и закат солнца и все же не мог быть уверен, что на следующий день это явление повторится. Этот крайний случай – полная противоположность догматическим убеждениям советских людей. На их глазах разрушалась страна, рушилась государственная система империи – а они были убеждены,

что она незыблема и будет существовать вечно. Даже когда СССР развалился и возникла независимая Беларусь, в которой все временное и переходное, очень многие думают, что установившийся режим неизменен, что это на века. Тоталитарному государству нужна именно такая убежденность. Гитлер строил в Германии тысячелетний Рейх, а просуществовал он только 12 лет.

Таковы два крайних представителя человека разумного: философ, который во всем сомневается, и носитель тоталитарного сознания, который абсолютно убежден в незыблемости и реальности всего. С философами не построишь ни коммунизма, ни тысячелетнего Рейха – для этого нужны другие люди, не знающие философии. Если философия – это вопрошание, то строители коммунизма и любой его тоталитарной разновидности не должны спрашивать. Если философия – это искусство критики, то носители тоталитарного сознания должны быть лишены способности к критике. Если философия – это мастерство скепсиса и сомнения, то подданные империи должны быть полной противоположностью скептикам – они должны быть догматиками.

Критика, сомнение, умение ставить и задавать вопросы – это способности ума, это функции мышления. Если необходимый тоталитарному государству человек должен быть лишен этих способностей и умений, то он не способен и к полноценному мышлению. Он может быть наделен природным умом, смекалкой и сообразительностью, но это еще не мышление. Он не мыслит, так же как не мыслит компьютер, хотя и компьютер и тоталитарный человек способны решать некоторые интеллектуальные задачи. Но именно некоторые, а не любые, не все, доступные человеческому мышлению.

Даже зрителям-детям понятен юмор Успенского в мультике про кота Матроскина, маму и картину. Картины нужны для красоты и удовлетворения эстетических потребностей, а вовсе не для того, чтобы закрывать дырки на обоях.

Картины рисуют художники, а не все люди. Однако во всех школах детей учат рисованию. Зачем учить всех детей рисованию, если они не станут художниками? А именно для того, чтобы они понимали изобразительное искусство, чтобы у них формировались эстетические потребности. Смешна мама дяди Федора, поскольку она лишена эстетического чувства. Для этого же учат музыке и пению, даже тех,

у кого нет музыкального слуха и способностей, – для полноценной жизни в мире культуры и людей. Чтобы наслаждаться серьезной симфонической музыкой, нужно учиться. Без учения такая музыка только раздражает или безразлична.

То же самое и с мышлением. Чтобы мыслить самому, чтобы следить за ходом чужой мысли, нужно учиться этому. Учиться критике, сомнению, умению ставить и задавать вопросы. А вот внимать ответам, подчиняться приказам, выслушивать советы и рекомендации можно и не учась. Как никто не учится слушать попсовую музыку, которая проста и физиологична, адресована непосредственно природным способностям.

Уходя от аналогий, я могу сформулировать жесткий тезис: если в стране нет философии, то граждане этой страны не могут полноценно мыслить. Граждане такой страны способны только к решению некоторых интеллектуальных задач и не способны к решению многих других. Граждане СССР были одинаково не способны ни к строительству коммунизма, ни к рыночным реформам. Они не были способны ни сохранить империю, ни реформировать ее. То же самое можно сказать про граждан Беларуси, носителей советского тоталитарного сознания. Задачи, которые стоят сегодня перед нашей страной, недоступны для решения этими гражданами. Это очень обидное утверждение, даже оскорбительное. Но это приходится утверждать.

К счастью, граждане Беларуси неодинаковы, они никогда не были одинаковыми, как ни старалась идеологическая машина и «компетентные» органы. Беларусь населяют разные люди. Но в нашем контексте важны пока только две категории: те, кто немножко знаком с философией, учился в свое время критике, сомнению и вопрошанию, у кого есть эти способности – и все остальные.

Высказав один обидный и оскорбительный тезис, я вынужден развить его дальше. Никакого значения не имеют в нашем контексте иные качества и способности: музыкальные таланты, искусство вышивания крестом, глубокое знание математики, техники и даже экономики и политологии. Даже грамотные экономисты, политики, хозяйственники и прочие, если они не способны к критическому мышлению, скепсису и вопрошанию, являются носителями тоталитарного сознания.

Этос, топос, логос и праксис философа

Стенограмма лекции из цикла «Введение в философию», 2009 год (с сокращениями).[1]

Я начну с отсылки к предыдущим лекциям, а точнее, к тому, что звучало в комментариях и обсуждениях первых лекций. С одной стороны, это было удивление или даже упрек в том, что я не рассказываю в этих лекциях свою философию, а рассказываю какую-то такую отстраненную историю философии, как будто бы она мне известна. С другой стороны, звучали упреки в том, что я говорю про институт философии, про диалог, идеальный план и всякие такие конструкции, вместо того чтобы, как обещал, выходить на историю изменения представлений о мышлении и о том, как я это мышление себе представляю. И я несколько раз отвечал на эти упреки и удивления, что я никак не могу перейти собственно к мышлению, пока не сказал одного, другого, пятого, десятого и т.д. И наконец, как мне кажется, я добрался до того момента, когда могу наконец перейти и начать об этом говорить.

Но в чем состоит этот перелом, этот рубеж, который мне надо перейти, чтобы потом начать об этом говорить? Этот рубеж для меня лежит в *индивидуальности* философа. Индивидуальность – это вторая

1 В 2009 году в рамках методологического семинара Владимиром Мацкевичем был прочитан цикл лекций «Введение в философию», в котором в режиме философствования и рефлексии разбираются основные компоненты существования философии и мышления, философского самоопределения. Остальные лекции можно найти на сайте www.methodology.by. *(Прим. ред.)*

тема заявленных лекций. С самого начала я говорил, что «мышление» и «индивидуальность» – это два содержательных компонента, через которые я буду выворачивать всю философию, как я это себе представляю. Но, как сейчас понимаю, мне достаточно трудно занять собственно лекторско-преподавательскую позицию – в том смысле, что у меня переизбыток рефлексивности, не дающий мне возможности говорить о том, о чем я говорю, как о чем-то, что есть на самом деле, отстраненно, как об истине. С другой стороны, у меня недостаточно идентификации с неким общепризнанным, легитимизированным подходом, от имени которого я бы мог говорить. Я говорю как методолог, как СМД-методолог[2], как последователь Московского методологического кружка (ММК)[3], но я уже настолько далеко, как мне кажется, оторвался от ММК, что у меня язык не поворачивается сказать, что то, что я говорю, это и есть философия, или позиция ММК. Здесь я ни в коей мере не открещиваюсь от ученичества, от того, что я адепт Московского методологического кружка, и что все, что я знаю, базируется на этом подходе. Но я вижу себя как карлика, стоящего на плечах гиганта, который видит дальше не потому, что он гигант, а потому, что он стоит на плечах гиганта. Тем не менее, карлик, стоящий на плечах гиганта и пользующийся этим преимуществом, не является гигантом – это два разных субъекта. И, как шутят иногда в ответ на эту метафору, для карлика очень важно не запутаться в шевелюре гиганта, на плечах которого он стоит, и не принимать эту шевелюру за рассматриваемый горизонт.

Так вот, базируясь и основываясь на идеях ММК и Георгия Петровича Щедровицкого[4], я все-таки говорю вещи, которые, наверное, в ММК или у самого ГП вызвали бы много возражений, несогласий и

---

2 СМД-методология – системо-мыследеятельностная методология, подход, разрабатывавшийся в рамках Московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В.Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. *(Прим. ред.)*

3 ММК – Московский методологический кружок, образован в середине 50-х годов XX века Георгием Петровичем Щедровицким. История ММК развивалась от исследований мышления как деятельности к системо-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) и практике организационно-деятельностных игр (ОДИ). *(Прим. ред.)*

4 Георгий Петрович Щедровицкий – философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель и идейный вдохновитель школы методологов, основатель Московского методологического кружка и СМД-методологии. В Московском методологическом кружке и среди учеников было принято употребление аббревиатуры «ГП». *(Прим. ред.)*

вообще могли бы быть не распознаны как происходящие из ММК. И в этом смысле мне нужно каким-то образом предъявить эту свою индивидуальность, после чего я могу говорить в большей степени от себя и высказываться от себя. Но, чтобы ее предъявлять, недостаточно «яканья» и просто самости, необходимо разобраться с тем, чем сформирована индивидуальность философа, говорящего вещи, которые он говорит. Поэтому тему лекции я сформулировал как перечень категорий: этос, топос, логос и праксис философа.

Так или иначе, все предыдущие четырнадцать лекций были в режиме поэзиса, и понимать их, трактовать их нужно именно таким образом. Говоря о философии как о некоей противолежащей мне деятельности, я говорил как бы глядя на философию со стороны – то есть такой рефлексивный взгляд на философию. С другой стороны, этот взгляд не был взглядом непредвзятого наблюдателя, он был взглядом наблюдателя активного, который пытается с этим, о чем он говорит, т.е. с философией, нечто сделать. И время от времени, говоря о философии, я говорил и о философе с именем собственным, или о фигуре, позиции философа в схемах института философии или в схемах вводимого идеального плана. И о философе я говорил в третьем лице: «Он». И в этом смысле мое говорение было, скажем так, нормативно-дескриптивным: я либо описывал некоего философа (не себя, а его), либо задавал для него некую норму деятельности.

И прежде чем перейти к обсуждению собственной философской программы, к обсуждению того мышления, которое я мыслю и культивирую, я должен восстановить ту самую индивидуальность и того, кто это будет говорить от первого лица. Потому что говорить об этом в третьем лице для меня означает нефилософское отношение; это может быть историко-философское отношение, критико-философское отношение и т.д., но не философское как таковое. Философия всегда должна делаться от первого лица. Но это не означает, что любой студент, пришедший на 1-й курс и начинающий изучать философию, обретает право участвовать в длительном и многовековом философском разговоре от первого лица. Для этого надо еще такое право обрести, или овладеть этим правом.

Почти все, что является достойным быть-присутствовать в философском разговоре, выносится так или иначе в идеальный план, и там

рисуются-изображаются понятия, схемы, идеальные объекты, там же размещаются категории, онтологии и т.д. Но есть ряд понятий, которые бессмысленно рисовать, или воссоздавать, в идеальном плане, потому что, будучи помещены в идеальный план, идеализированы, эти понятия, категории, идеальные объекты утрачивают большую часть своего содержания и специфики – они теряются в идеальном плане.

Например, когда поэты пишут стихи про любовь или писатели пишут романы про это же, то в этих романах или стихах своеобразными художественными методами так или иначе достигается полнота задания той категории, которая составляет в данном случае содержание – эта самая любовь. Если мы попробуем передать тему любви, например, психологам, физиологам, биохимикам, то они тоже много чего про это смогут рассказать и вынести это так или иначе если не в идеальный план, то, по крайней мере, идеализировать и тоже некоторым образом рассказать: «Любовь есть особая форма движения белковых тел и т.д. и т.д.» Но собственно от любви ничего в этом месте не останется. Или, например, такое понятие как честь. Можно кодифицировать честь и составить, например, кодекс чести философа, и даже поместить его в идеальный план, нормировать и требовать затем реализации этой нормировки, но это не будет отражать полноту «чести».

И тогда такого рода понятия – несмотря на то что, так или иначе, их проецируют в идеальный план – собираются во всей полноте не в идеальном плане, а на индивидуальности философа. И собственно эта индивидуальность тогда обретает какой-то смысл (превышающий бытовое, расхожее представление об особости индивида, индивидуальности как таковой), когда это все каким-то очень своеобразным способом собирается на индивидуальности философа и делает этого философа, если хотите, «денди» философии – того, кто задает школу, направление, формирует вокруг себя институт философии.

Вот я уже несколько раз ссылался на одну дискуссию, которую видел на российском телевидении по каналу «Культура», когда ведущий некоего ток-шоу собирает за столом шесть российских философов и задает вопрос: «А что означает быть философом в России и кто в России является философом сегодня?» То же самое можно адресовать в Беларусь и спросить: «Ну а кто в Беларуси сегодня является

философом?» Когда-то в газете «Советская Белоруссия» тоже собирали философов, чтобы обсудить какие-то проблемы. Собрали, по-моему, шесть человек[5]. И возникает резонный вопрос: а почему там не было других философов, например? И всякий раз тогда вопрос о том, кто является в Беларуси философом (когда нужно привлечь его к соответствующей ответственности), должен решаться индивидуально. Кто является в Беларуси философом? Может ли любой выпускник философского факультета, у которого в дипломе написано, что он философ, попадать в список кандидатов на то, чтобы быть сегодня в Беларуси философом?

И всякий раз, когда мы говорим про философию в залоге, связанном с индивидуальностью, мы упоминаем имена собственные. Например, говорим: «XVIII век – Кант», «XIX век» – там уже сложнее – «вначале Шеллинг, но быстро уступает место Гегелю, Гегель – Марксу». А дальше начинается какая-то чехарда: кто сегодня в России философ? Кто сегодня в Беларуси философ? А кто сегодня философ в Германии? Или, например, кто является философом XX века, или конца XX века, начала XXI века? По прошествии веков, кажется, этот вопрос решается гораздо проще. Эта индивидуальность философа – она крепнет и определяется «выдержкой». Например, чтобы быть философом с индивидуальностью, наверное, надо быть «выдержанным» века два-три, и тогда можно с полной уверенностью говорить: «время Декарта», «время Канта», «время Гегеля» и т.д.

А как быть с современниками? Это всегда сложно. Причем, думаю, для философии этот вопрос, в общем, никогда всерьез не ставился. Например, в области литературы этот вопрос был поставлен давно, и сами литераторы, а также литературные критики и те, кто интересуется литературой, по отношению к этому вопросу заняли такую скептическо-циничную позицию, говоря, что этот вопрос они решать не будут. Кто из ныне здравствующих литераторов претенду-

5 В январе 2005 года в конференц-зале газеты «Советская Белоруссия» состоялась дискуссия на тему «национальной философии». В дискуссии участвовали В. Абушенко, заместитель директора Института социологии; философ Валентин Акудович; писатель, культуролог Петр Васюченко; доктор философских наук Татьяна Короткая; доктор философских наук, руководитель центра историко-философских исследований, заведующая отделом зарубежной философии Института философии НАН Беларуси Тамара Тузова; философ-методолог Владимир Мацкевич; доктор филологических наук, профессор БГУ Иван Чарот. Материал по дискуссии был опубликован в СБ, №14 от 25.01.2005. *(Прим. ред.)*

ет на то, чтобы быть классиком? Как правило, выясняется, что те, кого ценят современники, за редким исключением, как раз не становятся классиками в будущем.

Так вот, с индивидуальностью философа – это примерно такая же штука. И тогда быть философом в этом смысле означает ровно две вещи. Про первую вещь я говорил достаточно много – про устройство идеального плана, про то, что туда попадает, как оно туда попадает, как оно там размещается, как оно там все устроено. А вот про те философские наработки, которые собираются в своей полноте не в идеальном плане, а в индивидуальности философа, я собираюсь поговорить сегодня.

Относительно этой сборки я ограничился четырьмя наименованиями: этос философа, топос философа, логос и праксис философа. В этой лекции я коснусь трех первых, потому что праксисом я буду в большей степени интересоваться в последующих своих лекциях. А этос, топос и логос философа я хочу немножко обсудить сегодня с той степенью углубленности в это, какую мне позволят регламент, ваши вопросы и мое окаянство.

Этос философа

Я воздержусь от попытки сформулировать относительно этоса философа некую философскую этику, которая могла бы быть распространена на какой-то более широкий круг людей, пытающихся примерить к себе гордое звание философа. Говоря про этос (в отличие от этики), я не формирую предписания на поведение философа и не описываю некое среднестатистическое поведение философа. Говоря про этос, я могу выставлять прецедент и говорить, что в данном случае философ, задаваясь вопросом – как он должен себя вести, как он должен себя держать и т.д., может формулировать эти вещи только по отношению к самому себе. Более того, начиная с некоторого исторического периода (а именно – с появления на свет Божий института философии), это вообще прерогатива исключительно философов. Только философ – и никто другой – на протяжении двух с половиной тысяч лет европейской цивилизации может формулировать этические суждения, или директивные суждения в плане этоса, по отношению к одному-единственному персонажу, каковым является он сам. Все другие этические рассуждения касаются большего количества людей, которые

себя как-то ведут или себя как-то держат, и только философ формулирует суждения этоса («этоса» – чтобы не говорить «этические суждения»; этические суждения – они, как правило, генерализованы) только по отношению к одному-единственному персонажу, который волен действовать так-то и так-то, как ему предписано, и этот персонаж – он сам.

Философ не может позволить себе вести себя неосознанно и прятаться от публичности. Если этос не озвучивается публично, то это не публичное действие. Философом нельзя быть так, как, например, шпионом. Вот, скажем, Штирлиц в тылу врага ведет себя определенным образом, и этот образ его поведения или того, как он себя держит, как он себя ставит, не распространяем ни на кого другого в элите Третьего рейха. То, что он делает, то, как он себя ведет, присуще ему одному – Штирлицу. Но было бы глупо, если бы Штирлиц декларировал свое поведение, предъявлял его и формулировал свой этос публично, вслух. Это бы обозначало как минимум автоматическое разоблачение его подрывной шпионской деятельности. Философ является полной противоположностью. Он скорее напоминает того древнеукраинского князя Святослава, который, прежде чем начать войну, посылал гонца с предупреждением: «Иду на Вы». И в этом смысле этос философа формулируется примерно таким образом: «То, что я делаю, я сначала проговариваю». И только по соответствию проговоренного и реализованного мы можем говорить о полноте философского этоса.

До того как предшественники Сервантеса написали много рыцарских романов, до того как Ариосто написал про «Неистового Роланда», до того как Вальтер Скотт переложил это в популярные книжки, предполагается, что существовало рыцарство. И рыцари вели себя в соответствии с представлениями о рыцарской чести и достоинстве и вели себя вроде бы как индивидуальности. Но их поведение было всякий раз нормативно-образцовым – с одной стороны, а с другой – оно постоянно сталкивалось с разного рода отклонениями от той нормы, которую предлагают. Тогда как «философская честь» в таком же режиме отстаивается философами, но ее содержание меняется. И если рыцарь раннего Средневековья, заседающий за круглым столом у короля Артура, – это одно дело, рыцарь, которого описывает Хёйзинга в «Осени Средневековья» при бургундском дворе,

– другое дело, мушкетеры – третье, а дуэлянты конца XIX – начала XX века, которые превращают все эти вещи уже в чистую пародию, – это уже вовсе иное дело, то представления о философской чести, или философский этос, – он в еще большей степени связан с ситуацией, в которой живет философ, и в еще большей степени зависим от той формулировки, которая по этому поводу дается в идеальном плане.

Поэтому, говоря об этосе, я могу в общем виде сказать, что такого рода индивидуальный этос характерен для всех философов всех времен и народов. По крайней мере, это характерно для тех философов из предыдущих эпох, которых мы знаем по именам собственным, после той «выдержки» в триста лет, о которой я говорил выше. И в точно такой степени это распространяется на сегодняшних философов, если, соответственно, они могут проговорить некоторые положения, касающиеся собственного этоса, вслух, сделать их публичными и в этом смысле верифицируемыми через другого. Поэтому, скажем, Гегель, вводя категорию «иного», или «другого», фактически закладывал основания для, если хотите, проверки серьезности такого философского этоса.

Но это все пока общие рассуждения, после которых я должен проговорить некоторые аспекты собственного, индивидуального этоса, чтобы наполнить их содержанием. И тогда мы можем подходить к полноте (ну, к относительной полноте) тех категорий, которые не стоит собирать в идеальном плане, а имеет смысл собирать на индивидуальности философов.

Собственно, почему я, говоря про сегодняшнюю тему, вынужден был апеллировать к поэзису, или автопоэзису, говоря о том, что в лице «Анаксагора»[6] я, в общем-то, описывал себя и во всех остальных философах, которых я упоминал в своих лекциях, я так или иначе описывал себя? Это нужно только для того, чтобы сейчас я мог из того, что я описывал тогда в нормативно-дескриптивном, отстраненном режиме и в третьем лице, заимствовать применительно к себе в первом лице. И уже не в отстраненном виде, как некоторую реконструируемую норму, а как регулятив собственного поведения.

И тогда я обращаю вас к предыдущим лекциям и говорю: «Мо-

6 В первых лекциях В. Мацкевич делает историческую реконструкцию становления института философии и апеллирует к фигуре Анаксагора. *(Прим. ред.)*

жете ли вы представить себе мой этос без радикального сомнения?» Я рассматривал радикальное сомнение и относил его к осевому времени. Это было и остается не просто дескриптивным утверждением о том, как существовала философия во времена радикальных скептиков древности или позже (скажем, во времена Декарта или еще кого-нибудь), – это является регулятивом моего собственного поведения. Если философ сегодня не сомневается – это не философ.

Вот теперь, когда я говорю «философ», это есть буквально имя собственное, и оно обозначает не «Анаксагор», а «Владимир Мацкевич».

И все утверждения относительно всех остальных аспектов функционирования института философии в этом смысле могут быть переинтерпретированы в этосе философа как регулятивы его деятельности, т.е., например, философ непременно является «разговаривающим». Причем с кем он разговаривает? Всякий раз, когда он разговаривает, он разговаривает с практиком, т.е. он, видя напротив себя визави, восстанавливает «Перикла» или тех персонажей, которые в платоновских диалогах разговаривают с Сократом, будь то сапожник, горшечник, Критий, Протагор, Теотет или еще кто-нибудь. В диалогах Сократа это всякий раз превращенный или воплощенный практик – анаксагоровский «Перикл» или еще кто-то. И поэтому фактически в этос философа входит набор экспектаций по отношению к поведению того, с кем философ вступает в разговор.

Наверное, это не так понятно и четко, хотя мысль очень простая, но вне поведенческих реакций, вне сборки этого на самом себе я этого объяснить не могу. Более того, видя в любом своем собеседнике, с которым он разговаривает, практика уровня «Перикла», философ, соответственно, формирует то содержание разговора, которое достойно разговора практика и философа. Именно поэтому философ в разговоре выступает фигурой, раздражающей всех и вся, присутствующих при разговоре или вступающих в разговор с философом. Люди приходят с разными этосными (чтоб не говорить «этическими») установками в разные ситуации. Они приходят, например, развлекаться, тусоваться, иногда работать, иногда вступать в коммунальные отношения и т.д. И в общем, если там не оказывается кого-нибудь,

кто не понимает, ради чего люди там собрались и как положено вести себя в этом «монастыре», то так все и происходит: собравшиеся тусоваться – тусуются, собравшиеся выяснять коммунальные отношения – выясняют коммунальные отношения, собравшиеся работать – работают. И только появление философа и начало разговора приводит этих людей в некоторое замешательство: вместо того чтобы выяснять коммунальные отношения, философ начинает выяснять концептуальные основания.

Грубо говоря, философ носит с собой в качестве материальных атрибутов своего этоса доску[7] и всякий разговор ведет с помощью этой доски. Причем именно доску, а не блокнот, в который можно записывать. Вот, скажем, исследователь берет с собой блокнот и начинает в этот блокнот записывать: «факты, события, люди», то, что он наблюдает, что становится достоянием его внимания в этой ситуации. Философ блокнотов не ведет. Написанное философом на доске – грифельной доске, восковой дощечке, школьной доске и т.д. – подлежит стиранию. Написали, немного обсудили, встретили некорректности, противоречия или еще что-то – и всё, это должно быть стерто. Из блокнота исследователя ничего не стирается – оно потом какимто образом осмысляется и т.д. В этом смысле исследователь типа этолога или этнографа не обязан сомневаться, философ же с доской, на которой нельзя поместить больше одной схемы, должен стирать наброски, становящиеся предметом обсуждения, разговора, критики и рефлексии, чтобы заменять их новыми. В этом смысле наличие доски является материальным воплощением радикального сомнения философа. И именно это, а не что-либо другое (не личные дурные качества, не невоспитанность или еще что-нибудь), является источником раздражения или следствием того раздражения, которое привносит философ своим поведением и своим содержанием в любой разговор, в который он ввязывается. И именно это представляет собой воплощение чести и достоинства философа.

Если этого нет – то, соответственно, и философа нет. Из каких-то многочисленных суждений про этос, который вы можете наблюдать в лице Мацкевича, я говорю, что вот это является самым главным и определяющим для того, как философ должен себя вести.

7 В контексте прочитанных лекций «доска» – это материальный аналог «идеального плана», на котором происходит работа с идеями, понятиями и категориями. *(Прим. ред.)*

Топос философа

А куда с таким этосом философ должен ходить? Наша жизнь дискретна, прерывна. Если, скажем, я всю свою жизнь меряю лекциями, читаю лекцию за лекцией, а всё, что между лекциями, я вообще не принимаю в расчет, то я должен, по крайней мере, перемещаться с лекции на лекцию или делать перерывы. В этом смысле одна лекция, переходящая в другую без перерыва, немыслима. Надо делать какие-то перерывы. Точно так же – разрывными или прерывными – бывают ситуации. Тогда резонен вопрос: «А где должен быть или бывать философ, держа себя и поступая так, как оговорено или задано в его этосе?» Правила выбора и предпочтения места, ситуации, куда влечет философа его призвание, есть тема философского топоса. Топос, или топология философа, перемещение его по этим местам, очень сильно определяется структурой идеального плана, который задан для него им самим или той философской школой, тем институтом философии, к которому он себя относит, в котором он самоопределяется. И в зависимости от того, каково содержание, отдается предпочтение тем или иным местам.

В самом общем виде нужно было бы сказать, что философ должен быть в гуще жизни. Причем – обратите внимание – не практики, а именно жизни. Если вернуться к предшествующим лекциям, о которых я говорил, и к требованиям философского этоса, связанным с радикальным сомнением, выходом через это за границу знания, то философ должен забыть про ранжирование разных качеств жизни, разных укладов и оценивать жизнь только по ее интенсивности. Поэтому он всякий раз идет туда, где жизнь кипит и клокочет. Другое дело – какая именно жизнь, какие аспекты жизни он для себя выбирает. И если мы, например, берем Фуко, то он, наверное, находился в гуще «голубых», потому что его интересовала эта сторона жизни. Если, например, эрос, сексуальная жизнь и т.д. подвергается сомнению этим философом, и он выносит это в идеальный план и начинает с этим работать, он просто обязан выбирать для себя такие места, где жизнь в этом плане «клокочет». Сексуальная жизнь точно не клокочет в спальне: она клокочет там, где нарушаются сексуальные нормы и т.д. Поэтому его призвание влечет его туда, где это вообще можно усомневать и где с этим можно экспериментировать. Но другие философы туда и глаз не кажут. А куда кажут? Маркузе, наверное, должен был бывать на площадях в Латинском квартале, в Сорбонне и т.д.

В этом смысле мы эту жизнь разворачиваем по отношению к себе той стороной, которую мы способны идеализировать, выносить в идеальный план, делать его содержанием. И тогда философа влечет в такую гущу жизни, глубину жизни, где эти вещи кипят. Соответственно, если философ устремлен в эстетику, то он должен крутиться среди художников, писателей и т.д. Если его влекут теологические, этические и т.д. вопросы, он должен быть там, где происходят важнейшие события, связанные с той стороной жизни, по отношению к которой он себя позиционирует, разворачивает свою философию и т.д. Если философ сторонится этих вещей – он не философ. То есть если я занимаюсь политической философией – и не хожу на митинги, не участвую в партийных собраниях, а сижу в Европейском гуманитарном университете, то, как бы красивы не были мои рассуждения, это не философия.

Я был бы последним лгуном, если бы я заявлял себя как философа в политической сфере, не побывав не только на *Плошчы* в Минске, но на Майдане в Киеве до того, как он случился здесь и «захватил» многих участников. С другой стороны, что я делаю на Майдане – что в Киеве, что в Минске? Грош цена была бы мне как философу, если бы меня Майдан захватил в плане пафоса; если бы я был поэтом – да, если бы я был художником – да. Но если я философ, я прихожу на Майдан что делать? – разговаривать. Про то, <u>как</u> философ себя ведет, я рассказал в этосе философа. Про то, <u>где</u> он себя ведет таким образом, я рассказываю в топосе философа.

Я сказал, что место философа всякий раз в гуще жизни, но в гуще жизни, которая «повернута» к философу в силу позиционирования самого философа. Поэтому эта гуща всякий раз разная. В этом смысле красиво было в фильме про Чапаева, когда он обсуждает с Петькой тактику. Он говорит: «А вот так сложилась ситуация. Где должен быть командир? – Правильно, командир должен быть впереди на лихом коне. – Раз – диспозиция поменялась. Где теперь должен быть командир?» Петька говорит: «Впереди на коне». – «Нет, Петька. В этом месте командир должен быть сзади, на высоте». И всякий раз при смене диспозиций меняется структура жизни, и всякий раз место философа в ее гуще, но где эта гуща – определяется по-разному.

Здесь есть еще один аспект, он связан с тем, что философ по отношению к топосу не только перемещающаяся по топам единица –

он еще творит его определенным образом, меняет его. В этом смысле институт философии – это тот топ, то место, которое творится самим философом. И теперь уже это место становится определенного рода концентрацией интенсивности жизни.

И уже в это место люди могут либо приходить, либо не приходить. Институт философии – в частности, репрезентируемый нашим методологическим семинаром – это обозначенное место. «Урга, территория любви». Помните этот фильм? Голая степь в Монголии. Как людям заниматься сексом? Они придумали очень просто: ставить флажок, даже не флажок – а киёк, шест. Этот шест виден издалека, и, соответственно, деликатные монголы не суются в это место, потому что понятно: в этом месте занимаются «этим». Так вот, философ ставит такой «шест», где говорится: «Здесь занимаются вот этим». Чем? Чем занимаются на методологическом семинаре? Это особого рода философские разговоры. Сюда могут приходить политики, могут приходить практики, а могут приходить те, кто готов вылезти из шкуры практика (если она у них есть) и занять место в очереди на то, чтобы называться философом.

Что делает философ, начиная свой разговор? Он видит в визави практика, точно также как хороший родитель и воспитатель в ребенке, начиная с двухминутного возраста от рождения, уже начинает видеть взрослого и вступать в коммуникацию с ним как со взрослым. Как бы мы ни относились к педагогу Макаренко, но он прав. Когда у него спросили: «Господин Макаренко, когда можно начинать воспитание ребенка?», он спрашивает: «А сколько вашему ребенку?» – «Полгодика». – «Вот вы уже на полгодика и опоздали». Так же и с практиком. Люди становятся практиками посредством разговоров с философами. Почему? Потому что именно философ видит в другом практика. А другой поступает в соответствии с тем, как это описывал Маркс, апеллируя к архетипам, которые сам же и отрицал. Он говорит: человек Петр только тогда становится личностью, когда видит себя как личность в глазах человека Павла. Так же и в коммуникации с философом: без разговора с философом ни один практик практиком не становится. Пока его философ не увидит практиком, и практик не ответит так, чтобы философ в этом не усомнился, не подвергнул радикальному сомнению, практиком стать нельзя. Но для человека, с которым разговаривают как с практиком, оставляется возможность самому стать философом.

Но это не работает в обратную сторону: философ не появляется только через разговор с практиком. Потому что философская позиция в этом месте первая. Философ начинает разговор. Он меняет жанр, ломает все рамки других разговоров, вводя свои. И поэтому со стороны практика сделать кого-то философом невозможно. И поэтому институт философии или методологический семинар – это есть такая преобразовательная деятельность в области топоса. Мы меняем пространства, создаем особого рода места. И важно здесь не замыкаться в этом месте. Потому что иногда усилиями, скажем, поколений философов места для комфортного пребывания созданы, но как только философы – ну или те, кто мог бы быть философом – замыкаются в этих местах, философия исчезает. Вести философский разговор в том месте, где собрались одни философы, невозможно. И вообще, разговор двух философов есть очень и очень искусственная и частная ситуация, которых желательно в воплощенном материальном смысле избегать или делать их крайне редкими. Ну, например, совершать паломничество к философам. Вот сидит там у себя в Кенигсберге Кант. Где-нибудь в другом месте завелся другой философ. И вот раз в жизни надо совершить хадж друг к другу – поговорили и разбежались.

А с кем «разговаривал» Витгенштейн, работая над своими трактатами? Я думаю, что и у него, и у Поппера, и еще у целого ряда людей, травмированных распадом Австро-Венгерской империи, был один практик: тот, кто развалил Австро-Венгерскую империю. И вот они с ним разговаривали. И видели этого практика в лице каждого, с кем они пытались разговаривать. Поэтому философский разговор – он может принимать разные формы, в том числе, когда мы ведем разговор через книги. И в этом смысле любому философу, вообще любому автору обидно, когда его книги не читают. А философу в этом месте обидно специфически – в том смысле, что когда его даже читают, но обсуждают в терминах «понравилось – не понравилось», а не в коммуникации, он считает, что его не читают и не относятся к этому. Поэтому я и говорю, что философский разговор чаще ведется таким образом: философ сказал – а потом год ждет ответа, два ждет ответа, три ждет ответа… Так, глядишь, и ответит ему кто-нибудь – в некрологе.

Логос философа

Следующий вопрос, который витает в воздухе: а что же такого приносит с собой философ в те ситуации и места, где он оказывается? Слова, которые он говорит о философии, разговаривая и размышляя, схемы истины, в которых он сомневается. Это все есть тот самый философский логос, который мы сообщаем миру.

Итак, в этосе я обсуждал наличие доски под мышкой у философа, куда бы он ни шел, и этим определяется его поведение: он вступает в разговор, навязывает разговор и, навязав его, переводит на доску, в идеальный план, и начинает на нем «писать», «стирать» и т.д. Но даже работая с доской, он, в общем, разговаривает. И разговаривая, он несет на себе – или приносит – набор понятий, категорий, слов, каких-то средств, с помощью которых он работает на доске.

Соответственно, логос философа – это та формальная часть учения, которая может восстанавливаться, например, как метод в нашем случае (когда я обсуждаю это по отношению к себе, я говорю, что это метод). И метод в данном случае есть то самое слово, с которого все «начало быть». Когда философ, вступая в коммуникацию, это слово произносит, то он его сразу произносит со всем набором атрибутов-формальностей, которые несет на себе эта философия. Поэтому логос и задает, собственно, характер философствования или те формы, в которые может быть обличено содержание. Но, будучи облеченным в эти формы, содержание становится приматом (главным), и дальше относительно этого примата философ и меняет формы, схемы, понятия, категории и т.д. Если я в последующем буду касаться этой части своей философии, то я в первую очередь буду обсуждать именно формы, формы схватывания содержания, желательно элиминируя содержание как таковое.

В этом смысле, наверное, такой логос философа почти не проявляется в актах живой коммуникации, которую ведет философ. Это в меньшей степени относится к лекциям, но если я прихожу на партийное собрание, на менеджерское совещание, то я прихожу со своим этосом и в меньшей степени я могу развернуть там логос. Но без логоса я не могу там появляться. Я туда хожу, а дальше все зависит от сопротивления и рефлексии участников философского разговора. Как правило, моя биография, мой личный опыт философских разговоров в последние десять-пятнадцать лет подсказывают, что в

редких-редких случаях я могу добираться в философских разговорах до логоса и рефлексии всех этих оснований. Но в текстах, в более опосредованной коммуникации я все же обязан это делать, и очень часто я начинаю с этого. Наиболее ярким таким прецедентом может быть первая лекция (и не только первая), опубликованная в «Полемических этюдах»[8]. Я, собственно, считаю это в своей философской практике, в своей философской биографии таким очень важным моментом, который мне удалось сделать в молодости. И я думаю, что там, как Олита Августовска[9] написала в предисловии к этой книге, – было произведено расколдовывание педагогики. И проведено это расколдовывание педагогики одним-единственным логическим приемом – элиминированием содержания. Как только мне удалось это сделать, в общем, все стало на свои места, в некотором смысле выкристаллизовалась определенная система, и я до сих пор могу этой системой, этим логосом гордиться.

Дальше эта форма захватила содержание. Достаточно большой объем содержания. Но относительно этого содержания у меня нет никакого пиетета, никакой гордости. Наверное, если б я сейчас рассказывал в той форме, я бы вообще ориентировался на другое содержание. И наверняка, скажем, квалифицированный историк педагогики или просто историк внес бы туда гораздо более основательное содержание и прочее. Точно так же мы, например, поступали в концепции гражданского образования и вообще в концепции гражданства[10]. На что, между прочим, была получена реакция историка А. Киштымова[11],

8 Мацкевич В. Об образовании: полемические этюды. – Минск, 2008. Книга составлена из материалов методологического семинара, проводимого В. Мацкевичем на базе Лиепайского педагогического института (Латвия) в 1988–1992 гг. Впервые книга была издана в 1993 году в Лиепае. В первой лекции В. Мацкевич излагает свой подход и метод построения семинара «Проблемы образования и современная социокультурная ситуация». *(Прим. ред.)*

9 Олита Августовска – составитель и автор предисловия к первому (Лиепайскому) изданию книги «Об образовании: полемические этюды». Активный участник методологических семинаров В. Мацкевича на базе Лиепайского педагогического института (Латвия).

10 По итогам организационно-деятельностной игры «Гражданское образование: продолжение или начало» (2007 г.) была разработана концепция гражданского образования. С содержанием концепции можно ознакомиться на сайте methodology.by.

11 Андрей Киштымов – беларусский историк и путешественник. Он сформулировал свое отношение к концепции гражданского образования в ответ на предложение принять участие в круглом столе «Концепция гражданского образования. Беларусь, начало XXI века». Текст ответа можно найти на сайте methodology.by.

который, не принимая логоса, вообще не обращая внимания на логос и форму, начал сыпать какими-то содержательными репликами, которые, в общем, об этот логос разбиваются или отскакивают от него как горох от стенки.

И в этом плане, каждая философия, включая ту, о которой я здесь говорю, и которую я здесь представляю, имеет свой «силовой экран» в виде этого самого логоса, который дает ей возможность существовать независимо от самого философа. И что является причиной интереса к философским текстам, написанным философами совсем в другой ситуации, не имеющей никакого отношения к ситуации, в которой живут их читатели, и даже тогда, когда читатели абсолютно не согласны с содержательными построениями этих философов? Мы читаем тексты, несущие на себе философское содержание, и после того как волной, цунами истории смыта конкретная ситуация, в которой рождалась в философском разговоре та или иная философия, философия с именем собственным, – после того как это все смыто, от философии остается вот этот самый логос. И он не зависит от ситуации, от конкретных условий. В логосе есть этот метакаркас, и сам философ должен рефлектировать отделение содержания от этих каркасных конструкций. Часто сами авторы, философы, не делают этого; для них порой логос и содержание как бы слеплены. В первых лекциях я говорил, что я рассказываю о той философии, которая мыслит, но мышление не является субстанцией философии. В этом смысле философия – говорящая и сомневающаяся, а чтобы она стала еще и мыслящей, нужно, чтобы философы умели вычленять эту часть логоса и рефлектировать ее. И только это имеет ценность за пределами конкретной ситуации, где философ вступает в разговор с практиком.

Логос – это то, что привносит философ, независимо от того, с каким практиком он ведет разговор. Если этого нет, то философ – даже с доской под мышкой, даже оказавшись в гуще жизни – в общем, ни на что не способен. Вот почему, даже так коротко и мало про это сказав, я считал необходимым про это поговорить.

Праксис философа

И закончу я сегодняшнюю лекцию переходом к последней категории, употребленной в названии, а именно – к праксису. Конечно же, мало себя держать и вести каким-то образом, мало быть разбор-

чивым в местах, куда ты попадаешь, и ходить только туда, куда должен ходить философ, неся свое призвание. Мало иметь при себе тот остов, тот каркас и скелет, который представляет собой собственно логос и то, что остается от философии, когда разговор закончился. Так вот, философия – это разговаривающая реальность. А что остается от философии потом, после того как разговор закончился? Как Высоцкий пел в спектакле про Алису в Стране Чудес: что остается от сказки потом, после того, как ее рассказали? А остается от философии, когда разговор закончился: а) то, что мы говорили, б) что-то, что мы можем снять в виде результатов идеального плана. Измененная индивидуальность философа, самоопределившийся практик и собственно логос, который может рассматриваться как то, что снято с предшествующей работы на доске.

Есть еще одна вещь, которая остается, которую можно обсуждать в философском праксисе. Когда философ освоил этос, ведет себя по-философски безукоризненно, когда он оказывается в нужных местах и в гуще событий, когда он оснастил себя хорошим силовым экраном, полем, остовом, каркасом и т.д., – что он при этом делает? У Эрика Берна был последователь, Томас А. Харрис. Так вот этот Харрис написал книжку, которая называется так: «Что мы говорим, когда говорим “Здравствуйте”?» В свое время мне сама эта формулировка понравилась. Что мы говорим, когда мы говорим «это»? А потом, уже оказавшись в лапах методологов и игротехников, я у них обнаружил другого рода выражение: когда кто-то выходит к доске, говорит-говорит, а слушающий его спрашивает: «А что Вы делаете?» – «Я говорю вот это». – «Нет, Вы не рассказывайте, что Вы говорите, это все слышат. А что Вы этим делаете?»

Так вот после того, как я рассказал про этос, топос и логос, я спрашиваю: ну и что при этом философ делает? И это нужно обсуждать в категории праксиса философа. У меня нет однозначного ответа, применимого к философии всех времен и народов. Помните, если я могу сказать что-то про то, что делал Анаксагор во времена золотого века Афин, то это я говорю про себя, которого ставлю на место Анаксагора, думая, что я бы делал вот это. И я про любого философа, который жил в ситуации, мне неизвестной, могу сказать ровно то же самое. То есть я в своем повествовании, в своем поэзисе, делаю того философа, про которого рассуждаю, своим лирическим героем и описываю себя

в этом философе. Поэтому, обсуждая праксис, с полной уверенностью я могу сказать только о себе, что я делаю. То, что я делаю, никак не связано с тем, что делают другие философы, если они в Беларуси или в ближайших окрестностях есть. Но про себя я могу это говорить, только про себя. Но, говоря это про себя, я могу говорить это в плане праксиса, не навязывая этого никак в плане этоса. Это не значит, что кто-то должен делать то же самое, что делаю я. Это раз. А во-вторых, собственно, я всегда говорю, что я делаю.

Тем самым, конечно, я попадаю в еще более трудную ситуацию, чем ту, которую я описывал, говоря про этос. Мало того, что я вызываю раздражение, появляясь со своим этосом в ситуации, где люди развлекаются, тусуются, работают, молятся или еще что-нибудь делают. Здесь я вообще «попадаю в ситуацию», потому что в плане праксиса я очень хорошо отдаю себе отчет, что все, что делается, делается через коллективно распределенного субъекта. А значит, я вступаю в отношения подельника с кем-то. В данном случае я всегда говорю, но говорю как философ с практиком, а меня всегда записывают в какие-то другие практики-подельники. И это проблема.

И в этом смысле я даже не собираюсь сегодня повторять, что я делаю. Это все у меня написано: «Думать Беларусь», и т.д. Но есть еще одна сторона праксиса – это то, что связано с логосом. Я говорю, что логос – это силовое поле, остов и каркас, который приносит с собой философ, ведя себя соответствующим образом в соответствующих ситуациях или местах. Но этот каркас, этот логос тоже подлежит изменению. И плох тот философ, который не меняет метод, не работает с методом и т.д. Это уже вопрос к функционированию института философии, и собственно институт философии – это такая организованность вокруг тех, кто меняет логос.

Тоже красиво сказал, и на этом закончу.

Самавызначэньне беларускага інтэлектуала

Тэкст быў напісаны адмыслова для часопіса ARCHE. Надрукаваны ў №9 за 2006 год.

Грамадзкае разьвіцьцё немажлівае без удзелу ведаў, ідэяў, ідэалаў, праектаў, утопіяў і ўсяго таго, да вытворчасьці, захаваньня і трансьляцыі чаго мае непасрэднае дачыненьне нейкая спэцыфічная супольнасьць людзей, якіх у апошні час усё часьцей называюць інтэлектуаламі. Кажучы «ў апошні час», я меў на ўвазе той час, калі на постсавецкай прасторы старая савецкая інтэлігенцыя стала здаваць свае пазыцыі. Здаваць свае пазыцыі ў тым сэнсе, што інтэлігенцыя перастала выпрацоўваць, захоўваць і трансьляваць ідэі, ідэалы, веды і г.д. Прычым захоўваць і трансьляваць нававырабленыя ідэі і веды. Акцэнт тут варта ставіць на вытворчасьці ідэяў, ідэалаў і ведаў.

Бо інтэлігенцыя – настаўнікі, чынавенства у першую чаргу – працягвала зьберагаць тую частку культуры, што была перададзеная ёй на захаваньне яшчэ ў савецкі час. Фэномэн старой савецкай інтэлігенцыі заслугоўвае спэцыяльнага разгляду. Я ж тут зьбіраюся разгледзець новую зьяву – інтэлектуалаў, якія ў той ці іншай форме супрацьпастаўляюцца старой савецкай інтэлігенцыі. Нават калі зьява, якую мы называем інтэлектуаламі, існавала і раней, то быў час, калі інтэлектуалы не вылучалі сябе з масы інтэлігенцыі і не супрацьпастаўлялі сябе ёй.

Магчыма, што сёньняшнія інтэлектуалы ўжо маглі забыць пра той час, калі яны складалі з інтэлігенцыяй адно цэлае. Мне ж выразна помніцца той пэрыяд перабудовы, калі развагі А. Салжаніцына аб «абразаваншчыне», пад якой разумелася тая частка інтэлігенцыі,

якая і ўсьведамляла сябе інтэлігенцыяй, успрымаліся як эпатаж і адкрыцьцё. Пэрыяд, калі будучыя інтэлектуалы пакутліва рвалі з інтэлігенцыяй, якая спарадзіла іх, варты адмысловага дасьледаваньня. Магчыма, яшчэ знойдуцца гісторыкі-інтэлектуалы, якія здолеюць прапанаваць мэтад такога дасьледаваньня і зьдзяйсьняць яго. Я ж пакуль наўрад ці змагу акрэсьліць той пэрыяд і ахарактарызаваць яго. Я ў той час жыў. Усё гэта адбывалася са мной, я сьведка. Таму я ахвотна апавяду пра тое, што я яшчэ памятаю з таго часу, усім, хто здолее задаць асэнсаваныя пытаньні. Магчыма, што інтэлектуаламі ў канцы 1980-х сталі ўсьведамляць сябе тыя, хто перастаў чытаць савецкія газэты. М. Булгакаў вуснамі свайго героя раіў гэта яшчэ ў 1920-я гады, але хто тады мог скарыстацца з такой парады? А ў канцы 1980-х і наагул. Кожны ранак інтэлігенты сустракаліся ля газэтных кіёскаў і выстройваліся ў чэргі па «Правду», «Известия», «Комсомольскую правду», а ў Латвіі, дзе я тады жыў, яшчэ па «Советскую молодежь», а потым і па «Атмоду». У чэргах стаялі акурат тыя інтэлігенты, якім датуль не прыходзіла да галавы падпісацца на гэтыя газэты. Яны падпісваліся на «Аргументы и факты», «Литературную газету» альбо «Московские новости». Гэта былі тыднёвікі, як і «Огонёк». Але па «Огонёк» часу рэдактарства Віталія Кароціча таксама даводзілася зранку займаць чаргу, таму што ў папярэдні год аніводнаму інтэлігенту не магло прыйсьці да галавы падпісацца на вульгарны «Огонёк». Дык вось, інтэлігенцыя – гэта тыя, хто стаяў у чэргах па газэты ў гады перабудовы і чыталі «тоўстыя часопісы». І ўсе будучыя інтэлектуалы бавілі багата часу ў гэтых чэргах. За выняткам тых, ведама, хто тады быў яшчэ малым. Чым інтэлектуалы займаліся яшчэ, я ня ведаю. Хто чым. Пра кожнага асобнага інтэлектуала гэта няцяжка высьветліць. І трэба высьветліць! Прычым у рэзкай і катэгарычнай форме: «А чым вы, спадары інтэлектуалы, займаліся да 1991 году?»

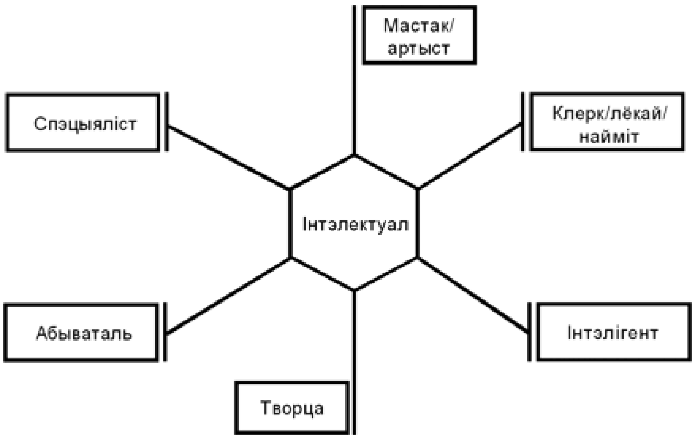
Я ведаю іншае: інтэлектуалы першымі перасталі стаяць у тых чэргах. Яны першымі перасталі чытаць савецкія газэты. Пасьля газэтаў настала чарга «Огонька», «Литературки», а потым і ўсіх «тоўстых часопісаў». Інтэлектуалы пачалі думаць самі і чытаць толькі тое, што самі сабе вызначалі.

Ці былі інтэлектуаламі тыя, хто пісаў у той час у «Огонек», «Литературную газету», «Московские новости» і ў «тоўстыя часопісы»? Ці думалі яны самі? Гэта вельмі складанае пытаньне. Ці быў

інтэлектуалам Фёдар Бурлацкі, альбо, напрыклад, Рой Мядзьведзеў, альбо Сімон Салавейчык (ледзь не забыўся на «Учительскую газету» – адзін з флягманаў перабудовы), Кароціч, Чарнічэнка, Нуйкін, Аганбегян, Заслаўская, Адамовіч[1] і іншыя?

Потым, праўда, чытаць перасталі і інтэлігенты. Калісьці самая вялікая паводле колькасьці чытачоў краіна ў сьвеце пераключылася на мыльныя опэры па ТБ і на разгадваньне крыжаванак. Чытаць перасталі ўсе. Ці амаль усе, паколькі інтэлектуалы перасталі чытаць толькі тое, што выраблялася савецкай інтэлігенцыяй. А тое, што сталі пісаць самі інтэлектуалы, савецкая інтэлігенцыя не магла адужаць.

Складаныя дачыненьні паміж інтэлектуаламі і інтэлігенцыяй мы разгледзім асобна. Тут жа нам важна, што інтэлектуалы ўзьніклі ў нетрах інтэлігенцыі, паходзілі ад яе альбо зь яе, але адасобіліся і перасталі быць ёю. Мы нічога не зразумеем пра інтэлектуалаў, калі будзем блытаць іх з інтэлігенцыяй. Перш чым фармуляваць нейкія дадатныя меркаваньні аб інтэлектуалах, варта абазначыць, чым альбо кім інтэлектуалы ня ёсьць, г. зн. задаць колькі катэгарыяльных апазыцыяў. На адным з палюсоў кожнай з апазыцыяў будзем разьмяшчаць інтэлектуалаў, а на другім тую катэгорыю, якая супрацьпастаўляецца інтэлектуалам, г. зн. чым альбо кім інтэлектуалы не зьяўляюцца.

1 Шэраг савецкіх пісьменнікаў, навукоўцаў, публіцыстаў, якія ў 80-х – пачатку 90-х гг. актыўна займаліся крытыкай розных аспектаў савецкай сістэмы, у тым ліку абмяркоўвалі пытанні перабудовы ў СССР на старонках папулярных часопісаў і газет. *(Заўвага рэд.)*

На малюнку пазначаны шэсьць сацыяльна-дзейнасных катэгорыяў, зь якімі ў інтэлектуалаў шмат супольнага, але існуюць і прынцыповыя адрозьненьні. Інтэлектуалы гэта ня творцы. Не абывацелі, не спэцыялісты і г. д. Ведама, інтэлектуалы не зьяўляюцца яшчэ шмат кім: ні жывёлагадоўцамі, ні прадпрымальнікамі, ні паліцыянтамі. Магчыма, што нейкія істотныя адрозьненьні я прапусьціў, але мне цяпер важнейшая дэманстрацыя падыходу, спосабу разважаньня і аналізу, а не вычарпальнае дасьледаваньне. Калі тэма калі-небудзь стане актуальная, то ўсё астатняе можна будзе дадаць. Я спыніўся на шасьці пералічаных катэгорыях таму, што акурат зь імі часьцей за ўсё блытаюць інтэлектуалаў. Блытаюць ня проста ў сэнсе распазнаваньня. А ў сацыяльна-дзейнасных экспэктацыях. Ад інтэлектуалаў чакаюць і вымагаюць таго, чаго нельга ці бессэнсоўна чакаць і вымагаць ад інтэлектуалаў, але што можна атрымаць ад некага іншага, напрыклад, ад спэцыяліста, інтэлігента, творцы. Зь іншага боку, часам ужо сустракаюцца і адваротныя чаканьні, калі ад тых, хто інтэлектуаламі не зьяўляецца, чакаюць і вымагаюць таго, што маглі б даць толькі інтэлектуалы.

Такім чынам, першая катэгарыяльная апазыцыя: ІНТЭЛЕКТУАЛЫ – ІНТЭЛІГЕНЦЫЯ. ІНТЭЛЕКТУАЛЫ не інтэлігенцыя, хаця родніць іх ня толькі паходжаньне, але і супольныя функцыі адносна культуры. Пры тым што з інтэлігенцыі ў постсавецкіх краінах паходзяць ня толькі ІНТЭЛЕКТУАЛЫ, але таксама ўладная і творчая эліта. Інтэлігенцыя і ІНТЭЛЕКТУАЛЫ – гэта асноўныя спажыўцы культурных каштоўнасьцяў. Гэта яны чытаюць сучасныя кнігі і перачытваюць клясычныя. Уласна, тое, што яны перачытваюць, і становіцца клясыкай. Яны слухаюць сур'ёзную музыку, ходзяць у мастацкія галерэі, тэатры. Для іх усё гэта і існуе. Яны ж трансьлююць культурныя каштоўнасьці новым пакаленьням, перадаюць неабходнасьць спажываньня культурных каштоўнасьцяў.

Самае істотнае адрозьненьне паміж інтэлігенцыяй і інтэлектуаламі палягае ў тым, што інтэлігенцыя – гэта катэгорыя з сацыяльна-клясавага дыскурсу, а ІНТЭЛЕКТУАЛЫ – з культурна-нацыянальнага. Для тлумачэньня гэтай тэзы неабходна прааналізаваць гістарычны фэномэн інтэлігенцыі.

Інтэлігенцыя – гістарычнае новаўтварэньне, якое існуе з другой паловы XIX ст. Інтэлігенцыя ўзьнікае ў спэцыфічных гістарычных умо-

вах, калі разбураецца клясавая структура традыцыйна-фэадальнага грамадзтва, з аднаго боку, а з другога – у краіне стымулюецца паскораная мадэрнізацыя, і паміж гэтымі працэсамі ўзьнікае дысбалянс: грамадзкая дынаміка не пасьпявае за працэсамі мадэрнізацыі. Зьяўляецца дастаткова шматлікая колькасьць няздольных самавызначыцца людзей, выхадцаў з розных станаў, якія ня маюць ні ўласнасьці, ні ўспадкаванай справы альбо прафэсіі. У Расеі гэтых людзей так і называлі – разначынцамі. Пры ўсіх адрозьненьнях у паходжаньні, разначынцаў яднала добрая адукацыя, якая давала ім ня толькі сродкі для існаваньня, але і вызначала лад жыцьця. Лад жыцьця разначынцаў у гэты час ня проста быў зьвязаны з інтэлектуальнай працай, што дала магчымасьць пісьменьніку Бабарыкіну назваць іх усіх інтэлігенцыяй, але і пошукамі свайго месца ў соцыюме. Страціўшы клясавую і сацыяльную пэўнасьць, разначынцы-інтэлігенцыя не маглі знайсьці сябе ні ў этнасе, ні ў нацыі. Этнічна разначынцы былі таксама разнастайныя, як і станава. Гэтыя людзі ў Расейскай імпэрыі паходзілі з самых розных этнасаў. Гэта аселыя ў Расеі немцы, палякі, беларусы, украінцы, габрэі. Акрамя таго, папоўскія дзеці фіна-вугорскіх і цюрскіх народаў, выхадцы з Каўказу. Усе яны, разам з самімі расейцамі, мелі квазіэўрапейскую адукацыю, якая адасабляла іх ад этнасаў, зь якіх яны паходзілі.

Варта падкрэсьліць, што гэта была не зусім эўрапейская адукацыя, а менавіта квазіэўрапейская. У масе сваёй разначынцы-інтэлігенцыя атрымлівалі адукацыю на расейскай мове пры слабым валоданьні замежнымі і клясычнымі мовамі. Адукаваныя дваране ў Расеі ведалі мовы, але ня мелі сыстэматычнай адукацыі, а разначынцы ўжо ня ведалі моваў, таму атрымлівалі адукацыю ў адрыве ад першакрыніцаў, паводле перакладаў на расейскую мову і пераказаў. Матэматычная, прыродазнаўчая, тэхнічная адукацыя ад гэтага шмат ня страчвалі, але гуманітарная, філязофская і тэалягічная гублялі безьліч. Гэтыя страты ня зводзяцца толькі да гуманітарнай (і праўнай) неадукаванасьці. У адукацыі расейскай інтэлігенцыі ўтварыўся сур'ёзны маральна-этычны прабел, які меў глыбокія наступствы. Гэты недахоп адчуваўся вельмі востра, таму расейскія разначынцы-інтэлігенцыя літаральна былі зацыкленыя на маральна-этычных праблемах. Гэтыя праблемы іх даймалі, але яны не маглі знайсьці ім адэкватнага вырашэньня. Слабая і зародкавая расейская філязофія адкідвала доўгую эўрапейскую схалястычную традыцыю і не разумела эўрапейскай філязофскай клясыкі.

Пэўны час маральна-этычныя пошукі разначынцаў-інтэлігенцыі ішлі ў мастацкай літаратуры. Толькі для інтэлігенцыі пісьменьнікі былі «інжынэрамі чалавечых душаў». Гіпэртрафаваная роля мастацкай раманістыкі і літаратурнай крытыкі ў сьветаўспрыманьні разначынцаў-інтэлігенцыі прывяла да яшчэ аднаго разрыву. Разначынцы, адарваныя ад сацыяльных і этнічных каранёў, адарваліся яшчэ і ад рэчаіснасьці. Раманнае жыцьцё стала для іх больш рэальным за звычайнае. Асабліва яскрава гэта адлюстравалася ў ідэалёгіі народніцтва (хаця гэтая ідэалёгія атрымала сваю назву ад маленькай арганізацыі «Народная воля» і ад захапленьня разначынцаў «хаджэньнем у народ», распаўсюджана яна была настолькі шырака, што стала практычна супольным сьветаглядам). Народнікі хадзілі ў народ, жылі сярод народу, але меркавалі пра яго згодна з сэнтымэнтальным і пастаральным раманам, а не фармавалі ўяўленьне на аснове ўласнага досьведу. Разначынцы-інтэлігенцыя, у прыватнасьці народнікі, аддзялялі сябе ад народу, супрацьпастаўлялі сябе яму, таму панятак нацыі – супольнасьці ўсіх станаў, клясаў, сацыяльных слаёў і групаў – заўсёды заставаўся для расейскіх разначынцаў-інтэлігенцыі абстрактным паняткам. Разначынцы-інтэлігенцыя разглядалі народ і нацыю як аб'екты сваіх адносінаў, напрыклад, любові і клопату, а не як рамку для самавызначэньня і самаідэнтыфікацыі. Самавызначаліся ж яны па першым часе як касмапаліты, потым на зьмену гэтаму касмапалітызму прыйшла імпэрская ідэнтычнасьць. Імпэрскія сымпатыі і касмапалітызм для разначынцаў-інтэлігентаў радніла тое, што і адно, і другое дазваляла зьняць зь сябе этнічную прывязанасьць і сацыяльна-станавую прыналежнасьць, пазбавіцца ад абавязаньняў, зь імі зьвязаных. Пры гэтым сьветаглядны імпэрыялізм быў больш даспадобы, таму што ён дазваляў і любіць, і ненавідзець, г. зн. быў паўнейшы. Прычым увесь сьветагляд разначынцаў-інтэлігентаў сатканы з супярэчнасьцяў і нестыковак. Так, расейская інтэлігенцыя лічыла сябе эўрапейцамі ў азіяцкай краіне, пры гэтым баялася і ненавідзела Эўропу куды больш, чым той азіяцкі народ, якому яны сябе супрацьпастаўлялі.

Калі ў Расеі пачаў распаўсюджвацца марксізм, ён сустрэў спрыяльную глебу – вялізную колькасьць адукаваных, але дэклясаваных, дэнацыяналізаваных, дэмаралізаваных разначынцаў-інтэлігенцыі. Марксізм як сыстэма поглядаў і сацыял-дэмакратыя як ідэалёгія давалі інтэлігенцыі ўсё, чаго ёй не ставала ў культуры народу, зь яко-

га яна паходзіць, і тое, што яна не магла ўзяць з агульнаэўрапейскай традыцыі: сьветагляд, падставы для самаідэнтыфікацыі, мараль, мэты, рамкі і прынцыпы дзейнасьці. Далей інтэлігенцыя стала ўзнаўляць саму сябе як самастойны сацыяльны фэномэн, трансьлюючы прыстасаваны для сваіх патрэбаў марксізм як свой уласны інтэлігенцкі мэнталітэт.

Я так падрабязна расьпісваў узьнікненьне расейскай інтэлігенцыі ня толькі таму, што адукаваныя беларусы, палякі, габрэі Паўночна-Заходняга краю Расейскай імпэрыі складалі значную частку разначынцаў-інтэлігенцыі, расьселенай далёка па-за межамі былога Вялікага Княства, у першую чаргу ў абедзьвюх сталіцах імпэрыі. Справа ў тым, што фармаваньне расейскай інтэлігенцыі – гэта самы яскравы прыклад гэтай зьявы, якая сустракаецца ва ўсіх краінах, што трапляюць у сытуацыі мадэрнізацыі, спрабуюць дагнаць разьвітую Эўропу. Інтэлігенцыя ў любой краіне – гэта шмат адукаваных па-эўрапейску людзей, якія зь цяжкасьцю ўпісваюцца ў кантэкст традыцыйнай нацыянальнай, у нечым адрознай ад эўрапейскай, культуры (у гэтым выпадку цалкам дарэчы выраз «адукаваныя паводле эўрапейскага ўзору», ён робіць гэты фэномэн больш зразумелым). Калі такое ўяўленьне можа падацца некаторым спрашчэньнем, то можна ўскладніць яго такім чынам: інтэлігенцыя – гэта ар’ергард эпохі Асьветніцтва ў тых краінах, якія не пасьпелі вырашыць задачы і скончыць працэсы, што пачаліся ў эпоху Асьветніцтва, альбо наагул не перажывалі гэтую эпоху. То бок інтэлігенцыя існуе толькі ў эўрапейскай пэрыфэрыі, у краінах і культурах, якія разьвіваюцца згодна з эўрапейскім узорам, але затрымліваюцца ў сваім разьвіцьці. У краінах і культурах, якія абіраюць прынцыпова неэўрапейскі шлях разьвіцьця, інтэлігенцыі няма, напрыклад, у краінах з дамінаваньнем ісламскага фундамэнталізму. Іншае пытаньне, ці магчымы ў пару глябалізацыі прынцыпова неэўрапейскі шлях разьвіцьця? У гістарычнай эмпірыцы гэта адкрытае пытаньне. Пакуль мы маем справу з ваганьнямі і шараханьнем асобных краінаў паміж мадэрнізацыяй і фундамэнталізмам. Як правіла, фундамэнталізм перамагае ў тых краінах, якія перажылі інтэнсіўны кароткі, але ня вельмі ўдалы пэрыяд мадэрнізацыі. Зьмена кірункаў на мадэрнізацыю альбо на фундамэнталізм адбываецца з-за частай зьмены палітычных рэжымаў, а тэрміну дзеяньня рэжыму відавочна недастаткова для праяўленьня такой зьявы, як інтэлігенцыя,

ці для яе поўнага зьнішчэньня. Нават калі зьнішчэньне інтэлігенцыі адбываецца ў такіх маштабах, як у Камбоджы пры рэжыме Пол Пота альбо ў час «культурнай рэвалюцыі» ў Кітаі. Таму, у пэўным сэнсе гэтага слова, пра інтэлігенцыю можна гаварыць толькі ў краінах, якія знаходзяцца ў сфэры моцнага ўплыву заходнеэўрапейскай культуры і цывілізацыі, а гэта, акрамя Сярэдняй, Усходняй Эўропы і Расеі, толькі Сярэдняя Азія, Закаўказьзе, Турцыя і, часткова, Міжземнамор'е.

Варта зьвярнуць увагу на тое, што ў Заходняй Эўропе інтэлігенцыі няма. Там расклад фэадалізму і складваньне сучасных нацыяў ішлі сынхронна і ўзгоднена. А пара Асьветніцтва, хаця і пакінула шэраг неразьвязаных праблемаў у спадчыну сучасным нацыям Заходняй Эўропы, была скончаная пазытыўна.

Прыгадаем некалькі гістарычных задачаў, якія вырашаліся ў спрэчках, канфліктах і войнах пары Асьветніцтва, без таго, каб паглыбляцца ў іх аналіз, а толькі для таго, каб выявіць тыя фактары, што вядуць да фармаваньня альбо пласту інтэлектуалаў, альбо да зьяўленьня інтэлігенцыі:

– У пару Асьветніцтва пераадольваўся разрыў паміж арыстакратычнай высокай і плебэйскай нізкай культурай, здымаліся супярэчнасьці паміж імі. Калі гэты разрыў ліквідоўвалі, то ўзьнікалі нацыянальныя культуры, у якіх у адзінстве разнастайнасьці існавалі, узбагачаючы адзін аднаго, і вясковы фальклёр, і гарадзкія субкультуры, і тое, што захавалася ад касмапалітычнай высокай культуры. Прычым формы захаваньня, трансьляцыі і творчасьці ў культуры станавіліся аўтарскімі для ўсіх узроўняў і жанраў. Выканаўцы народных песенек і опэрных арыяў не адрозьніваліся сацыяльным статусам і прэстыжам, але толькі памерам ганарараў. А ганарары, у сваю чаргу, залежалі не ад абранага жанру, а ад папулярнасьці і запатрабаванасьці. У тых народаў, якія не пераадолелі гэтага разрыву, нацыянальнай культуры так і ня склалася. Існавала народная культура і эўрапеізаваная культура адукаваных людзей. На базе апошніх і складвалася інтэлігенцыя. Калі культуру народу і культуру інтэлігенцыі зьвязвала адна мова, то, хаця і зь цяжкасьцямі, такія народы сфармавалі сучасную нацыю. Калі, як у беларусаў, народная культура і культура інтэлігенцыі на працягу некалькіх пакаленьняў існуюць на розных мовах, то фармаваньне нацыі істотна ўскладняецца, калі наагул магчымае.

– У пару Асьветніцтва розум становіцца фактарам кіраваньня грамадзкімі працэсамі. Да XIX ст. права прыняцьця найважнейшых рашэньняў у дзяржаўных і грамадзкіх справах было станавай прывілеяй, а культываваньне розуму і мысьленьня лічылася прэрагатывай некаторых цэхаў альбо гільдыяў, фактычна прыроўненых да рамесных (напрыклад, сярэднявечныя ўнівэрсытэты, пазьней да іх дадаліся аб'яднаньні навукоўцаў: акадэміі, гільдыі юрыстаў і г. д.). У XVIII ст. ад манархаў і кіраўнікоў-арыстакратаў, якія прымалі рашэньні, сталі патрабаваць разумнага абгрунтаваньня. Рэалізацыя гэтага патрабаваньня прывяла, з аднаго боку, да скасаваньня арыстакратычных прывілеяў, з другога – да публічнага культываваньня розуму і мысьленьня, у адрозьненьне ад карпаратыўна-гільдыйнага. Там, дзе гэтая задача была вырашаная, інтэлектуальная дзейнасьць стала неабходная ў грамадзкім жыцьці, а заняткі інтэлектуальнай дзейнасьцю не лічыліся нечым унікальным. Захоўваліся традыцыйныя інстытуцыянальныя формы для выкарыстаньня розуму і мысьленьня, яны лёгка дабудоўваліся новымі інстытутамі. Адукаваныя людзі, якія займаліся інтэлектуальнай працай, ідэнтыфікавалі сябе, у першую чаргу, з гэтымі інстытутамі (напрыклад, інстытут прафэсіі), і не разглядалі сябе ўдзельнікамі нейкай супольнасьці людзей, аб'яднаных толькі наяўнасьцю адукацыі. У краінах, дзе прыняцьце найважнейшых рашэньняў застаецца прывілеяй арыстакратыі альбо, пазьней, пад канец XIX ст., узурпуецца бюракратыяй, а інтэлектуальная дзейнасьць ня мае інстытуцыянальных формаў, наяўнасьць у чалавека адукацыі становіцца дастатковай для грамадзкай самаідэнтыфікацыі. Адукаваная публіка, незалежна ад паходжаньня (тыя ж самыя разначынцы), пачынае адчуваць сябе асаблівай сацыяльнай групай – інтэлігенцыяй.

– У пару Асьветніцтва легітымізуецца прыватная ўласнасьць і прыватнае жыцьцё, аўтанамізуецца асоба. У краінах, якія пасьпяхова выканалі гэтую задачу, выразна адрозьніваецца грамадзкае і прыватнае. Ніхто, улучаючы і дзяржаву, ня можа замахвацца на прыватную ўласнасьць, але дакладна так ніхто ня можа ўмешвацца ў прыватнае жыцьцё і спрабаваць уплываць на прыватнае меркаваньне чалавека. Розум і мысьленьне належаць да прыватнага жыцьця, да сфэры аўтаномнай асобы, таксама як і вераваньні, ідэалы, густы і прыхільнасьці. Але прадукты і вынікі інтэлектуальнай дзейнасьці могуць выстаўляцца публічна. Складваецца публічная сфэра выкары-

станьня розуму і мысьленьня. У краінах, дзе аўтаномія асобы, прыватнае жыцьцё і ўласнасьць зь цяжкасьцю вылучаюцца з публічнай сфэры, даволі распаўсюджаныя спробы навязваньня іншым сваіх поглядаў, прыхільнасьцяў, ідэалаў. Больш за тое, узьнікае асаблівы пласт людзей – інтэлігенцыя – якія лічаць сваёй грамадзкай задачай і жыцьцёвай місіяй «сеяць разумнае, добрае, вечнае», прасьвятляць іншых. Не прасьвятляць сфэру грамадзкага, супольнага, палітычнага – ад чаго гэтая група ізаляваная, а прасьвятляць асобных людзей альбо цэлыя супольнасьці, не беручы пад увагу аўтаномію асобы.

Гэтых трох фактараў больш чым дастаткова, каб паказаць кардынальныя адрозьненьні паміж інтэлектуаламі і інтэлігенцыяй.

Такім чынам, інтэлектуал адрозьніваецца ад інтэлігента не сваімі якасьцямі і вартасьцямі, а ўмовамі свайго жыцьця і дзейнасьці.

Інтэлектуал упісаны ў сацыяльную структуру, інтэграваны зь іншымі сацыяльнымі пазыцыямі іролямі, добра адаптаваны да разнастайнага сацыяльнага атачэньня. Інтэлігент добра пачуваецца толькі ў асяродзьдзі сабе падобных, пошукамі гэтага асяродзьдзя ён і займаецца ўсё жыцьцё. Інтэлектуал не вылучае сябе з народу, нацыі, грамадзтва. У яго не існуе праблемаў з самавызначэньнем і ідэнтычнасьцю. Інтэлігента ж гэтыя праблемы суправаджаюць усё жыцьцё, паколькі ягонае жыцьцё ідзе ў праблемным грамадзтве, несфармаваных нацыях.

Заходнеэўрапейскія нацыі абыходзяцца без інтэлігенцыі. Чаму акурат гэтыя краіны пасьпяхова вырашылі праблемы і парадоксы Асьветніцтва, можна разьбірацца адмыслова. Таксама, як і спэцыяльна высьвятляць, якія менавіта нацыі належаць да Заходняй Эўропы, а якія – не. З гэтымі пытаньнямі разьбіраліся тыя ж самыя заходнеэўрапейскія ІНТЭЛЕКТУАЛЫ. Хтосьці лякалізуе Заходнюю Эўропу паводле тэрыторыі, на якую распаўсюджвалася ў канцы Асьветніцтва дзеяньне Кодэксу Напалеона – праўнай сыстэмы, што ўвабрала ў сябе ідэі Асьветніцтва. Хтосьці праводзіць мяжу згодна з пашырэньнем прынцыпу маярату, бо дзякуючы дзеяньню гэтага прынцыпу праблемы, ад якіх мучаюцца дарослыя інтэлігенты, вырашаюцца на ўзроўні сямейнага выхаваньня дзяцей. Для абмеркаваньня ўсіх гэтых пытаньняў фармат артыкулу відавочна малы. Мне гэты экскурс у гісторыю фармаваньня інтэлігенцыі патрэбны для таго,

каб сфармуляваць простую тэзу-гіпотэзу. У меру інтэграцыі краінаў Сярэдняй і Цэнтральнай Эўропы ў аб'яднаную Эўропу колькасьць інтэлігенцыі будзе скарачацца. І ў грамадзкім жыцьці ўсё большае значэньне будуць набываць ІНТЭЛЕКТУАЛЫ – людзі, якія апэруюць розумам і мысьленьнем у публічнай сфэры, робяць у публічнай прасторы інтэлектуальную працу нацыі, але ня ўмешваюцца ў прыватнае жыцьцё людзей.

У Беларусі ж пакуль інтэлігенцыя дамінуе ў грамадзкім жыцьці. Гэтае дамінаваньне выяўляецца ня толькі ў кантролі інтэлігенцыяй усёй сфэры ідэалёгіі, СМІ і адукацыі. Гэта выяўляецца ў забароне на публічную інтэлектуальную дзейнасьць. ІНТЭЛЕКТУАЛЫ ў Беларусі ўжо ёсьць. Яны не адукоўваюць народ, не навязваюць грамадзтву свайго меркаваньня. Яны займаюцца сваёй прафэсійнай дзейнасьцю, але прадукты гэтай дзейнасьці, сваёй інтэлектуальнай работы, яны імкнуцца зрабіць публічным здабыткам, спрабуючы паўплываць такім чынам на прыняцьце найважнейшых рашэньняў у краіне. Акурат тут праяўляецца найвастрэйшае супрацьстаяньне інтэлігенцыі і інтэлектуалаў. Інтэлігенцыя прапаноўвае ўсяму грамадзтву сваё меркаваньне як самае адукаванае, а ІНТЭЛЕКТУАЛЫ ўсяго толькі жадаюць, каб іх меркаваньне ўлічвалася пры прыняцьці грамадзка значных рашэньняў. Асабліва яскрава гэта відаць падчас рэфэрэндумаў, якія ў апошні час сталі частай зьявай у нашай краіне. Пакуль інтэлігенцыя навязвае сваё меркаваньне шырокім пластам грамадзтва, ІНТЭЛЕКТУАЛЫ лічаць неразумным і рашэньні рэфэрэндумаў, і самі рэфэрэндумы як спосаб прыняцьця рашэньняў.

Пакуль беларускае грамадзтва ўхіляецца ад эўрапейскай інтэграцыі, у беларускіх інтэлектуалаў няма шанцаў стаць уплывовай сілай у грамадзтве. Бяда яшчэ і ў тым, што ў інтэлектуалаў практычна няма і ня можа быць адзінай пазыцыі, нават што да эўрапейскай інтэграцыі. Многія ІНТЭЛЕКТУАЛЫ добра бачаць недахопы і заганы аб'яднанай Эўропы. Але эўраскептыцызм беларускіх інтэлектуалаў мае зусім іншую прыроду, чым эўрафобія беларускай інтэлігенцыі.

Адрозьненьню інтэлектуалаў ад інтэлігенцыі давялося надаць так багата ўвагі, таму што на сучасным этапе разьвіцьця нашага грамадзтва ІНТЭЛЕКТУАЛЫ і інтэлігенцыя ня проста маюць шмат падобнага паміж сабой, яны цяпер канкуруюць за ўплыў у культурным пра-

цэсе, і гэтая канкурэнцыя можа мець вельмі важныя наступствы для лёсу краіны і нацыі. Далейшыя катэгарыяльныя апазыцыі разабраць і сфармуляваць значна прасьцей.

ІНТЭЛЕКТУАЛ – ТВОРЦА. Часам ІНТЭЛЕКТУАЛЫ нешта ствараюць. Але гэта ня ёсьць сутнасьцю іхнага існаваньня. Сутнасьць інтэлектуалаў акурат у спажываньні. Яны ня творцы, а спажыўцы. У тым ліку і інтэлектуальных прадуктаў. ІНТЭЛЕКТУАЛЫ роўна настолькі ІНТЭЛЕКТУАЛЫ, наколькі яны спажываюць інтэлектуальную прадукцыю. Яны чытаюць філёзафаў і мысьляроў мінулага. Чытаюць для таго, каб выносіць меркаваньні ў сучаснасьці. Калі ІНТЭЛЕКТУАЛЫ спажываюць сучасную інфармацыю, то яны аддаюць перавагу аргумэнтам перад фактамі. Іх цікавяць ня столькі падзеі, колькі прычыны і тлумачэньні іх, ня столькі рашэньні, колькі абгрунтаваньні рашэньняў. Ад інтэлектуалаў часта чакаюць і патрабуюць дзеяньняў, учынкаў альбо артэфактаў. Часам ІНТЭЛЕКТУАЛЫ нават дзейнічаюць, зьдзяйсьняюць учынкі і ствараюць (твораць) артэфакты: пішуць кнігі, здымаюць фільмы, ствараюць новыя навучальныя курсы, распрацоўваюць стратэгіі, канцэпцыі і праграмы. Але гэта іх факультатыўная, а не галоўная функцыя. Іх галоўная місія – выносіць меркаваньні. Ня проста выказваць свае прыватныя меркаваньні. А публічна дэманстраваць разважаньне, каб публічна ж выяўляць вынікі інтэлектуальнай работы – меркаваньні, што прэтэндуюць на ўсеагульнасьць. Ноам Хомскі (Чомскі)[2] ня можа сам спыніць вайну на Балканах, але ягонае меркаваньне аб гэтай вайне даводзіцца да шырокай публікі і ўплывае на прыняцьце дзяржаўных рашэньняў. Не істотна, мае ён рацыю ці не ў сваім меркаваньні. Істотна, што гэтае меркаваньне разумнае, а не эмацыйнае, свабоднае, а не ангажаванае. І гэтаму меркаваньню павінна быць супрацьпастаўленае такое ж разумнае і свабоднае меркаваньне. Інтэлектуал здольны на такія меркаваньні не таму, што ён іх стварае сам, а таму, што ён іх выносіць на падставе папярэдняга спажываньня інтэлектуальнай прадукцыі, а не бульварнай прэсы, не ідэалягічных агітак.

Антыінтэлектуалізм беларускай эліты і інтэлігенцыі выяўляецца ня ў тым, што яны чагосьці ня твораць, а ў тым, што яны не чытаюць, не спажываюць інтэлектуальнай прадукцыі. Таму і меркаваньні іхныя інтэлектуальна не падмацаваныя. Думку аб тым, што адбыва-

2 Ноам Хомскі (*Avram Noam Chomsky*) – амерыканскі лінгвіст, палітычны публіцыст і тэарэтык, адзін з самых вядомых левых інтэлектуалаў. (*Заўвага рэд.*)

ецца ў краіне, можна сфармаваць і на падставе тэлеперадачаў БТ. Але паўнавартаснага меркаваньня не сфармаваць бязь веданьня Арыстотэля, Канта, бяз крытыкі сьветагляду Алеся Адамовіча, без аспрэчваньня меркаваньняў Валянціна Акудовіча.

ІНТЭЛЕКТУАЛ – АБЫВАТАЛЬ. У гэтай катэгарыяльнай пары складанасьць ня ў тым, каб указаць на адрозьненьне, але каб зразумець падабенства. Справа ў тым, што вядомае супрацьпастаўленьне інтэлігенцыі і абывательства (філістэрства), запазычанае беларусамі ад расейскай інтэлігенцыі, часьцяком пераносіцца і на інтэлектуалаў. Але інтэлектуал не супрацьпастаўляецца абывателю, як не супрацьпастаўляецца народу, іншым сацыяльным ролям і функцыям. Інтэлектуал падзяляе абывательскія ідэалы і каштоўнасьці, ідэнтыфікуе сябе з народам. Інтэлектуал жыве так сама, як жывуць ягоныя суседзі. У яго такая ж сям'я, такі ж дом (кватэра), машына, мэбля, тэлевізар, нават дыплём аб вышэйшай адукацыі. Нязначныя адрозьненьні можна знайсьці ў тым, якія каналы ўключаюць людзі ў тэлевізійным прыёмніку, якія кнігі стаяць на паліцы ў аднолькавых кніжных шафах, якія кнігі валяюцца зранку ля ўзгалоўя. Але гэтыя адрозьненьні ўкладваюцца проста ў дыяпазон індывідуальных адрозьненьняў. То бок у прыватным жыцьці інтэлектуал можа нічым не адрозьнівацца ад любога іншага абывателя. Яны адрозьніваюцца публічным жыцьцём. У большасьці людзей публічнага жыцьця амаль няма або яно зьведзенае да мінімуму, тады як інтэлектуал абавязаны весьці публічнае жыцьцё. Безь яго ён наагул не адрозьніваецца ад абывателя альбо ператвараецца ў маргінальнага шызафрэніка.

ІНТЭЛЕКТУАЛ – СПЭЦЫЯЛІСТ. Публічная прэзэнтацыя розуму і мысьленьня часта закранае вельмі спэцыфічныя галіны ведаў. Меркаваньні ў спэцыфічных сфэрах спрабуюць манапалізаваць спэцыялісты. Эканамісты разважаюць аб эканоміцы, эколягі аб экалёгіі, малочнікі аб малацэ, газэтчыкі аб газэтах, вайскоўцы аб вайне. Інтэлектуалам варта б было меркаваць аб інтэлекце. Але акурат гэта вельмі мала цікавіць інтэлектуалаў. Меркаваньні інтэлектуалаў часта спрабуюць дэзавуяваць акурат на падставе таго, што гэта не меркаваньні спэцыялістаў. Але для таго інтэлектуал і зьяўляецца спажыўцом складанай інтэлектуальнай літаратуры, каб разьвіваць у сабе здольнасьць разьбірацца ў самых складаных пытаньнях ня горш за спэцыялістаў. Ня горш, хаця і інакш, чым спэцыялісты.

Як правіла, інтэлектуал можа быць спэцыялістам у адной альбо некалькіх сфэрах. Але ня гэта робіць яго інтэлектуалам. Зрабіўшы кар'еру ў пэўнай прафэсіі, інтэлектуал займае спэцыфічнае месца ў структуры прафэсіі. Часьцей за ўсё гэта месца з функцыяй рэфлексіі і асэнсаваньня самой прафэсіі, то бок гэта мэтапазыцыя, а не пазыцыя спэцыяліста. Гэта дазваляе яму працаваць з распрадмечанымі ведамі, у распрадмечаных формах. І ня толькі працаваць, але і весьці камунікацыю зь іншымі прафэсіяналамі, якія займаюць аналягічныя пазыцыі ў іншых прафэсіях альбо сыстэмах дзейнасьці. Пераадольваючы спэцыялізацыю, выходзячы за рамкі спэцыяліста, прафэсіянал не пакідае прафэсіі, не становіцца філёзафам альбо мэтадолягам. Ён проста становіцца дастаткова свабодным і экіпаваным для заняткаў іншымі, самымі разнастайнымі справамі. Будучы экіпаваным і свабодным для міжпрафэсійнай камунікацыі, ён гатовы для публічнага выкарыстаньня свайго інтэлекту. Выходзячы ў публічную прастору, ён становіцца інтэлектуалам. Выхад у публічную прастору патрабуе пэўнай ступені вядомасьці, папулярнасьці, рэпутацыі, бяз гэтага інтэлектуалаў не бывае. Калі ж у публічнай сытуацыі патрабуецца меркаваньне спэцыяліста, то гэта можа быць і нікому не вядомы спэцыяліст.

Згаданае вышэй меркаваньне Хомскага аб вайне на Балканах ня ёсьць меркаваньнем вядомага лінгвіста (спэцыяліста вышэйшай кваліфікацыі), але меркаваньнем інтэлектуала. Пры гэтым Хомскі не спэцыяліст у вайсковых справах альбо міжнародных дачыненьнях. Ён не спэцыяліст у пытаньнях, аб якіх разважае, але і тое, у чым ён спэцыяліст, у гэтым выпадку ніяк не запатрабаванае. Ня варта патрабаваць ад інтэлектуалаў таго, што варта патрабаваць ад спэцыялістаў, і наадварот.

ІНТЭЛЕКТУАЛ – МАСТАК, АРТЫСТ, ДЗЕЯЧ МАСТАЦТВА. Інтэлігенцыя сфармавала шэраг архетыпаў грамадзкай сьвядомасьці, якія застаюцца жывучымі. У прыватнасьці, да такіх архетыпаў належыць гіпэртрафаваная роля мастацтва ў асэнсаваньні грамадзкіх і палітычных працэсаў і зьяваў. У абагуленым выглядзе гэты архетып не вытрымлівае крытыкі, але ёсьць у сьвеце мастацтва адна пазыцыя, пра якую я ўжо згадваў вышэй пры разглядзе генэзісу расейскай інтэлігенцыі, якая доўгі час прэтэндавала на найвышэйшы аўтарытэт ува ўсіх пытаньнях. Гэта пісьменьнікі. Добра б толькі пісьменьнікі,

якія прэпаруюць грамадзтва з-за недахопу навуковых зьвестак аб гэтым грамадзтве, чым займаліся раманісты XIX і XX стст., але для інтэлігенцыі і «паэт у Расеі большы, чым паэт». Ніяк не прыніжаючы ролі, месца і значэньня мастацкай творчасьці, і паэзіі ў прыватнасьці, у духоўным жыцьці чалавецтва, хочацца проста нагадаць, што ня варта зьмешваць і блытаць адно з адным. Публічная прэзэнтацыя розуму ня можа будавацца на паэтычных мэтафарах і гіпэрбалах. Але доўгі час, калі ІНТЭЛЕКТУАЛЫ не маглі зьявіцца ў Беларусі, іх функцыю выконвалі пісьменьнікі. Гэта не раўнацэнная замена. Але звычка засталася. Да гэтага часу замест асэнсаваньня і рацыянальнай аргумэнтацыі не-не ды і выскокваюць паэтычныя вобразы. І ня толькі ў адных паэтаў, але і ў людзей, якія прэтэндуюць на ролю інтэлектуалаў.

ІНТЭЛЕКТУАЛ – КЛЕРК, НАЙМІТ, ЛЁКАЙ. Гэта самая простая катэгарыяльная апазыцыя, але і самая небясьпечная. Публічная прэзэнтацыя розуму можа быць толькі свабоднай і неангажаванай. Магчыма, што гэтая тэза нават і не патрабуе якой бы ні было аргумэнтацыі – так шмат на гэтую тэму сказана і напісана. Аднак тэндэнцыя выкарыстаньня інтэлекту ў сэрвільнай функцыі не зьнікае. Магчыма, яна будзе існаваць вечна, прынамсі, пакуль людзі будуць імкнуцца да ўлады, грошай. Інтэлектуальнае абгрунтаваньне і апраўданьне дзеяньняў палітыкаў, вайскоўцаў, чынавенства заўсёды і паўсюль карыстаецца вялікім попытам. Беларусь не выключэньне. У краіне шмат разумных, адукаваных, крэатыўных людзей. Дзяржава і бізнэс заўсёды будуць прыцягваць такіх людзей на службу і працу. Гэта цудоўна і добра, гэта неабходна, каб дзяржава і бізнэс разьвіваліся. Але паступаючы на службу, чалавек губляе сваю аўтаномнасьць, ён становіцца часткай нейкага надасабовага суб'екту, зьверхчалавечага ўтварэньня.

Але ж акурат у кантролі над такім суб'ектам і палягае функцыя публічнага выкарыстаньня розуму!

Я далёкі ад таго, каб прапаноўваць інтэлектуалам ніколі не наймацца на службу, не станавіцца чыноўнікамі альбо функцыянэрамі ў бізнэсе. Наадварот, я б толькі вітаў такую дзяржаву і такі бізнэс, якія б прывабілі інтэлектуалаў. Але любы дзяржаўны чыноўнік і сацыяльна адказны бізнэс абавязаны публічна выстаўляць абгрунтаваньні сваіх дзеяньняў і рашэньняў. Публічна, г. зн. у СМІ, у публічных высту-

пах, у дыскусіях. Яны павінны ўступаць у камунікацыю са свабоднымі інтэлектуаламі. Зусім ня факт, што ў такой камунікацыі, у сур'ёзных дыскусіях свабодныя ІНТЭЛЕКТУАЛЫ будуць разумнейшыя і мацнейшыя за талковых і разумных чыноўнікаў. Але ня ў тым жа справа, каб высьветліць, хто разумнейшы, чыноўнік альбо інтэлектуал! Справа ў тым, каб розум і інтэлект выкарыстоўваліся пры прыняцьці найважнейшых для нацыі і для краіны рашэньняў.

Сёньня ў Беларусі ІНТЭЛЕКТУАЛЫ аддадзеныя самім сабе. Значыцца, задачы Асьветніцтва мы ў нашай краіне яшчэ ня вырашылі.

І бяда нават ня ў тым, што дыктатура і аўтарытарны рэжым не даюць інтэлектуалам слова, не даюць магчымасьці паўдзельнічаць у прыняцьці рашэньняў на нацыянальным узроўні. Бяда ў тым, што ІНТЭЛЕКТУАЛЫ гэтага пазьбягаюць. Яны пазьбягаюць сваёй сацыяльнай функцыі і місіі. Хтосьці ўцякае ў мастацкую творчасьць. Хтосьці ў вузкую спэцыялізацыю, хтосьці прымае сэрвільную функцыю і інтэлектуальна абслугоўвае чужыя рашэньні і дзеяньні. Большасьць жа знаходзіцца ў забабонах савецкай інтэлігенцыі, бясьсільнай, бязвольнай, сэнтымэнтальнай і рэзанэрскай.

Аднак важна, што ІНТЭЛЕКТУАЛЫ ў Беларусі ўжо ёсьць. Ня проста разумнікі й разумніцы, а публічныя постаці. Варта б пачаць і дзейнічаць публічна.

Два эссе об интеллектуалах

Тексты были написаны и опубликованы в персональном блоге Владимира Мацкевича в «Живом Журнале» в декабре 2010 года. Поводом для их написания стал очередной виток обсуждения места и роли интеллектуалов в Беларуси на одном из экспертных беларусских ресурсов – сайте «Наше мнение».

I. Треножник и яблоко

Рейтинги в интеллектуальной среде – вещь необходимая, но невозможная. Почти оксюморон.

Сначала – почему невозможная: в силу природы мышления. Мышление коллективно или интерсубъективно. Это с огромным трудом понимается философами, совершенно не понимается психологами, и об этом редко задумываются прочие интеллектуалы и обыватели. Для возникновения мышления и его существования необходим более чем один субъект, субъект не делится на части, поэтому – минимум двое. Условием существования мышления является диалог, а диалог предполагает равенство участников. Полилог тоже. Люди никогда не равны, но в отношении мышления выравниваются.

Ну а необходимость рейтингов диктуется природой человека. Об этом даже и распространяться не надо.

Так что же делать с рейтингами в таком случае? Проводить или

не проводить? Сравнивать, кто из интеллектуалов интеллектуальнее, или не сравнивать? Ответ простой: проводить и сравнивать, но не придавать этому значения. Нет в рейтингах объективного значения, но есть в них глубокий субъективный смысл. Этот смысл и надо искать, а найдя его – понимать.

Собственно, с первого рейтинга интеллектуалов, или, как тогда выражались, мудрецов, начинается легендарная история европейской цивилизации и европейского мышления. Говорят, что давным-давно в Дельфах с неба свалился треножник, прямо на головы бедных древних греков. И на том треножнике на чистом греческом языке было написано: «Мудрейшему!» Общегреческого ВАКа[1] в те времена не было, а до учреждения Нобелевской и Шнобелевской премий оставалось более двух тысячелетий, поэтому у греков возникла проблема – кому же предназначен сей приз? Те, кому он свалился на голову, точно знали, что не им, поэтому упаковали треножник в посылку и отправили Фалесу. Сам Фалес в этот момент пребывал в упадническом настроении, никак теорему свою доказать не мог, и предавался самокритике. Знаете, как это бывает? Расстроится человек, когда у него что-то не получается, и ругает себя последними словами типа: «тупица, дебил, даже на конкурсе дебилов ты занял бы только второе место, потому что ты дебил…, и т.д.». И вот, не дочитав сопроводительную записку, Фалес заворачивает треножник обратно в целлофан и отправляет Питтаку (а может, Бианту или Периандру[2], не помню точно). Тот, получив пакет, уже по своим причинам отправляет его еще кому-то. Так треножник, предназначенный мудрейшему, обошел человек 12-15, которых потом назвали семью греческими мудрецами для ровного счета, и вернулся к Фалесу. К этому моменту Фалес уже доказал свою теорему и прыгал от радости с криками: «Эврика! Я гений!» – и все такое. В таких случаях грекам положено богам жертву в благодарность приносить. Тут треножник и пришелся кстати: «На тебе, Аполлоша, чего мне самому не нужно!» И отправил Фалес треножник обратно в Дельфы, где он хранился в запасниках как доказательство, что можно и иначе проводить рейтинги, не по-бабски. А как по-бабски, это все грекам еще Гомер рассказал; про то, как трем

1 ВАК – Высшая аттестационная комиссия. *(Прим. ред.)*

2 Фалес Милетский, Питтак Миттиленский, Биант Приенский, Периандр – древнегреческие философы и политики, причисляемые разными авторами к числу «семи мудрецов». *(Прим. ред.)*

блондинкам попало в руки яблоко с надписью «Прекраснейшей!». Бабы перессорились, позвали рефери, учредили коррупцию среди судей – в общем, все закончилось Троянской войной, где всех греческих героев перебили[3].

С тех пор никому не удается провести рейтинг по первому сценарию – за основу взят бабский сценарий с вариантами, будь-то конкурс «Мисс Вселенная» или Нобелевская премия. Правда, иногда проводить рейтинги поручают социологам, но с тем же успехом.

Но греки были умными, они понимали, что нужно действовать как-то иначе, поэтому придумали соревновательность и агональность. Решать, кто есть кто, кто быстрее, сильнее, умнее, должны те, кто на это претендует, и решать это можно в борьбе, игре, соревновании. Благо традиционные Олимпийские игры служили им хорошим примером. В интеллектуальной сфере соревнование проводится в виде диспутов между претендентами. И это правильно. Так агональность стала обязательным компонентом интеллектуальной жизни и деятельности.

Хочешь считаться первым интеллектуалом – переспорь всех, кто готов претендовать на то же самое. Можно иначе: возьми нерешенную задачу, недоказанную теорему, трудную проблему – и реши первым, докажи первым. Все очень просто. И так интеллектуалы жили и соревновались тысячи лет, от софистов до схоластов. Но потом все начало портиться. Соревноваться трудно. А кроме того, победа не страхует от того, что придет кто-то амбициозный и талантливый и победит тебя в следующем диспуте, решит еще более сложную проблему, докажет две теоремы и т.д.

Поэтому интеллектуалы стали придумывать всякие симулякры, эрзацы. Стали клянчить у монархов назначения их самыми умными, придумали пожизненные ученые степени и звания. Все ради того, чтобы не спорить, не доказывать, не мыслить.

Уже давно перестали защищать диссертации. Вместо защиты – диспута с оппонентами и критиками – организуются социальные структуры, наполняются бюрократическими процедурами. Ученые степени присуждаются на основании социальных статусов и ком-

---

3 Ёрнический пересказ мифа о «яблоке раздора», ставшем причиной Троянской войны. *(Прим. ред.)*

мунальных отношений. В результате стали исчезать научные и философские школы – просто состав интеллектуальных коллективов опустился ниже критического уровня, за которым мыслить уже просто невозможно.

Деградацией школ и коллективов (университетов, академий и др.) дело не закончилось. Стали деградировать институты науки и философии как таковые. Ведь и они существуют только в дискуссиях и спорах – школа против школы, направление против направления, подход против подхода. Побеждают и выживают самые сильные и умные. А поскольку качество людей в школах и коллективах стало падать, сами школы и коллективы перестали соревноваться, чтобы не позориться.

Наверное, это еще не затронуло все науки и все существующие интеллектуальные группы. Ну и слава богу, если так.

Но эта деградация не способна совсем уничтожить мышление, интеллектуалов и интеллектуальные сообщества. Просто они начинают жить вне официальных институтов. Так было уже в Древней Греции. Когда деградировали старые интеллектуальные центры в Малой Азии и в Италии, интенсивная интеллектуальная жизнь – с агоном и спорами – переместилась в Афины. Когда Академия или Ликей впадали в маразм, мысль билась в других школах. Так было и в Новое время. Пока университеты XVI–XVII веков предавались пустым дебатам в рамках устаревшей схоластики, мышление и науку развивали группки ученых при дворах итальянских городов, в академиях, в кружках. Возникла неформальная «республика ученых». Люди науки только в XVIII веке «отвоевали» университеты у старорежимных начетчиков.

Так всегда было и всегда будет. Формы и нормы интеллектуальной деятельности автономны от социальных форм и норм. Как только в каких-то институтах социальное и коммунальное начинает доминировать над мышлением, интеллектуалы уходят в маргиналы и там выращивают новую социальность, автономную от окружающего социума и адекватную культивируемому мышлению.

Интеллектуальные сообщества, основное ядро которых составляют творцы нового и хранители традиций мышления (а не социальных ритуалов), рано или поздно отказываются от неравной борьбы с

закосневшими официальными структурами. Ученые звания и степени перестают ими цениться, поскольку за ними уже ничего не стоит – ни новых знаний, ни здоровых и жизнеспособных традиций.

Все знают, что человека нельзя назначить писателем или артистом. Но можно присвоить ему звание заслуженного артиста или сделать лауреатом каких-нибудь премий и рейтингов.

А с учеными разве не то же самое? Можно назначить кого-то директором института, можно ректором университета, академиком или президентом академии, но никого нельзя назначить ученым. До поры до времени слова «академик» и «ученый» были просто разными характеристиками: встречались ученые без степеней и званий, были академики, не имеющие отношения ни к науке, ни к мышлению. Но рано или поздно эти вещи начинают не просто не совпадать, но противоречить друг другу. И такое время, кажется, уже пришло: сегодня академик (в гуманитарном знании почти на 100%) – точно не ученый и не философ, а философ и ученый редко может получить кандидатскую степень, а о докторской и о звании академика не должен даже и мечтать.

Но ведь рейтинги нужны! И сами интеллектуалы должны знать, кто есть кто, кто чего стоит, и общество должно «знать своих героев». Как же быть? А так же, как было всегда – спорить и доказывать. Спорить друг с другом и доказывать друг другу, а также Urbi et Orbi[4] справедливость своих идей.

Спорить об идеях, о содержании, а не препираться в коммунальном режиме. А споры и диспуты интеллектуалов требуют особого этоса – заинтересованности в содержании. В этом этосе есть свои доблести и свои пороки. В этом этосе есть свои рыцари и подонки. Не стану сейчас описывать этос интеллектуалов, но о нем стоит начинать говорить. Ведь иначе мы дойдем до страшных вещей. Уже дошли. Когда сегодня кто-нибудь поднимает проблему плагиата, то большинство ученых и академиков просто не видят в плагиате ничего плохого. Это признак глубокой деградации.

Этос интеллектуала, как и этос рыцаря, выкристаллизовывается в агоне. Правила и нормы интеллектуала – это правила и нормы агона. Так, оспаривая идею, спорить нужно с автором. Значит, автора

4 Urbi et Orbi (лат.) – буквально: «к городу и к миру». *(Прим. ред.)*

надо цитировать, на него надо ссылаться, поскольку интеллектуальные дискуссии чаще ведутся заочно, в статьях и публикациях. Стыдно не знать, кто до тебя уже высказал идеи, которые ты сам отстаиваешь. Ну и многое другое.

Но об этом уже в другой раз.

II. Мучительный выбор

Интеллектуал, помимо всего прочего, характеризуется тем, что постоянно встает перед мучительным выбором. Здесь важны оба слова: выбор и мучительный. Выбирать приходится всем и всегда, но для большинства людей выбор в значительной степени предопределен воспитанием, культурой, социальными условиями и коммунальным окружением. Даже будучи предопределенным, выбор может быть мучительным, особенно если приходится отказываться от чего-то дорогого и привычного, но в большинстве случаев выбор обычного человека делается автоматически, в силу сформировавшихся стереотипов и привычек. Другое дело интеллектуал. У интеллектуала тоже множество привычек и стереотипов, но в силу рефлексивности и широты взглядов он все ситуации воспринимает как индивидуальные, отягощенные множеством новых обстоятельств, затрудняющих применение привычек и стереотипов. Там, где обыватель выбирает не задумываясь, интеллектуал долго анализирует и проблематизирует. Проблемы встают перед интеллектуалом даже тогда, когда обывателю все представляется очень простым.

У будущего интеллектуала проблемы начинаются еще в школе. Он настолько заинтересован в содержании изучаемых предметов, что предпочитает с ним разбираться, а не заучивать то, что предлагает учитель или учебник. Он видит сложности в том, что учитель подает как простое и понятное. Поэтому перед будущим интеллектуалом в школе встает первый мучительный выбор – соответствовать требованиям учителей и быть как все, что будет щедро оплачено пятерками, или идти своим индивидуальным путем, платя за это своими тройками. Будущие интеллектуалы иногда выбирают путь троечника, чтобы не принимать социальных требований; правда, могут быть и отличниками, но это отличники «себе на уме» или «с фигой в кармане».

Потом проблемы усложняются. Будущий интеллектуал должен выбрать или путь социального восхождения, или иллюзорную интеллектуальную свободу. Выбирая свободу, он вообще отказывается от усвоения социально приемлемых путей приобретения знаний, рискуя выпасть в маргиналы. Очень многие этим и заканчивают: это несостоявшиеся интеллектуалы – городские сумасшедшие, «рабочие профессора» и т.п.

Если же будущий интеллектуал выбирает дальнейшую социализацию и карьеру, ему приходится адаптироваться, учиться совмещать собственные размышления с принятыми в социуме образом мысли и образом действия. Поэтому в ВУЗе интеллектуал либо проявляет активность в общественной деятельности, в спорте или в науке за рамками учебного процесса, либо выбирает путь «очкарика» или «ботаника». В последнем случае снова приходится говорить о несостоявшемся интеллектуале. «Очкарик» и «ботаник» выпадает из социальной жизни в особую нишу, изобретенную обществом для защиты от интеллектуалов, – в абстрактное удовлетворение любопытства за государственный счет. Современная наука – как в университетах, так и в академиях наук – это гетто для интелей. Им позволяют там резвиться и больно бьют каждого, кто пытается вырваться за пределы гетто, выйти в реальный мир. Ученые в таких гетто заняты самоудовлетворением и самообеспечением. Они сами себе придумывают проблемы, сами себя читают и критикуют, сами создают специальные мифы о том, почему им не следует выходить в реальный мир. Это касается как естественников и технарей, так и математиков, философов и гуманитариев.

О социализации интеллектуалов можно рассказывать долго, это особый мир приключений, взаимодействие академических банд, коммунальные игры и правила социальной защиты мирка «академических свобод». Но, с моей точки зрения и по имеющемуся у меня опыту участия во всем этом, это все совсем не интересно, не заслуживает внимания.

Все сделанные до сих пор выборы еще не делают человека интеллектуалом, они только позволяют продолжить путь. Это все выборы потенциального интеллектуала. До поры до времени будущий интеллектуал, не отказываясь от собственного пути, обязан жить в мире с обществом. Ранний разрыв с обществом не позволит интеллектуалу выйти на стартовые позиции, не позволит занять рефлексивную по-

зицию по отношению к социуму. С детства до зрелости у будущего интеллектуала возникает множество возможностей отказаться от какого-то одного образа социального существования, но он сразу же оказывается в другой социальной нише: выходя из одного социального статуса в системе, он вынужден принять другой социальный статус. Не поступив в ВУЗ, умный юноша должен принять определенный социальный статус, предзаданный ему социумом. То же самое, если он не заканчивает ВУЗ или не защищает диссертацию. Руководствуясь в жизни только собственными установками и правилами, интеллектуал обязан достичь такого положения в обществе, которое признается самим обществом как высокое. Ну или достаточное для того, чтобы само общество было вынуждено считаться с интеллектуалом как личностью.

Предположим, что интеллектуал состоялся, он достиг определенного положения в обществе, стал признанным ученым, писателем, журналистом, политиком, религиозным деятелем или еще кем-то. Т.е. сумел решить проблему Григория Сковороды, который велел написать на своем надгробии: «Мир пытался меня поймать, но не поймал». Будущий интеллектуал достиг определенного социального положения и сумел избежать того, чтобы социум навязал ему свои стандарты, стереотипы и привычки. Что он теперь будет делать? Снова мучительный выбор. И снова большой риск не состояться. Можно ведь конвертировать все, чем владеешь, в деньги, в славу и почет. Очень многие выбирают этот вариант. В этом случае мы снова имеем дело с несостоявшимися интеллектуалами. Эти люди могут стать академиками, заслуженными профессорами, иногда они даже вносят существенный вклад в свою отрасль знаний, но редко. Чаще становятся просто рутинными научными работниками или скучными преподавателями.

Интеллектуалами становятся, начиная с момента достижения хорошего социального положения, только те, кто встает в критическую и рефлексивную позицию по отношению к своему социуму. Долдонами, а не интеллектуалами, были все советские профессора, критиковавшие западный социум. Интеллектуалом становится только тот, кто занимает критическую и рефлексивную позицию по отношению к социуму, в котором он социализирован.

Во-первых, он смог социализироваться, стать успешным в своей социальной системе. Это значит, что он освоил правила и нормы этой системы, знает их не теоретически, а на собственном опыте. Собственный личный социальный опыт – это первая важнейшая характеристика интеллектуала.

Во-вторых, он смог достичь всего этого сам, всегда находясь в отстраненной позиции к социуму, адаптируясь к нему сознательно, а не просто впитывая навязываемые социумом правила игры. Интеллектуал – это человек, сделавший себя сам. Это его вторая важнейшая характеристика. Не важно при этом, в какой семье он родился, – важно, как он с детства относился к социальной системе.

В-третьих, теперь он принял решение относиться к социуму рационально, как к объекту собственного мыслительного или деятельностного отношения, а не как к среде своего обитания. Это третья важнейшая характеристика интеллектуала – объективация социальной системы, в которой он рос и воспитывался, к которой адаптировался как личность.

В-четвертых, социум выступает для интеллектуала не просто объектом или вещью, о которых думают и которые понимают, а вещью-для-меня, объектом собственного личностного отношения. Каждый интеллектуал творит свой объект сам, и этот объект дан только ему одному. Всем другим интеллектуалам социум дан иначе, они имеют дело с другим объектом. Хотя социум как вещь-в-себе может являться для них общим. Это четвертая важнейшая характеристика интеллектуала: каждый интеллектуал – индивидуальность, и каждый живет в собственном интеллигибельном мире, наедине с созданными им самим объектами. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

В-пятых, интеллектуалом можно стать, но не состояться. Состоявшимся интеллектуал становится только тогда, когда ему удается свой мир, свой объективированный социум сделать общим достоянием, из вещи-для-меня сделать вещь-для-многих. Эту характеристику нельзя считать важнейшей, она уже не в полной мере зависит от самого интеллектуала. Грубо говоря, вещь-для-многих – это уже чуточку идеология. В лучшем случае – подход, метод, парадигма. Соответственно, это уже и дело многих, а не одного интеллектуала. И за то, чтобы состояться таким образом, интеллектуалы самым жестким образом конкурируют между собой.

До сих пор интеллектуал следовал своей личной стратегии, делая один выбор за другим, мучительно выбираясь из ловушек, в которые мир пытается его поймать. И несмотря на то, что это личные стратегии, биографии интеллектуалов до этого момента очень похожи. Различия обычно касаются именно социальных условий, в которых приходится существовать интеллектуалу, и тех конкретных обстоятельств, которые выталкивают будущих интеллектуалов в отстраненную по отношению к обществу позицию. Кому-то для этого достаточно родиться евреем, как Мартину Буберу. Кому-то нужно в 11 лет сломать ногу и выпасть из обычного для английской элитарной школы оболванивающего ритма жизни, как Роберту Коллингвуду. Тяжелее выстроить личную стратегию вундеркиндам, о чем красноречиво рассказывает в своей автобиографии Джон Стюарт Миль. Гораздо легче и спокойнее интровертированным середнячкам, не хватающим звезд с неба, как рассказывают про Альберта Эйнштейна. В свое время Абрахам Маслоу был удивлен схожестью биографий тех, кого потом стал называть самоактуализирующимися личностями, при всем при том, что все эти самоактуализирующиеся личности являются яркими индивидуальностями, сильно отличающимися не только от обычных людей, но и друг от друга. Конечно, не все самоактуализирующиеся личности по Маслоу являются интеллектуалами, но все интеллектуалы – самоактуализирующиеся личности.

Есть различия в личных стратегиях и в том, на каком этапе карьеры интеллектуал останавливается в своей социализации и выходит в рефлексивную по отношению к обществу позицию. Кто-то делает это очень рано, едва получив диплом. А кто-то – только тогда, когда готовится произнести Нобелевскую речь, как Андрей Сахаров, или будучи признанным как величайший физик столетия, как Альберт Эйнштейн. Чем раньше человек определяется как интеллектуал, тем труднее ему состояться как интеллектуалу, тем труднее ему приходится в конкуренции. Чем позже человек выходит из социальной структуры, тем лучше у него стартовые возможности, тем проще ему получить признание. Но зато есть риск стать проповедником банальностей и резонером.

Минимальны не только различия в личных стратегиях будущих интеллектуалов, но и в тех средствах, уловках и западнях, которыми «мир пытается его поймать». Не случайно любитель алгоритмов

Генрих Альтшуллер[5] смог свести все эти ловушки в некую последовательность ходов по типу шахматной партии, расписав и то, как эти ловушки обходятся. Его книги «Как стать еретиком» и «Как стать гением», при всей их упрощенности, достаточно адекватно описывают взаимодействие будущих гениев и защищающегося от них мира. Не все интеллектуалы гении, более того, среди них много просто дураков, но алгоритмы Альтшуллера вполне к ним подходят.

Впрочем, тех, кто хочет не алгоритмов, но поэзии, не упрощения, а наоборот, можно отослать к книгам Карлоса Кастанеды. Не каждый интеллектуал охотник, маг или нагваль, не у каждого из них чистый тональ[6], но все они освобождаются, рано или поздно, от навязанного родителями и обществом «описания мира», создавая свой.

Нет никаких гарантий, что мир, созданный воображением и разумом интеллектуала, имеет хоть какое-то отношение к реальному миру, что он лучше описывает мир-и-бытие-в-себе, чем мифы и предрассудки обыденного сознания. Чаще даже наоборот, мир интеллектуалов более убогий, чем мир в отображении обыденного сознания. Но необходимо интересоваться этими мирами интеллектуалов обязательно. Ведь среди кучи интеллектуального хлама может оказаться мир Маркса, который потом обернется реальным социализмом. Или мир Фрейда с раскрепощенным либидо. Или мир Фуко с легитимизированным безумием. А даже если это будут недоделанные миры Френсиса Фукуямы или Ноэма Чомского, все равно этим нужно интересоваться – хотя бы для того, чтобы лучше понять то, что другие интеллектуалы этим мирам противопоставить могут.

Мир сам не всегда может справиться с интеллектуалами. Вот Марксу не дали кафедру, не позволили стать профессором, он и стал интеллектуалом. А ведь все могло быть иначе: преподавал бы себе Маркс компиляцию идеализма Гегеля с материализмом Фейербаха студентам, двойки бы им ставил – и не было бы необходимости Ин-

5 Генрих Альтшуллер — изобретатель, писатель-фантаст, автор теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) и теории развития творческой личности (ТРЛТ). *(Прим.ред.)*

6 Нагваль и тональ – в данном случае части «истинной пары» в философии Карлоса Кастанеды: трансцендентная реальность и учитель, приводящий к ней (нагваль), и доступная восприятию реальность и одновременно организующее начало восприятия, строящее для субъекта восприятия его личную реальность (тональ). *(Прим. ред.)*

тернационал создавать и выпускать призрак коммунизма бродить по Европе. Хорошо хоть для Фуко кафедры не пожалели, а то страшно себе представить, что было бы, если бы и он создал интернационал безумцев нетрадиционной ориентации. Впрочем, возможно, он и был создан?

Однако разбираться с этим нужно уже не на материале личных стратегий, а на материале общественной коммуникации или культурных стратегий интеллектуалов. Но даже в культурных стратегиях и в публичных действиях личные стратегии интеллектуалов сохраняют свое значение. Самое главное, что именно с личными стратегиями связано то, что когда-то Жюльен Бенда[7] назвал предательством интеллектуалов. Я вкладываю в эти слова несколько иной смысл, но это очень важно. Интеллектуал предает свое призвание, предает всю свою прошлую жизнь, меняя то, что имеет (способности и личные возможности), на милость властей, на популярность у толпы или публики.

Предательство интеллектуалов имеет многообразные формы, но мне важны три из них:

– оправдание доминирующей в обществе политической линии, или, грубо говоря, сервильность, обслуживание власти;

– народничество. Это когда интеллектуал выдумывает себе некий образ народа и начинает подстраиваться под него. Народничество характерно не только для России XIX века. Этим грешат многие представители национальной и националистической интеллигенции. Это характерно и для левых интеллектуалов Европы и Америки;

– эгоцентризм. Это когда интеллектуал начинает придавать результатам своего воображения и мысли гиперболизированное значение. Относится к себе и своим достижениям без рефлексии, критики и иронии.

Предательство интеллектуалов тоже связано с мучительным выбором. И мне искренне жаль тех, кто ошибается в этом выборе.

P.S. Уже собираясь выставить это эссе, встретил в одном из блогов цитату из статьи Умберто Эко: «…как говорил Витторини, интеллигент не должен дудеть музыку революции. Не из-за того,

---

7 Жюльен Бенда – французский писатель, философ, публицист, автор книги «Предательство интеллектуалов» (1927). *(Прим. ред.)*

что стремится уйти от выбора (он, кстати, вполне имеет право выбирать, но как индивидуум), а потому что для действия требуется устранять полутона и двусмысленности (такова незаменимая роль командующих фигур во всех процессах), а интеллигентская функция состоит, наоборот, в том, чтобы выпячивать двусмысленности и освещать их. Первейший долг интеллигенции – критиковать собственных попутчиков («мыслить» означает беспрестанно каркать и накаркивать)»[8].

8 Умберто Эко, «Осмысляя войну», впервые опубликовано в газете «Ла ривиста деи либри», №1 (апрель 1991), в дни войны в Персидском заливе. *(Прим. ред.)*

Хорошо быть молодым!

СМД-подход в культурной политике, или Культурная политика в метаподходе

Статья была написана в 2001 году по просьбе Всеволода Леонидовича Авксентьева[1]. В 2007 году опубликована на сайте методологического движения «Методология в России».

Как хорошо быть молодым! Перед тобой открыта масса возможностей, и ты еще не знаешь, как мало зависит от тебя самого выбор из этого множества. Хотя каждый раз, делая выбор, ты думаешь, что делаешь этот выбор по своей воле.

Я стал студентом Ленинградского государственного университета после армии с хорошими рекомендациями и характеристиками. Поскольку никто не знал, что эти рекомендации и характеристики приобретены у штабного писаря за две бутылки водки, то меня сразу включили в номенклатурный резерв. А это открывало возможность карьеры на факультете, в комсомоле и прочее. Меня назначили старостой, ввели в комитет комсомола, зарезервировали должность в стройотряде и еще что-то. Не знаю, что бы со мной было, если бы к концу первого же семестра не случилось уголовное дело, в котором я фигурировал в качестве подозреваемого. Дальнейшего развития дело не получило, но бдительные товарищи поставили вопрос о моем исключении из университета. Вопрос потом закрыли, но мимо сессии я пролетел, из старост и комитета комсомола, а также из номенклатурного резерва был выведен. Тогда это казалось утратой возможностей, и только много позже я понял, что это было обретением свободы. Активность и энергию

1 Всеволод Авксентьев (1948–2007) – архитектор, участник методологического движения. *(Прим. ред.)*

можно было погубить в комсомоле и факультетских дрязгах, а когда мне дали понять, что там мне не место, я мог сосредоточиться на науке. Что я и сделал.

Для занятий наукой нужно было выбрать форму, тему и содержание. В качестве формы я выбрал тусовку СНО – студенческое научное общество, которое давало возможность ездить на разные конференции, встречаться с разными школами и направлениями. За темой тоже не пришлось далеко ходить. Звездой факультета психологии ЛГУ в 70-х годах был Лев Маркович Веккер[2], разрабатывавший теорию психических процессов. В рамках его подхода я выбрал то, что меня больше всего интересовало, – мышление. Тогда я думал, что это и есть содержание того, чем я буду заниматься долгие годы. Но думал я так только около года. На втором курсе в очередной студенческой научной тусовке я познакомился с Петром Щедровицким[3]. Он нес на конференции такую несусветную ахинею, что я просто не мог удержаться от дискуссии с ним. Я ведь занимался «мышлением», чем-то достойным и интересным, а он занимался «деятельностью», что, по убеждению всех уважающих себя адептов ленинградской психологии, было «московской дурью». Мы все читали А.Н. Леонтьева[4] и думали, что понимаем московский деятельностный подход. Будь я респектабельным студентом, наверное, на этом уровне остался бы и до сих пор. Хотя кто его знает? А так, ввязавшись в спор, я получил приглашение в Москву. И эта поездка оказалась очень значимой.

Сначала все было как обычно, ну, может быть, чуть интересней. Зимняя студенческая школа МГПИ на какой-то мичуринской базе, кажется, в Павловом Посаде. Приятные собеседники, яростные полемисты, борьба за лидерство и все такое. Не знаю, всегда ли так было на этих школах – не был на них ни до, ни после. Но зимой 1978 года выделялись три группы со своими лидерами. Поскольку я был одним

2 Лев Веккер (1918–2001) – выдающийся советский психолог, преподавал в ЛГУ с 1959 по 1981 г. *(Прим. ред.)*

3 Петр Георгиевич Щедровицкий – активный участник Московского методологического кружка и методологического движения, сын лидера ММК Г.П. Щедровицкого. В 1989 году основал Школу культурной политики и менеджеров культуры при Союзе кинематографистов СССР. *(Прим. ред.)*

4 Алексей Леонтьев (1903–1979) – советский психолог, ученик Л.С. Выготского, занимался проблемами сознания и деятельности. *(Прим. ред.)*

из них, то могу только похвастаться, как мне повезло с оппонентами: яростный и непримиримый Петр Щедровицкий и рассудительный и основательный Юра Громыко[5].

Даже если бы дело ограничилось той встречей, мне уже было бы скучно болтаться только в своей факультетской среде, зная, что в Москве есть Петр, а в Ярославле Юрий. Но они же еще пригласили меня на четверговый семинар «Комиссии по мышлению» в давыдовском институте. А про это ни в каких мемуарах не расскажешь, про такие события в древности слагали саги и эпические поэмы. У меня до сих пор шея болит при воспоминании о том декабрьском четверге. Да, именно шея, потому что не помню, чтобы что-то от того семинара осталось в голове.

Вел семинар Толя Тюков[6], доклад делал Георгий Петрович[7], а позади меня расположился Ислам Ильясов[8], который в тот раз выступал основным оппонентом докладчика. Это был шок, в первые же минуты семинара рассыпались в прах мои предубеждения против деятельностного подхода, «поплыли» все мои знания о мышлении. Через полчаса я потерял надежду уследить за полетом мысли. Было только ощущение физического присутствия мысли в аудитории. Не успевая следить за ней умом, я хотел только не упустить ее из виду. Голова вращалась на шее от Щедровицкого к Тюкову, к Ильясову и обратно. Травмированный таким образом, я вернулся в Ленинград.

Но увы, я не стал тогда методологом и потерял 10 лет. Я общался с адептами Московского методологического кружка[9], иногда пересе-

---

5 Юрий Громыко – российский психолог, педагог. Участник ММК и методологического движения с 1979 года. *(Прим. ред.)*

6 Анатолий Тюков – российский психолог, педагог. Активный участник ММК с 60-х гг. *(Прим. ред.)*

7 Георгий Петрович Щедровицкий – философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель и идейный вдохновитель школы методологов, основатель Московского методологического кружка и СМД-методологии. В Московском методологическом кружке и среди учеников было принято употребление аббревиатуры «ГП». *(Прим. ред.)*

8 Ислам Ильясов – специалист по педагогической психологии. Участник методологических семинаров. *(Прим. ред.)*

9 Московский методологический кружок (ММК), образован в середине 50-х годов XX века Георгием Петровичем Щедровицким. История ММК развивалась от исследований мышления как деятельности к системо-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) и практике организационно-деятельностных игр (ОДИ). *(Прим. ред.)*

кался с Петром и Юрием, которые стали полноценными участниками движения, я читал все, что было в печати по методологии, зная, что это только маленькая надводная часть айсберга, поскольку Петр показывал мне архив на Петрозаводской улице[10]. Но я прозевал первую организационно-деятельностную игру (ОДИ)[11], которая прошла через год после первого моего контакта с методологией, а без участия в играх в 80-е годы встроиться в движение было невозможно. Моей первой игрой стала 60-я ОДИ[12] Георгия Петровича в Калининграде в 1988 году. Там я уже был подготовленным неофитом, мог работать на равных с методологами. И был страшно горд собой, когда получил от Георгия Петровича приглашение на следующую игру уже в команду. Однако ГП непредсказуем. Через несколько месяцев на игре в Закарпатье, вместо того чтобы дать мне группу, он предложил помочь Петру. Зачем Петру была нужна помощь, я не знал. Думаю, что этого не знал и Петр, да и не нуждался, скорее всего, в этой помощи. Но с этого времени я стал участвовать не только в играх ГП, но и в мероприятиях Петра.

Так и случилось, что, то работая в команде отца, то участвуя в делах сына, я стал свидетелем рождения Школы культурной политики. Именно свидетелем. Поскольку в концептуальных обсуждениях принимал активное участие, но от организационных дел был в стороне. Хотя в 1990 году учредил Рижскую школу культурной политики. Тогда в Риге были представлены все течения методологии и игротехники, хотя они выступали скорее медиаторами и посредниками игропрактики, чем сами практиковали ОДИ. При этом я сам организовал и провел 9 игр, пока жил в Латвии, но только две из них представляли собой что-то серьезное, потом это имело продолжение в моих книгах и определило дальнейшее движение, в том числе и переезд из Латвии сначала в Москву, а потом в Минск. Так или иначе, мое дальнейшее

---

10 На Петрозаводской улице была расположена однокомнатная квартира Г.П. Щедровицкого, где проходили так называемые «домашние» семинары и хранился архив ММК. *(Прим. ред.)*

11 Организационно-деятельностные игры (ОДИ) – разработанная в московском методологическом кружке форма организации коллективного мышления и деятельности. Первая организационно-деятельностная игра состоялась в 1979 г. в Уральском филиале ВНИИТЭ (Всесоюзный научно-исследовательской институт технической эстетики). *(Прим. ред.)*

12 Организационно-деятельностная игра «Эксперименты и экспериментирование в подготовке и повышении квалификациии кадров», рук. Г.П. Щедровицкий. *(Прим. ред.)*

движение вызвано концептуальным оформлением идей культурной политики и гуманитарных технологий, а сами идеи составляли содержательное ядро работы в Школе культурной политики.

Уже на первом съезде методологов в Киеве[13] различным группам и командам ММК пришлось самоопределяться в новых исторических условиях. Рамки этого самоопределения выставлялись каждым, кто считал себя методологом, по-разному. К тому же эти рамки поразному задавали действительность самоопределения, причем далеко не всегда это была действительность мышления. Не менее важны были и история, и социальность, и политика. Наверное, в каждой из действительностей следовало бы разбираться специально. Без этого не понять горячих споров о социализации, институциализации, проблематизации подхода и целей дальнейшего развития. Я пока остановлюсь только на объектной стороне самоопределения.

В СМД-подходе мышление представлено как комплексная полиобъектная организованность самого мышления, т.е. мышление рефлексивно полагает самое себя как объект (или объекты) сложной системы деятельности. Без каких бы то ни было онтологических оснований в указанной системе деятельности выделяется процесс исследования как особая деятельность в силу исходной начальной установки, которая вызвала к жизни СМД-методологию и дает энергию для развития подхода уже пятый десяток лет. Таким образом, рефлексивное полагание мышления дополняется интенциональным полаганием его как объекта исследования. История исследования мышления в ММК представляет собой несколько взаимодополнительных друг для друга программ, в которых переформулируется подход по мере развития объектных представлений о мышлении, с одной стороны, и развития исследовательских средств и самого метода, с другой стороны.

ММК с конца 50-х годов переходит от программы построения содержательно-генетической логики к разворачиванию работ по программе исследования мышления как деятельности. Выполнение работ по программе требует от субъекта деятельности самоограничения, локализации сферы исследования в пространстве и времени, типологизации или предметизации множественности форм существования исследуемого объекта. Методологи ММК последовательно или параллельно

13 Первый методологический съезд состоялся в январе 1989 года. *(Прим. ред.)*

занимались несколькими типами мышления (научным, детским, инженерным, проектным, конструкторским и т.д.) в разных областях деятельности (наука, педагогика, дизайн, архитектура, инженерные изыскания, социально-экономическое планирование и т.д.). В работе с этими типами мышления базовым в подходе был принцип ортогональности отношения между объектно-онтологическим представлением мыследеятельности и организационно-деятельностным планом той же мыследеятельности. В разворачивании исследовательской программы ММК можно выделить условные этапы работ с материалом мышления:

1. исследование ставших форм рафинированного мышления (мышление философской, научной или инженерной школы или направления, активное развитие которой уже закончилось, например Галилей, Маркс, Выготский, Кюльпе и т.д.);

2. исследование становящихся форм профессионального мышления, в становлении которых методологи принимают непосредственное участие (системное движение в методологии и науке 50–60-х годов, дизайн-программирование, разработка автоматизированных систем управления, теория архитектуры и градостроительства, теория развивающего обучения, рефлексивные игры и т.д.);

3. исследование и проектирование междисциплинарных разработческих коллективов с необходимостью комплексирования профессиональных форм мышления и кооперации деятельностных позиций (работы первого периода организационно-деятельностных игр с 1979 по 1985–1987 годы);

4. исследование рефлексивного включения собственно методологического мышления в популятивную рациональную ситуацию демократизирующегося общественного сознания (квази-ОДИ «на перестройку», консалтинговая и экспертная работа методологов в постперестроечные годы);

5. методологическое мышление как участник дискурса в постмодерне. Формирование новой программы, проблематика и содержание которой маркируется терминами: «культурная политика», «гуманитарные технологии» или «интеллектуальная экология» и т.д.

Конечно, методологам не привыкать принимать вызовы времени и самоорганизовываться для ответа на них, но пятый этап в исследовании мышления создает некоторые дополнительные сложности.

Дело в том, что целевое или прагматическое самоопределение методолога до 90-х годов обеспечивалось, с одной стороны, рефлексивными средствами. Объект, бравшийся в подходе как деятельностный объект, предполагал выход в рефлексивную позицию и прописывание множества таких позиций в деятельности, которые определяются онтологией самой деятельности и ее интенционального объекта. В результате такого прописывания появлялась позиционная схема, и методолог мог «обходить» позиции одну за другой, не привязываясь ни к одной из них навсегда.

С другой стороны, самоопределение обеспечивалось апелляцией к культуре. Относительно культуры СМД-методологи существенно отличались от всех остальных интеллектуалов, политиков, философов и прочих деятельностных субъектов. У нас была схема воспроизводства деятельности и трансляции культуры, которая обеспечивала нам постоянное рефлексивное пребывание как бы вне культуры. Культура была для нас материалом деятельности, и по необходимости мы вписывали в рабочие схемы деятельности позицию СМД-методолога. Все же остальные деятельностные позиции и субъекты были как бы в самой культуре. Мы отделяли себя самих самоопределяющихся, позицию СМД-методолога, относительно которой мы находились в перманентном самоопределении, и культуру, в которой мы размещали и позицию СМД-методолога, и себя в этой позиции.

Можно сказать, что культура нас «пыталась поймать», но ей это постоянно не удавалось. В 90-е годы мы все же были пойманы. Усилиями предшествующих генераций методологов нам было обеспечено место в культуре, и собственными усилиями мы обеспечили себе социализацию и институционализацию. Причем мы сами рассматривали себя организаторами мыследеятельности (у нас на этот случай была подготовлена соответствующая схема), и нам позволили ее организовывать, поскольку такое место оказалось вакантным, после того как тотальная претензия КПСС была дискредитирована.

Боже, чего мы только не городили, как только осознали, что с нами произошло!

Кто-то стал обсуждать, «почему методологи проиграли перестройку». Кто-то взялся консультировать правительства или оппозиционных политиков, которым светило возглавить правительство.

Причем делали это уже в разных странах, а не только в России, правопреемнице СССР. Кто-то стал осваивать глобальные процессы – от феминизма до устойчивого развития, от программы Сороса до Международного валютного фонда и Всероссийского банка развития регионов. Еще чуть-чуть, и мы предложили бы проводить ОДИ в Давосе. Может быть, это никому бы и не повредило, но и пользы никому от этого бы не было.

Проблема ведь была вовсе не в том, чтобы уметь и мочь организовать мыследеятельность, а в том, чтобы знать: зачем и для чего? А мы умели реконструировать цели практически любой деятельностной позиции в культуре, но очень плохо представляли себе свои. Из трех слоев схемы мыследеятельности мы были лучше всех в чистом мышлении, мы были успешными в слое мыследействования. А вот в мыслекоммуникации мы были слабоваты. Мы могли, как и прежде, поражать партнеров по коммуникации глубиной мысли, но мы не могли быть понятыми, потому что и сами себя понимали с трудом.

На общем фоне выделялись лидеры игрового периода. Петр Щедровицкий и Сергей Попов[14] всегда производили впечатление людей, которые знают, зачем и почему они что-то делают. Остальные этого не понимали, но знали, что Щедровицкий и Попов знают и понимают. Ну и еще несколько персонажей производили впечатление «знающих».

Вот и я сам не знаю. Я только ищу ответы на прагматические вопросы. Я лучше знаю, чего не надо делать, хотя и можно бы, и почему этого не надо делать. Но что надо? Увы…

Характерный случай произошел однажды в Минске. Мне сказали, что приехали Юрий Вячеславович Громыко и Никита Глебович Алексеев[15] и что-то здесь делают. Потом Юра позвонил и предложил встретиться. Я спросил, что они делали в Минске. Ответ был забавным: восстанавливали Империю. А зачем? Да как же? Империя – это

14 Сергей Попов – активный участник ММК с 1980-го года, начиная с 1985 г. проводил собственные организационно-деятельностные игры (на первых порах – совместно с Петром Щедровицким). *(Прим. ред.)*

15 Никита Алексеев (1932–2003) – активный участник семинаров ММК в 1950–1970-х годах, участник и организатор организационно-деятельностных игр в 1980–1990-х годах, разрабатывал рефлексивный подход к социально-гуманитарной проблематике и проектированию социотехнических систем. *(Прим. ред.)*

так здорово! Когда я сказал, что считаю наоборот, Юра был озадачен: как так можно? Мы обменялись суждениями о содержании и онтологии предмета. Выяснили, что берем его в одной действительности и в сходных схемах. Потом решили, что нужно разобраться с позициями, ну типа современных гвельфов и гибеллинов[16], противников и сторонников империи. Дальнейшего развития коммуникация не получила. Оставаясь методологами, мы оказались по разные стороны баррикады. Юрий Громыко – современный гибеллин, а я, соответственно, гвельф. Но важно вовсе не это. Ведь Юра вряд ли сможет империю восстановить, а я не смогу разрушить ее остатки. Важно, что мы не можем продолжить коммуникацию. Мы не знаем, как отвечать друг другу на вопросы «Зачем?» и «Для чего?».

Методологи, тем более игропрактики, никогда не были циниками. Но пока мы находились в рефлексивной позиции к культуре, пока занимали метапозицию относительно любой мыслимой деятельностной позиции, прагматические проблемы не довлели над нами. По крайней мере, мы были свободны от них, работая с объектами и с мышлением. То есть не столько свободны, сколько мы умели на них отвечать. Ответы на прагматические вопросы определялись ситуативным самоопределением и пониманием контекста. А мы умели сами организовывать ситуации и программировать контексты. Теперь, когда мы обрели свое место в культуре, ситуации и контексты нам вменены вместе с теми, с кем нам приходится вступать в коммуникацию.

До эпохи культурной политики мы рационализировали из метапозиции любую, самую иррациональную ситуацию. Теперь, даже если мы хотим этого, нам приходится делать это изнутри. Раньше мы привносили рациональность в деятельность, сейчас приходится нести ее на себе самих. Раньше мы владели рациональностью, у нас был свой подход, и ему не было равных. Мы и сейчас владеем подходом, но не как метаподходом, не как «подходом над подходами», а просто одним из многих.

---

16 *Гвельфы и гиббелины* – политические группировки в Италии XII–XV вв., борьба которых используется В. Мацкевичем как аналогия для анализа современной борьбы имперской и антиимперской политических установок. См. текст В. Мацкевича «Москва должна быть разрушена», «Кентавр»: http://www.circleplus.ru/content/reflexum/6. *(Прим. ред.)*

Нет, конечно, мы владеем лучшим в мире подходом, я так всем и рассказываю, и даже сам искренне в этом убежден. Но в культурной ситуации (пусть она называется постмодерном или как-то иначе) мы соприсутствуем с носителями иных типов рациональности и владельцами иных подходов. Пусть не все, но некоторые их этих подходов претендуют на то, чтобы быть объемлющими для других, т.е. сосуществуют взаимообъемлющие подходы, и нет ни одного из них, который был бы наделен монополией на объемлемость.

СМД-методология[17] могла проектировать метапозицию, когда мы имели дело с предметным мышлением. Техники распредмечивания и схемы предмета в деятельности и мышлении позволяли организовывать рефлексию. И рефлексия выступала условием и пространством организации мыслекоммуникации. Можно предположить, что эта модель допускает дальнейшее развитие. Только нужно на место предмета и предметного мышления поставить подход и подходное мышление. Далее останется только разработать техники расподхоживания и организовать рефлексию подходности. После этого мы сможем проектировать метаподходную позицию и самоопределяться в ней.

Но разработку таких техник нужно вести относительно СМД-подхода как одного из самых простроенных и самых рефлексивных в современной интеллектуальной ситуации. Именно это и есть задача культурной политики, гуманитарных технологий и интеллектуальной экологии.

Относительно предметного мышления, даже относительно рефлексии предметного мышления мы имеем разработанный подход – СМД-методологию. Но, оказываясь в деятельностной ситуации, мы становимся участниками политики, занимаем некоторое место в инфраструктуре технологий, самоопределяемся в интеллектуальном поле, то есть становимся одним из звеньев «экологической цепи» взаимопаразитирования одних деятельностей над другими. Тем самым мы теряем привычную метапозицию, обретая деятельностную и становясь культурными.

Это нормально, это по-человечески, но мы хотели иного.

---

17 СМД – системо-мыследеятельностная методология, подход, разрабатывавшийся в рамках Московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В. Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. *(Прим. ред.)*

Мы и продолжаем хотеть иного, мы хотим сохраняться как группа интеллектуального прорыва. Поэтому занимаемся культурной политикой, гуманитарными технологиями и интеллектуальной экологией.

Это непросто. Вот в работе над составлением «Новейшего философского словаря»[18], а затем и второго издания «Всемирная энциклопедия: Философия»[19] (см. в ней статьи Мацкевича В.В., Бабайцева А.Ю. и Крупник С.А.) я стремился именно к тому, чтобы этот словарь был манифестацией разноподходной, метаподходной коммуникации – с одной стороны, а с другой – обеспечивал бы принципиальную возможность метаподходной позиции.

В первом издании появляется статья «Подход»[20], в которой вводится необходимость расподхоживания. И это проходит. Более того, удается в нескольких статьях задать объемлемость некоторых современных подходов, но не более того. Во втором издании эта попытка была усилена в статьях «Деятельность»[21], «Техника»[22] и др. И это уже проходило с большим трудом в межподходной коммуникации. Так, «Деятельность» писалась не как статья в СМД-подходе, а как метаподходная. Но редакторский коллектив этому воспротивился. Статья не прошла в таком качестве. Удалось отстоять текст с минимальными изменениями, но называться он стал «Деятельность в СМД-методологии», что не соответствует замыслу и содержанию.

Так что межподходная коммуникация по-прежнему составляет одну из важнейших проблем в современной интеллектуальной ситуации, а для тех, кто занимается культурной политикой, эта проблема выражается двойным долженствованием: Должна быть – и она долж-

18 Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун, 1998.

19 «Всемирная энциклопедия: Философия» / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. На самом деле «Всемирная энциклопедия» – это отдельное издание, но его содержание очень сильно пересекается с содержанием «Новейшего философского словаря». *(Прим. ред.)*

20 В.В. Мацкевич. Подход // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. – Мн.: Изд. В.М. Скакун. 1998. Стр. 526–527.

21 В.В. Мацкевич. Деятельность в СМД-методологии // «Всемирная энциклопедия: Философия» / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. Стр. 291–296.

22 В.В. Мацкевич. Техника // «Всемирная энциклопедия: Философия» / Глав. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. – М.: АСТ, Минск: Харвест, Современный литератор, 2001. Стр. 1073–1075.

на быть спроектирована – метаподходная позиция. Должны быть разработаны и освоены техники расподхоживания.

Нет оснований опасаться, что процедуры и техники расподхоживания приведут к потерям в подходе, как и техники распредмечивания не наносят ущерба предмету. Иное дело – ученичество в современной Школе культурной политики. Новая генерация сразу должна включаться в современную проблематику и работать с новыми объектами. А поскольку средства этой работы сами находятся в разработке, то и творить и создавать их придется методологам предшествующих генераций на равных с неофитами.

Обучить мышлению каждого

Установочный доклад на методологическом семинаре к сезону 2007/08, 11 октября 2007 года.

Что такое методологический семинар? Это место в городе или в стране, где люди встречаются с мышлением. Могут встретиться с мышлением. А могут и не встретиться. Вне методологического семинара вообще нет шансов встретиться с мышлением.

Это простейшее заявление содержит в себе массу раздражителей. Неужели в других местах действительно люди не встречаются с мышлением? И что такое – встречаться с мышлением? Значит ли это, что если вне методологического семинара не встречаются с мышлением, значит, не мыслят? Не много ли приписывается какой-то методологии? А как же научные семинары или философские? Да и вообще! Сталкиваясь с такого рода заявлениями, люди обижаются и раздражаются, при этом понимают, что тот, кто такое заявляет, не может так думать. Ведь это же немыслимо! Немыслимо все в этом заявлении. Немыслимо, что с мышлением можно или нужно встречаться, как с каким-нибудь динозавром на улице. Немыслимо, что в других местах люди не мыслят. Немыслимо, чтобы методологию ставили выше науки и философии, когда всем известно, что она есть просто часть в любой науке, а так же в банковском и любом другом деле. Поскольку все это немыслимо, то говорящий такое либо очень плохой

человек, намеренно обижающий других, то есть наглец и хам, либо глупый человек, не отвечающий за свои слова. Всего этого можно было бы и не вспоминать, если бы снова не вставали вопросы о нашем методологическом семинаре. Эти вопросы стоит озвучить, при всей своей простоте и даже наивности они требуют ответов.

1. Есть сомнение, что четверговый семинар[1] имеет отношение к мышлению. Отсюда первый и самый принципиальный вопрос: как обнаружить в семинаре мышление? Или (что, в определенном подходе, одно и то же) как организовать в семинаре встречу с мышлением? Здесь я лишний раз хочу подчеркнуть, что без сомнения нет мнения. Если не сомневаться в том, присутствует ли в нашем семинаре мышление, то и озаботиться тем, чтобы оно таки в семинаре было, практически невозможно. Итак: как нам обнаружить или организовать в семинаре мышление?

2. Что мы вообще называем мышлением? Ведь явно не то, что называют мышлением другие люди – Фурс, Бобков, Рудковский или Акудович[2]! И зачем Минску, Беларуси, третьему сектору или кому бы то ни было такое субкультурное мышление? Да и вообще – зачем мышление в Беларуси? Соответственно, из этого возникает вопрос о том, зачем в Минске методологический семинар? Каково место нашего семинара в Минске?

3. Как соотносится четверговый семинар с практикой Агентства гуманитарных технологий и Центра социальных инноваций (АГТ-ЦСИ[3])? Нужно ли мышление этой практике, нужна ли эта практика мышлению?

Не думаю, что простые ответы на эти вопросы смогут что-то изменить в нашем семинаре и в нашем отношении к нашему же семинару. Однако я должен их давать, как бы участники и критики к ним ни относились.

---

1 С 2006 года методологические семинары Агентства гуманитарных технологий проводятся по четвергам. (*Прим. ред.*)

2 Владимир Фурс, Игорь Бобков, Петр Рудковский, Валентин Акудович – беларусские философы. *(Прим. ред.)*

3 АГТ-ЦСИ – в 2007 году Агентство гуманитарных технологий как неформальное методологическое сообщество образовало консорциум с общественным объединением «Центр социальных инноваций». Этот консорциум принял программу культурной политики (В.Мацкевич) в качестве основания для своей практики. (*Прим. ред.*)

Итак, как обнаружить мышление? Очень просто. Нужно стравить Порфирия с Декартом и посмотреть: кто победит? Порфирий, популяризируя Аристотеля через полтысячи лет, полагал бытие самым главным предикатом среди всех возможных. Т.е. про все можно сказать, что оно есть или нет, а про само бытие ничего практически сказать нельзя. А как тогда можно обнаружить само бытие? Видимо, для Порфирия и тех, кто был до него и после него, бытие было таким безусловным, что проблематизировать его им и в голову не приходило. Иное дело Декарт. Он все поставил с головы на ноги, он сделал мышление условием бытия: «Мыслю, следовательно, существую». Бытие Декарта (как и любого мыслящего субъекта, впрочем) обусловлено его мышлением. Нет мышления – нет бытия. Понятно ведь. Что из этого следует? Мышление, безусловно!!! Нравится это кому-то или нет. Кто может сказать, есть ли мышление в нашем семинаре? Ясно кто – тот, кто мыслил на семинаре! Предвижу все насмешки по поводу такой аргументации, и даже готов их выслушать, но это самый серьезный аргумент из тех, что я могу предложить. Мышление безусловно, оно начинается с сомнения (критики, диалектики как надстроечных конструкций над сомнением), проходит круг доказательств и опровержений и заканчивается снова сомнением. Может быть, модальности этого сомнения разные. Вначале может быть вопрос-сомнение: «А так ли это?» В конце может быть утверждение-сомнение: «А не так ли это?»

Сомнение не есть отрицание типа «мышления в семинаре нет!», сомнение есть вопрос: «а было ли в семинаре мышление?» или задумчивое утверждение: «наверное, это и есть мышление». Если такие вещи в семинаре и относительно семинара практикуются, то есть вероятность, что мышление там возможно. Вероятность эта невелика, 50 на 50, примерно как с динозавром по женской логике. А кто может предложить больше? Больше предлагают только нерефлексивные пижоны. Не верьте, все равно обманут!

Меня не очень занимают утверждающие или отрицающие мышление в нашем четверговом семинаре. Но мне необходимо о них помнить. Сомнение в наличии, присутствии, практиковании мышления в нашем семинаре есть обязательное условие присутствия мышления в семинаре. Утратим сомнение – утратим навсегда шансы встретиться в семинаре с мышлением.

Вот это есть первая рамка для того, что я хотел бы предложить в качестве исходных идей для методологического семинара в новом сезоне.

Второй рамкой я бы выставил конкуренцию. В Институте социологии открылся семинар, проблематизирующий современное социальное знание[4]. Хороший семинар. И чем лучше будет тот семинар, тем лучше для нашего семинара. Вне конкуренции нет мотивации. Вслед за ГП[5], который говорил, что в его время Москва не выдержала бы напряжения двух семинаров, я скажу, что Минск этого тоже не выдержит. Мышление по своей энергетике посильнее «черной дыры» будет. Оно с неизбежностью втягивает в себя все, что находится вокруг на расстоянии нескольких парсеков. Ну, если не парсеков, то полудня пути. Если склонный к мышлению человек находится от нашего нового «замка»[6] в полудне пути, он придет на семинар. На наш или на семинар в Институте социологии? Вот в чем вопрос!

А как же быть с тем, что Минск не выдержит двух семинаров с мышлением? Так и быть. Конкуренция нужна нашему семинару, чтобы мы спрашивали себя с глубочайшим сомнением: «А тут ли мышление, или оно все же там?» Поэтому, если бы семинара в Институте социологии не существовало, его следовало бы придумать. Дальше я не буду распространяться на эту тему. Важно помнить, что конкуренция – это не местечковая категория типа «я в долг не даю, а банк семечками не торгует». Есть еще Москва, там тоже живут те, кто помнит ММК[7], они тоже семинары организуют. Можем ли мы с ними

4 В 2007 году в Институте социологии НАН Беларуси открылся теоретико-методологический семинар «Вызовы социальному знанию» с участием некоторых участников методологического семинара. Было проведено 8 заседаний. *(Прим. ред.)*

5 Георгий Петрович Щедровицкий – философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель и идейный вдохновитель школы «методологов», основатель Московского методологического кружка и СМД-методологии. В Московском методологическом кружке и среди учеников было принято употребление аббревиатуры «ГП». *(Прим. ред.)*

6 Незадолго до начала семинарского сезона Агентство гуманитарных технологий и Центр социальных инноваций приобрели частный дом, который затем стали называть «Падворак АГТ-ЦСИ». *(Прим. ред.)*

7 Московский методологический кружок (ММК), образован в середине 50-х годов XX века Георгием Петровичем Щедровицким. История ММК развивалась от исследований мышления как деятельности к системо-мыследеятельностной методологии (СМД-методологии) и практике организационно-деятельностных игр (ОДИ). *(Прим. ред.)*

конкурировать? А откуда мы это знать можем, если к конкуренции сами себя не приучим?

Итак, две рамки: сомнение в присутствии/наличии мышления и конкуренция за мышление «здесь и сейчас», чтобы не «там и потом».

Третья рамка, необходимая мне для организации семинара в новом сезоне и в новом доме, возникает из привязки к культурно-историческому контексту современного Минска и Беларуси. Привязка к культурно-историческому контексту через рамку современности, конечно, правильна, но бессодержательна. А вдаваться в трактовки современности мне сейчас совсем не хочется. Однако как-то содержательно определиться с нашей культурно-исторической ситуацией необходимо, я предлагаю сделать это в рамке «застой-развитие». Об этом мы рассуждаем в наших аналитиках, в программировании собственной деятельности учитываем, вот и здесь нужно это учитывать. Еще один аспект важен в этой рамке: это пульсация реализационных и транслятивно-накопительных компонентов деятельности в тактах «застой-развитие». Кому застой, а кому и развитие. Когда в политике застой или в социально-экономической сфере, то для культуры может начинаться период бурного развития. Правда, для Беларуси в последнее десятилетие эта закономерность не совсем справедлива, или, точнее, она не реализуется так строго, как нам того хотелось бы. Длительный период застоя не принес видимых культурных достижений. Не исключаю, что это определяется не реальным наличием или отсутствием достижений, а способностью видеть и различать: способны ли мы сегодня в Беларуси оценивать вещи культуры или культурные достижения, отличая их от халтуры и китча? Я не готов утверждать что-либо по этому поводу со всей определенностью, но я знаю, что для этой функции необходимо наличие людей со вкусом. Творцы культуры, гении и таланты творят культурные достижения, но без людей с чутьем и вкусом эти достижения пропадают, не оставляя следа. Но относительно семинара эта рамка застоя и развития нужна не для оценки и описания того, что было и есть, а для организации нашего мышления и деятельности в предстоящем сезоне. В зависимости от того, на что мы настраиваемся, на застой или на развитие, на застой в какой сфере и на развитие в какой, мы и делаем то или иное, выбираем те или иные ориентиры. Чаще, конечно, не делаем. И часто не-

делание заслуживает понимания и одобрения. Но не в нашем случае. Чтобы говорить про это, мне нужна четвертая рамка.

Четвертая рамка может быть обозначена как «нерешенные задачи». Сомневаясь в присутствии или отсутствии мышления в семинаре, я сомневаюсь не только в мышлении как в процессе, но и в мыслях как в результате. Что мы мыслили в прошлых сезонах, или, о чем размышляли? И что намыслили? До чего доразмышлялись? Копаясь в архивах и вспоминая минувшие семинары, я обнаруживаю массу незавершенного, недоделанного, нерешенного. В том, что что-то не доделано или не решено, еще полбеды. Беда в том, что недоделанное не доделывается, нерешенное не дорешивается. И это все довлеет над теми, кто призван был это делать (глагол несовершенного вида в инфинитиве) и решать. И вне этого довлеющего нельзя организовать и запустить семинар нынешнего сезона.

Наверное, такая конструкция из четырех рамок не исчерпывает всего того, что мы обязаны учитывать, организуя семинар нового сезона, но для того, что я сегодня хочу сказать, мне этого достаточно. А вот то, что я, собственно, хочу сказать, и размещается в ядре пространства, очерченного этими четырьмя рамками. На этом я заканчиваю первый раздел своего выступления.

А прежде чем сказать что-то во втором разделе, я хочу спросить. Кто из присутствующих или участвующих в семинаре готов к новому сезону?

Учитывая все вышесказанное, готовность должна пониматься комплексно. Когда я спрашиваю о готовности в свете выставленных рамок, я спрашиваю:

1) о готовности к встрече с мышлением вопреки и наперекор всем и любым сомнениям;

2) о готовности принять конкуренцию как вызов и готовности выигрывать в конкуренции;

3) о готовности либо бросить вызов застою, либо принять развитие как условие своей личной жизни, собственной деятельности;

4) и наконец, о готовности доделывать не доделанное и решать пока не решенное.

Понятно, что, несмотря на такое структурирование малосодержательного вопроса о готовности, все эти вопросы не становятся менее риторическими. Я не жду бодрого ответа «всегда готовы», я не жду даже меланхоличного рапорта о готовности. Разумеется, чтобы всерьез обдумать сами вопросы и подготовиться к ответу, *трэба з паўгадзінкі пасядзець*, да и это вряд ли поможет. Я, скорее, приму скорбный ответ о неготовности ко всему обозначенному. И не только потому, что я успел хорошо изучить способности, возможности, таланты участников нашего семинара (как раз исходя из этого я скорее склонялся бы к положительному ответу о готовности). Мой скепсис вызван скорее моим отношением к означенным вызовам радикального сомнения, конкуренции, истории культуры и нашей актуальной деятельности с ее нерешенными задачами. Я ко всему этому отношусь серьезно, поэтому понимаю, что несерьезны те вызовы, которые провоцируют нерефлексивный пионерский ответ без страха и упрека. Все, о чем я говорил в первом тезисе, требует задумчивого, рассудительного отношения. Мы все, участники этого семинара, не очень готовы к озвученным вызовам. Но это было бы банально, если бы я остановился на констатации простой неготовности. Если не готовы, то все очень просто – нужно готовиться. Интегрируя все вышесказанное, это означает, что если мы не готовы мыслить в семинаре, нужно готовиться к мышлению. Но тогда резонно спросить:

1) Как, собственно, готовиться и где?

2) А кто, собственно, мыслить-то будет, пока мы будем готовиться? Что будет с семинаром, который я сам в начале этого доклада объявил местом для мышления?

Я здесь вернусь немного назад. Мы помним, что люди не приемлют упреков в немыслии. Но имеющий хотя бы минимальный опыт мышления знает, что мы по большей части немыслящие. Мышление не только трудное дело, но, и это главное, крайне редко встречающееся. Большинство людей не встречается с мышлением практически никогда. По какому же праву человек зовется разумным, или мыслящим, homo sapiens? Долгое время мы удовлетворялись паллиативным ответом на этот вопрос, что человек разумен потенциально, т.е. что он в принципе способен к мышлению, хотя актуально и не причастен к нему. На этом паллиативном ответе базируется принятие нерaвен-

ства людей. Люди не равны между собой, и главная причина неравенства – это мышление. Мы не только знаем об этом, мы смиряемся перед этим и приемлем это. Это кажется настолько естественным и разумным, само собой разумеющимся, что даже не заслуживает размышления. Но так ли это?

СМД-методология[8] со времени своего зарождения и до последних лет своего активного и творческого развития в начале 90-х годов удовлетворялась помещением мышления в рамку деятельности и имела дело с коллективным мышлением или коллективной мыследеятельностью, относительно которой вопрос о причастности мышления к человеку не является первоочередным и первостепенным. В мышлении, как и в деятельности, для СМД-методологии отсутствовало личностное начало с его страстями, пафосом, мучениями и переживаниями. С технической стороны СМД-методология интересовалась организацией и запуском мышления в системах деятельности, поэтому ее мало волновал вопрос о равенстве и неравенстве людей перед мышлением и о распространенности мышления среди людей. Правда, с конца 80-х гг. некоторые из участников Московского методологического кружка обратили внимание на недоработки в этой области, стали появляться тексты и упражнения на тему СМД-антропологии или чего-то в этом роде. Сейчас для меня вновь приобретает актуальность вопрос о личностном начале в мышлении. Я, правда, не очень знаю и понимаю, с какой стороны следовало бы и было бы продуктивно подходить к решению этого вопроса. Я пока ограничусь только некоторыми констатациями.

Личностное начало в мышлении и деятельности можно игнорировать, только имея для этого специальные основания: логические, онтологические, гносеологические и организационно-деятельностные или еще какие-нибудь. У ММК в Советском Союзе такие основания были. С исчезновением тотально-организованного социума – Советского Союза – исчезли организационно-деятельностные и онтологические основания. Более того, с переходом к рынку появились и онтологические, и организационно-деятельнстные основания интере-

8 СМД-методология – системо-мыследеятельностная методология, подход, разрабатывавшийся в рамках московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В. Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. *(Прим. ред.)*

соваться личностными компонентами мышления и деятельности. С другой стороны, накопление логического и познавательного инструментария и материала о мышлении и деятельности за пять десятилетий существования ММК денонсировало гносеологические основания игнорирования личностного начала мышления и деятельности. В отличие от первой генерации ММК мы не можем сказать про себя, что мы ничего не знаем о мышлении и деятельности, поэтому начинаем с априорных полаганий и допущений. Наше сегодняшнее знание о мышлении и деятельности базируется на наработках и опыте участников ММК, а этот опыт красноречиво свидетельствует о важности и значимости личностного начала как в мышлении, так и в деятельности. Примером тому могут быть воспоминания самого ГП.

Я бы не хотел, чтобы относительно личностного начала в мышлении возникали ассоциации с банальностями Мишеля Полани о личностном знании в науке. Речь совсем о другом. Чтобы не нарушать требований жанра, я в первом установочном докладе на новый сезон ограничусь только выставлением каркаса, остова, на котором можно было бы крепить и наращивать содержание и смыслы того, что я сейчас обсуждаю в замысле. Этот каркас включает в себя три стержня, вот их я и перечислю.

Во-первых, это теологическая аналогия из эпохи апологетики и патристики. Дело в том, что первые христианские философы и теологи столкнулись именно с этой проблемой. Вся теология от Платона до Плотина имела дело с безличным богом – с богом, отождествляемым с природой: либо со всей целиком, либо с первоначалом или первопричиной. Даже когда речь заходила о демиурге, то все равно такой бог был безличным, бог – как еще одна стихия. То же самое – в деизме, или теизме, Нового времени. Тогда как апологетика и патристика должны были построить теологию живого Бога, Бога-личности, способного страдать, а значит такого, которому присущи все страсти и аффекты и много чего другого. Повторюсь, это только аналогия. Вряд ли нам нужно строить такое представление о мышлении, в котором мышление будет страдать, любить и ненавидеть, как Бог Авраама, Исаака и Иакова и Бог Нового завета. Но в мышлении должно быть личностное начало. Маркс привносил в мышление субъективно-чувственное начало. Но должного развития эта линия не получила. Это первый стержень для этого направления наших размышлений.

Во-вторых, это аналогия с Поппером, точнее, с попперовским принципом эгалитаризма и его пониманием демократии. Как аксиологический регулятив принцип эгалитаризма мало интересен. Не вдаваясь в подробности, скороговоркой, дело вот как мне представляется: мышление есть главный источник неравенства между людьми. Даже в большей степени, чем собственность и сила. Последовательное проведение в жизнь принципа эгалитаризма всегда в истории приводило к борьбе с мышлением, к отказу от мышления. Я предлагаю перевернуть историческую перспективу – мышление как условие равенства людей. Воплощенная эгалитарность возможна только в мыслящем обществе, где не только любой потенциально способен мыслить, но каждый мыслит актуально. Мне могут сказать, что такая трактовка не имеет никакого отношения к Карлу Попперу. Могут. Я уже это слышу, но пропускаю мимо ушей, поскольку это тоже мне неинтересно. Поппер побудил меня подумать об этом – и хватит с него.

В-третьих, это отсылка к Коменскому. Ян Амос Коменский в Европе, охваченной религиозными войнами, залитой кровью, переполненной нищими на всех дорогах, вознамерился добиться всеобщей грамотности. Коменский руководствовался представлением, что каждый человек должен сам читать Библию, и просто каждый должен уметь читать. Совершенно фантастическое желание! Думаю, что никто всерьез в XVII веке не мог отнестись к этому как к практической цели. Да и для Коменского это вряд ли было целью. Он писал Пансофию, и не дописал. Создавал школу в Моравии, и вынужден был бежать в Польшу с детьми и всем скарбом этой школы, и т.д. И тем не менее эта его идея была реализована. Не сразу, но, по историческим меркам, очень быстро. Уже через два столетия даже на его родине был провозглашен закон о всеобщей грамотности. А к этому времени уже несколько наций без экзальтации это реализовали. Сейчас требование научить каждого мышлению может казаться таким же фантастическим, как научить каждого читать – во времена Коменского. Но я бы напомнил вам, как ГП говорил мне в Риге, что он каждого может научить мышлению[9]. Правда, ударение в этом тезисе ГП делал на второй части фразы, которую я сейчас опускаю, но он говорил, что может каждого научить мышлению. Я сейчас это повторяю, перенося

9 Речь идет о фразе Георгия Петровича Щедровицкого, что он может любого научить мышлению, но для одного хватит 3 года, а на другого уйдет 300 лет. (*Прим. ред.*)

ударение в другое место, акцентируя именно это – научить каждого мыслить. И, пожалуйста, не рассказывайте мне, что и это не имеет отношения ни к ГП, ни к Коменскому.

Итак, второй раздел моего доклада начинался с вопроса о готовности присутствующих к работе над содержанием в вышеназванных рамках, а заканчивается требованием к каждому (и не только из присутствующих) научиться (глагол совершенного вида) мыслить. Тему о личностном начале мышления следует понимать именно в таком развитии, а не онтологизировать это самое личностное начало, не впадать в психологизм или персонализм. Это имеет в первую очередь, или по преимуществу, техническое значение. Под это требование «научить» организуются и исследования мышления как деятельности, и не как деятельности, и самой деятельности. Эта констатация технического характера проработки личностного начала в мышлении позволяет мне сразу же перейти к третьему разделу.

Третий раздел посвящен философии, точнее СМД-философии. Собственно, это будет скорее возврат к прошлому, точнее к позапрошлому сезону нашего семинара. В период подготовки к первой игре в Геттингене[10] мы много занимались темой техники. Я предлагаю восстановить эту тему и продолжить ее. Кратко напомню общую схему. Там речь идет о двух типах рационализации мира. Мир рационализируется мышлением в двух интенциях: интенция на преобразование самого мира, собственно техническая интенция, и философская интенция, направленная на преобразование самого мышления. Рационализация как упорядочивание и преобразование, и рационализация как осмысление и осознание. Вместе это как бы омышленивание мира и бытия. Каждая из этих двух интенций, в свою очередь, раскладывается на две интенции в смысле схоластов: первую интенцию, направленную на тела, и вторую интенцию, направленную на среды.

Если во втором разделе своего доклада я обсуждал содержание технической интенции, то в третьем разделе я обращаю ваше внимание на содержание философской интенции. Думаю, что сейчас эта интенция становится очень актуальной. Приходит время СМД-философии.

---

10 Организационно-деятельностная игра «От общих оснований – к солидарным действиям: программа участия Беларуси в процессе европейской интеграции», 2006 год, Мариашпринг, Германия. (*Прим. ред.*)

Это не отменяет всех наших занятий в области науки, в частности в социологии. Речь идет только о приоритетах в нашем четверговом семинаре.

Собственно, на этом я бы и закончил этот раздел. Он получился кратким, поскольку в этом направлении мы уже работали, и можно вернуться к текстам позапрошлого сезона. Последующие разделы будут не менее краткими.

Четвертый раздел касается очень прикладных аспектов. В частности, наших работ по проектам и всех наших обязательств, которые мы раздаем тем или иным людям и сообществам. Зачем семинар и мышление для всего этого и зачем все эти проекты для нашего семинара? Дело в том, что чистое мышление есть идеал для многих людей, но его не бывает. Как не бывает упырей и вурдалаков. Т.е. в триллерах они есть, и даже в жизни мы страдаем от всяких энергетических вампиров и упырей, но, как писали Стругацкие, – не бывает. Так и чистого мышления не бывает. Мышление деятельностно, интенционально – изначально и всегда. И организовать семинар, где есть шанс встретить мышление, могут только те, кто включен в серьезные проекты и мыслит практически. Поэтому принятые нами обязательства перед другими субъектами гражданского общества в Беларуси не только не мешают нашему семинару, но и являются необходимым условием присутствия мышления в нем. Но только в том случае, если это серьезные обязательства, а не симуляция. Серьезностью я здесь называю рефлексивность и критичность нашего отношения к обязательствам. Если уж мы взялись развивать местные сообщества, то мы не можем заменить сообщества зарегистрированными в Минюсте организациями. Надеюсь, вы понимаете, что я имею в виду!

Еще я надеюсь, что все слушающие этот доклад могут восстановить связь содержания и требований этого доклада с той практической ангажированностью докладчика в составе АГТ-ЦСИ, которая всем присутствующим известна. Эта связь вовсе не проста и не очевидна, но умопостигаема и умопостижима. Я мог бы, конечно, показывать, как эта связь выглядит на материале, скажем, наших работ по гражданскому образованию и нашего же продвижения в философии техники. Но не сегодня и не здесь. Этим нужно заниматься не на методологическом семинаре, а всякий раз, когда мы возвращаемся к

нашей деятельности, на каждом новом этапе нашей деятельности и при каждом пополнении наших рядов. Но восстанавливать эти связи могут только те, кто имеет свою практику, или, лучше сказать, имеет свою часть в нашей общей практике, с одной стороны, и является постоянным и активным участником семинара, с другой стороны.

Вот, собственно, и все, что я хотел сказать в четвертом разделе своего доклада.

Теперь пятый и заключительный раздел – об устройстве самого четвергового семинара, да и не только четвергового.

Эту заключительную часть я начну с того же вопроса, с которого начинал вторую часть: Итак, кто готов к работе в семинаре с учетом всех выставленных рамок, актуальных проблем и поставленных задач?

На что уж мало было склонных к положительному ответу в начале моего доклада, но сейчас их, кажется, совсем не осталось. А почему? Да потому, что мы не готовы. Мы мало образованны, плохо тренированны. Отсюда у меня предложение: разделить семинар на две неравные части. Одна часть семинара работает в режиме, который был задан в прошлых сезонах, по тем же принципам. Другая часть семинара нагружается образовательными функциями. Нам необходимо освоить много чего из современного мышления, что пока остается вне активно употребляемых нами знаний и средств.

Поэтому к следующему четвергу давайте подумаем и об организации такого разделения семинара, и о тематике того, что нам необходимо освоить, и о пропорциях двух частей семинара, и обо всем том, что касается оргформы семинара в свете всего сказанного. Ну и конечно, всегда остается возможность, у всех она остается, предложить к следующему разу нечто, что сняло, включило или даже денонсировало бы все, что я сейчас сказал.

Мыслят ли методологи?

Текст опубликован в персональном блоге Владимира Мацкевича в «Живом Журнале» 13 ноября 2007 года.

Размышляя после семинара 25 октября о том, встречаются ли методологи вне методологического семинара[1], я заявил тему для продолжения размышления: «Мыслят ли методологи?» Увы, поразмышлять на эту тему мне удавалось только в дороге, в поездах от Минска до Вильнюса, в пеших прогулках от собственного дома до нашего общего *Падворка*[2]. Все остальное время уходило на административно-организационную суету, дискуссии в ЕГУ[3], где-то еще, в ритуальном сидении на антикоммунистическом форуме[4] и т.д. Сегодня уже 13.11.07, уже прошли два четверговых семинара[5], а я еще не сформулировал свои размышления. Хотя во всем этом можно усмотреть вариант ответа: ну мыслимое ли это дело – мыслить в таких условиях? Нет, немыслимое это дело! Мыслить в таких условиях нельзя! Но

1 В начале сезона методологического семинара 2007–2008 разворачивались активные дискуссии о границах и условиях мышления. См. статью «Обучить мышлению каждого» в данном сборнике. *(Прим. ред.)*

2 Незадолго до начала семинарского сезона Агентство гуманитарных технологий и Центр социальных инноваций приобрели частный дом, который затем стали звать «*Падворак* АГТ-ЦСИ». *(Прим. ред.)*

3 В октябре-ноябре 2007 г. в рамках «Интеллектуального клуба ЕГУ» была организована серия дискуссий. Здесь имеется в виду дискуссия, состоявшаяся 31 октября, тема – «*Задача и позиция белорусского интеллектуала сегодня*», основные докладчики – Альмира Усманова и Владимир Мацкевич. *(Прим. ред.)*

4 Форум «В будущее – без коммунизма», организованный рядом оппозиционных сил, состоялся в Минске 3 ноября 2007 г. *(Прим. ред.)*

5 С 2006 года методологические семинары Агентства гуманитарных технологий проводятся по четвергам. (*Прим. ред.*)

надо. И не отвертеться мне от этого никак. И никакие ссылки на обстоятельства и условия не могут быть приняты в оправдание.

Ведь Сократ мыслил на афинской площади, которая была одновременно и рынком, и судом, и парламентом. А если бы он ждал, пока ему предоставят кафедру? На кафедре мыслили Гегель с Шеллингом. Но не Кант, которому кафедра скорее мешала. Кто-то мыслит в келье, швыряя чернильницей в скалящегося искусителя, кто-то за чертежной доской, кто-то в казематах инквизиции или КГБ. Аристотель и его последователи мыслили в пеших прогулках за неимением своего *прытулку*. Почти как я по дороге на работу. А чем *падворак* и офис хуже всех перечисленных мест? Почему на рыночных площадях, в казематах, кельях, академиях, Киносаргах и Пестрых Стоях мыслить можно, а в офисе нельзя? Что-то тут не додумано! Не промыслено. В конце концов, никто из методологов и философов, размышлявших про мышление и что-то разумное на этот счет сформулировавших, никогда не связывал мышление с условиями размещения мыслящего тела. Да и с телом тоже не связывал. Да и ни с чем никто из тех, у кого стоило бы поучиться мышлению, мышление не связывал. Мышление, в некотором смысле, всегда дано нам как нечто странное. Настолько странное, что ничего, кроме странности, мы ему и приписать поначалу не можем. Поначалу – это когда начинаем догадываться о его существовании. И в этом тоже его странность: ни сам человек, ни человечество не начинают мыслить, отталкиваясь от изначальной данности мышления. Люди начинают мыслить, не подозревая о мышлении, и обнаруживают его только в рефлексии состоявшегося мышления, догадываются о том, что мыслили, только после того как помыслили. Сократ мыслил о чем ни попадя, Платон рассказал об этом, как умел, и только Аристотель задался вопросом – как же Сократ мыслил? Примерно так было и с СМД-методологией[6]. Предположив, что все, что преподают на философском факультете Московского университета, есть искажение мышления Маркса, Александр Зиновьев попытался восстановить метод мышления Маркса в «Капитале», а Георгий Щедровицкий задался вопросами метода как такового и, соответственно, мышления как такового, а не мышления Маркса, Сократа или Зиновьева.

6 СМД-методология – системо-мыследеятельностная методология; подход, разрабатывавшийся в рамках Московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В. Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. *(Прим. ред.)*

Когда я сначала на семинаре 25.10.07, а потом в размышлениях после него сформулировал вопрос «мыслят ли методологи?», я имел в виду простейшую задачу – оторвать мышление от методологии и показать, что при всей моей любви к методологии мышление не является ее сущностью. То, что методологи мыслят (может быть даже, что только они и мыслят), – это ситуативный, или исторический факт. Таково положение дел в конце XX века. Ни до этого времени, ни после того, когда эта эпоха закончится, методология и мышление не были и не будут связаны такой тесной связью. До методологов мышление практиковали неметодологи, и после методологов мыслить будут другие. Это как у Хайдеггера: то, что мы связываем мышление с философией, есть историческая случайность. Ни философия, ни наука, по Хайдеггеру, не являются монопольными собственниками мышления да и вообще могут осуществляться без участия мышления. Будучи честными, мы то же самое должны сказать и о методологии. Нельзя методологии монополизировать мышление. Иначе все философами станем, а еще хуже – учеными. А нам это надо? Нет, нам такого не надо.

После поездки в Вильнюс на дискуссию с Альмирой Усмановой и другими интеллектуалами ЕГУ о задачах и позиции интеллектуалов в Беларуси я сообразил, что тема «мыслят ли методологи?» имеет куда более широкое всемирное культурно-историческое значение (это и с иронией, и без нее). Может быть даже, что это самый ключевой вопрос нашего времени.

Вспоминая семинар 25.10.07, я могу достаточно точно восстановить момент замысла темы «мыслят ли методологи» – это произошло в контексте обсуждения и критики установки на обучение мышлению всех и каждого, когда Мирошниченко[7] употребил вместо «обучения мышлению» «обучение методологии». Пришлось его поправить и заявить, что речь не идет об обучении методологии. В обучении методологии нет ничего интересного и нет никакого вызова. Но вслед за таким утверждением автоматически следует вызов, что обучение методологии мыслить не научает. По крайней мере, здесь нет автоматического следования, что обучение методологии приводит к обучению мышлению. Как только я дошел в рассуждении до такой фиксации, то

7 Андрей Мирошниченко – философ, активный участник постоянно действующего методологического семинара в Минске. *(Прим. ред.)*

сразу вспомнил о Хайдеггере с его высказываниями о философии и науке. Например:

«…занятие философией может быть самой закоренелой формой самообмана в том, что мы мыслим только потому, что непрерывно "философствуем"»[8].

И далее:

«То, что выказывают интерес к философии, еще не свидетельствует о готовности к мышлению. Несомненно, повсюду имеют место серьезные занятия философией и ее вопросами. Имеют место достойно затраченные усилия учености на исследование истории философии. Здесь мы имеем место с полезными и почтенными задачами, для выполнения которых пригодны лишь лучшие силы, особенно тогда, когда они обращают наше внимание на образцы великого мышления. Но даже тот факт, что мы годы и годы проникновенно отдаемся изучению сочинений и трудов великих мыслителей, не может нам гарантировать, что мы сами мыслим или хотя бы готовы учиться мысли».

Дальше Хайдеггер говорит про науку:

«…наука, со своей стороны, не мыслит и не может мыслить – и это к ее счастью, то есть к упрочению ее собственной жестко определенной поступи. Наука не мыслит. Вот возмутительный и ставящий в тупик тезис».

Я помню, что когда несколько лет назад впервые прочел у Хайдеггера эти тезисы, то очень порадовался и за старика, и за методологию, поскольку тогда полагал, что уж методология точно мыслит, в отличие от замшелой философии и приближающейся к такому состоянию науки. Но сегодня я вынужден добавить к хайдеггеровскому списку и методологию, коль скоро стало возможно методологии научить.

Безусловно, правильное для своего времени убеждение, что методология мыслит, или что методология и есть преимущественная сфера мышления, возникло в те времена, когда методологии не учились; когда методологами становились благодаря неимоверным усилиям, преодолевая не только образовательные и знаниевые препят-

8 Здесь и далее цитируется по: Хайдеггер М. Что зовется мышлением? – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

ствия, но и побеждая в себе страх, лень, рутину повседневного бытия, вступая на путь неизведанного, отдаваясь целиком и полностью этой неизведанности и неопределенности. Но как только оказалось, что методологии можно научить, в этом всем больше не было необходимости. Это означает, что для овладения методологией больше не нужно преодолевать страх, лень, ну и все остальное.

Кстати, упоминавшийся выше Мирошниченко был одним из тех, кто на собственном опыте доказал, что методологию можно освоить. Без методологического семинара, без участия в играх, только по книгам – оказалось, в XXI веке уже достаточно книг для этого.

Методологами стали называть себя те, кто выполнял методологическую работу на методологических семинарах. Собственно, термин «методолог» никогда не употреблялся теми, кто употреблял это слово со знанием дела, в отрыве от методологической работы. Это не профессия, не звание, это просто позиция – позиция у верстака методологической работы. Тот, кто на время занимает эту позицию, становится методологом. Как только он покидает эту работу, то превращается в кого-то другого.

Поэтому, если вернуться к предыдущему фрагменту рассуждения, «встречаются ли методологи вне и за пределами методологического семинара», то можно констатировать, что, поскольку вне методологического семинара нет верстака методологической работы, то и выполнять методологическую работу за пределами методологического семинара негде. Поэтому методологи вне методологического семинара не встречаются.

Методологическая работа – это единственное занятие, при котором методологи мыслят или могут мыслить. Но и то только потому, что никто не знает, как и каким образом выполняется методологическая работа. Если нам удается нормировать некоторые фрагменты методологической работы, то для их выполнения мышление больше не нужно, и эти фрагменты выполняются автоматически. Но именно постольку, поскольку эти фрагменты нормированы, им и можно обучать. Обучать тому, выполнение чего уже не требует мышления.

Дойдя до этого момента в размышлении, мы снова задаемся вопросом: а на чем же в таком случае основывается убеждение, что методологи мыслят и что мышление связано именно с методологией? При-

ходится признать, что такое убеждение базируется исключительно на прошлом опыте. Опыте того времени, когда методологи мыслили. Да, было такое время, когда методологи мыслили, или даже можно сказать, что было время, когда мыслили только методологи. И мало того, что это время осталось в прошлом, так еще и не совсем понятно: время, когда справедливо утверждение, что мыслили только методологи, было характерно только для Советского Союза? Ведь в те времена методологи обитали только в Советском Союзе. Мыслил ли при этом кто-нибудь за пределами Советского Союза, методологи тогда не знали, да это и очень мало их волновало. Нас же это не может не волновать.

Для того чтобы мыслить в процессе методологической работы, методологи изобретали различные средства и приспособления. К этим изобретениям относится также весьма своеобразный, новаторский и специфический взгляд на мир, или мировоззрение. Первоначально этот взгляд на мир, сопряженный со специфическим образом действия, назывался деятельностным подходом, потому что описывал мир как деятельность. Пока деятельностный подход находился на ранних стадиях становления, то в каждом акте методологической работы на семинаре его приходилось восстанавливать и актуализировать, если не во всей полноте, то по крайней мере его главные составляющие. По мере совершенствования и расширения в деятельностном подходе накопилась масса знаний, правил, принципов оперирования с объектами, инструментов, норм и т.д. Весь этот комплекс уже не было нужды реализовывать всякий раз, когда на методологическом семинаре принимались за методологическую работу. Соответственно, большая часть этих представлений актуализовывалась только время от времени и при необходимости извлекалась сначала из памяти, а потом из текстов. Пришло время, когда большая часть всего необходимого для выполнения методологической работы стала храниться в текстах. Весь этот комплекс онтологий, знаний, норм, принципов и т.д. стали называть методологией. И в этом комплексе было место и деятельностному подходу, т.е. тому, без чего невозможно выполнять методологическую работу. Если раньше деятельностный подход был тождественен методологии, то сейчас он только часть ее. И самое примечательное, что стало возможно осваивать методологию без этой части. Можно сколько угодно спорить о том, остается ли методология методологией после этого, но такое состояние методологии

предсказывалось и ожидалось. Правда, ожидалось не так быстро, а в отдаленном будущем.

Очевидно, что те методологи (люди, умеющие выполнять методологическую работу), которые ценили сопряженное с методологической работой мышление, а не комплекс накапливаемых в процессе методологической работы знаний и представлений, называют себя методологами и убеждены в том, что методология – это именно то, благодаря чему они мыслят.

Точно так же, как и те, кто получил новое мировоззрение и теперь знает, как устроен мир (с ортогональной организацией, актом деятельности, рефлексией и т.д.), убеждены, что методология – это то, что они знают о мире.

Вот и получается, что мы имеем две разные методологии, и вместе им не сойтись. И граница между ними проходит ровно в том месте, в котором мы искали и ищем мышление. При этом одни методологи знают (или думают, что знают), что такое мышление, другие же умеют его практиковать (или думают, что умеют). При этом не очень хочется обращаться ни к тем, ни к другим с вопросом «мыслят ли методологи?», потому что и те, и другие оказываются в ситуации, описанной Хайдеггером для философии и науки, – ситуации самообмана, когда за мышление принимается воспроизведение методологического способа рассуждения. Методология вполне закономерно оказывается в такой ситуации, во-первых, потому, что был период, когда «мыслить» – значило выполнять методологическую работу. А во-вторых, потому, что и у науки, и у философии тоже был свой «героический период», когда «мыслить» – значило заниматься научной работой или философствовать. Все когда-нибудь кончается. Героический период позади как для философии с наукой, так и для методологии. Методология отличается от своих предшественниц только тем, что ее адепты еще помнят те времена, когда методологи мыслили.

Однако же героические периоды, которые мы можем найти в истории философии, науки и методологии, заканчиваются для философии, науки и методологии, но не для мышления. Мышление живет и разворачивается как бы поверх и независимо от этих почтенных занятий. Соответственно, и учить мышлению необходимо как-то иначе, не сводя обучение к философии, науке и т.д.

Подчеркнем еще раз, что устойчивая ассоциативная связь мышления с философией, наукой, методологией в соответствующий для каждой из них период вызвана тем, что в тот период «мыслить» было синонимом занятия этим типом деятельности. Затем в этих типах деятельности возможности для мышления исчерпывались. А значит, принимая к решению задачу обучения мышлению всех и каждого, необходимо найти такую деятельность, в которой возможности для мышления еще не исчерпаны. И не просто найти и вычислить, но попасть туда. Попасть туда – то есть спроектировать соответствующую деятельностную позицию при соответствующем верстаке и занять ее, т.е. заполнить эту позицию собой. Но попасть в эту деятельность можно, только проходя философию, науку и методологию. Проходя, но не застревая в них. Вряд ли сегодня человек, остановившийся на позициях философа или научного работника, находится в месте встречи с неведомым. В месте встречи с тем, «что мы еще не мыслим», говоря словами Хайдеггера. Ближе всего к тому, «что мы еще не мыслим», находятся методологи. Но не все и не каждый. Поэтому еще долгое время ассоциативная связь методологии с мышлением будет сохраняться, будет на слуху. Это еще долгое-долгое время будет задевать и обижать как ученых, так и философов.

Пусть они себе обижаются, но мы-то должны помнить, что связь мышления и методологии – чистая условность. Поэтому можно легко и уверенно ответить на вопрос – «мыслят ли методологи?». Да, мыслят. Но не все. И не всегда.

Но тогда резонно задать следующий вопрос: «А что нужно делать для того, чтобы мыслить?» И это тема для следующего размышления.

О четвероякком корне культурной политики

Стенограмма доклада на методологическом семинаре в апреле 2008 года (с сокращениями).

Что меня побуждает к тому, чтобы развернуть некое суждение на эту тему перед вами? Дело в том, что я привык говорить про Агентство гуманитарных технологий (АГТ)[1] как про свою деятельность – независимо от того, употребляю ли я при этом местоимение «я» или местоимение «мы». По большому счету, и про культурную политику я привык говорить как про то, чем я занимаюсь. При этом культурная политика – это случайно появившийся где-то в конце 80-х гг. термин. Случайно – потому что это было связано с конкретной игрой, игрой в Союзе кинематографистов, и эта игра имела такую тему – «культурная политика», но тогда эта тема звучала как проектирование чего-нибудь в социальной политике или региональной политике[2]. После этой игры Петру Щедровицкому[3] удалось создать подразделение при Союзе кинематографистов, и это подразделение

1 Агентство гуманитарных технологий (АГТ) – это неформальный кружок, коллеги и ученики методолога Владимира Мацкевича, продолжающие совместно с ним развивать концептуальные и методологические идеи культурной политики и гуманитарных технологий. С 1994 года Агентство гуманитарных технологий существовало в самых различных формах и ипостасях – от зарегистрированной некоммерческой организации до регулярного семинара и круга друзей и коллег. *(Прим. ред.)*

2 Имеется в виду организационно-деятельностная игра (ОДИ) 1988 года по теме перестройки и развития советского кинематографа под руководством П.Г. Щедровицкого. *(Прим. ред.)*

3 Петр Георгиевич Щедровицкий – активный участник Московского методологического кружка и методологического движения, сын лидера ММК Г.П. Щедровицкого. В 1989 году основал Школу культурной политики и менеджеров культуры при Союзе кинематографистов СССР. *(Прим. ред.)*

стало называться Школой культурной политики и менеджеров культуры. Затем «менеджеры культуры» постепенно отпали, и осталась Школа культурной политики. В Школу культурной политики были набраны стажеры. Был большой конкурс. Около двух тысяч человек подавали заявление, было отобрано около 40. Тогда люди были активны, что-то искали, легко было объявлять всякие наборы. И только потом, когда эти стажеры начали принимать участие в играх именно как стажеры Школы культурной политики, встал вопрос: а что же это такое – «культурная политика» и чем эти люди будут заниматься? В это время я приехал в Беларусь, и здесь возникла необходимость както себя презентировать, подавать. Рассказывать, что я занимаюсь методологией, я мог бы, но это никак не объясняло моих действий в тех сферах, в которые я сразу начал лезть.

Собственно, меня пригласили как методолога люди, которые занимались разработкой стандартов образования. Они были участниками широкого процесса реформирования образования, попали в Москву на игру, познакомились со мной, я им показал свою статью в «Полемических этюдах»[4] с критикой программы стандартизации, им это понравилось. К тому же на игре я был методологом, они решили, что я им нужен и методология нужна. Но они понимали свою работу узко, только в образовании; я же начал лезть в политику, в СМИ, куда-то еще… и вообще рассуждать про Беларусь. Им это было непонятно. И мне пришлось объяснять, что я занимаюсь не просто методологией, но еще и культурной политикой. Тогда они спрашивали: а что такое культурная политика? Единственное, что я себе мог тогда искренне сказать про это, что культурная политика (КП) – это то, чем я занимаюсь. Это известная басня кого-то из математиков[5], а после него все стали так говорить и использовать эту формулу. То же самое было со мной и культурной политикой. Все, что я мог сказать по этому поводу, это что КП – это то, чем я занимаюсь. Тогда, естественно, следовал вопрос: «культурная политика» – это то, чем занимаешься ты и еще Петр Щедровицкий? Вообще говоря, из чисто конъюнктур-

4 Мацкевич В.В. Полемические этюды об образовании. – Лиепая, 1993; переиздание: Мацкевич В.В. Об образовании: полемические этюды. – Минск, 2008.

5 Имеется в виду исторический анекдот о русском математике А.А. Маркове (1856–1922). Маркова однажды спросили: «Что такое математика?» На что Марков ответил: «Математика – это то, чем занимаются Гаусс, Чебышев, Ляпунов, Стеклов и я». *(Прим. ред.)*

ных и политических соображений мне было бы выгодно говорить: «да, мы с Петром занимаемся культурной политикой». Но уже тогда мне не хотелось этого говорить, я понимал, что то, чем занимаюсь я, и то, чем занимается Петр, – две большие разницы. С одной стороны, и за тем, и за другим стоит методология, но с другой стороны, я знал точно, что наши «занятия» сильно отличаются. Для того чтобы разобраться, мне необходима была хорошо организованная рефлексия, но рефлексия была невозможна. По нескольким причинам.

И одна из причин – это то, что тогда в Беларуси этим занимался я один. Не было «подельников» или партнеров, которые могли бы вместе со мной субъективировать эту деятельность таким образом. Поэтому какая рефлексия?! А на вопросы я должен был отвечать, и отвечать разным людям. И отвечая людям, я отвечал прежде всего себе – чтобы разобраться, что же я делаю. И первое, что я отвечал: конечно же, у нас с Петром разные объекты культурной политики: он занимается культурной политикой России, я занимаюсь культурной политикой Беларуси. Этот простейший ответ, связанный с объектом культурной политики, меня некоторое время устраивал. Это уже потом, когда еще больше стали обостряться отношения и разница в подходах, я стал настаивать, что культурная политика – это то, чем я занимаюсь, а Петр занимается чем-то другим, и «культурная политика» для него была лишь случайным названием.

Когда я приехал в Минск, мне нужна была хоть какая-то организационная форма для деятельности. Мне ее предоставили стажеры второго набора ШКП. У них была зарегистрирована общественная организация, которая называлась «Агентство гуманитарных инициатив и технологий "Северо-Запад"». Зарегистрирована она была еще в 1992 году. Было тогда такое течение – западнорусизм, в противовес молодофронтовскому национализму. Когда я стал осваивать эту форму, нужно было очистить все это от лишних наслоений. И первым делом я выбросил «инициативы», а потом и «северо-запад». «Гуманитарные технологии» были таким же случайным по происхождению термином, как и «культурная политика». И осмысляя его, я размышлял следующим образом: весь комплекс действий, которые я делаю, называется «культурная политика», а то, *как* я это делаю, я называю гуманитарными технологиями. Из того состава АГТ, который был в

90-е гг., практически никого не осталось. Вот только Светлана[6], у которой не было идиосинкразии по поводу расширения деятельности в иные, кроме образовательной, сферы.

И что сейчас происходит. Когда мы уже в ином составе АГТ[7] время от времени обсуждаем какие-то цели и замыслы, больше чем краткосрочные, больше тех, что лежат в поле очерченных действий, мне приходится каждый раз объяснять основания своих замыслов. И когда приходится по нескольку раз объяснять одним и тем же людям, я начинаю понимать, что, наверное, я как-то не так это объясняю. И тогда возникает путаница между «я» и «мы». «Я» – это где-то внутри «мы». Но у меня регулярно возникает обратная ситуация: есть какая-то одна группа «мы», в которой мы что-то делаем, занимаемся одним делом. Есть другая группа «мы», где мы занимаемся другим делом. Есть третья группа «мы». И все эти «мы» связаны моим «я». Я точно знаю, что «свою» культурную политику я буду реализовывать не с теми, так с другими, не в одной, так в другой ситуации. Я ее ношу с собой, переношу в разные ситуации, в разные «мы». И здесь я и затрудняюсь: мы ли занимаемся культурной политикой? Вот относительно каких-то частных вещей у меня нет сомнений, а вот по поводу культурной политики – есть. По большому счету, что бы там ни говорилось и какие бы статьи в словаре ни писались, нет ни устоявшегося представления где бы то ни было, ни нормы, пригодной для трансляции. Поэтому как в первой половине 90-х, когда я должен был объяснять многие свои действия термином «культурная политика», так и сейчас я вынужден говорить, что культурная политика – это то, чем я занимаюсь.

В начале 90-х с Пальчевским и Фридманом[8] мы занимались стан-

6 Светлана Мацкевич (Крупник) – с 1994 года участник Агентства гуманитарных технологий, кандидат педагогических наук. *(Прим. ред.)*

7 С 1994 года в Агентстве гуманитарных технологий сменилось два основных состава участников. С 1994 г. до приостановки деятельности АГТ в 1999 году среди его активных участников были: Татьяна Усова, Ирина Жихарь, Светлана Мацкевич (Крупник), Алексей Бабайцев и другие. В 2005 году АГТ было восстановлено уже в новом составе: Николай Кацук, Андрей Егоров, Татьяна Водолажская, Оксана Шелест и другие. Из старого состава остались только Светлана Мацкевич и собственно лидер АГТ – Владимир Мацкевич. *(Прим. ред.)*

8 Пальчевский Б.В. – доктор педагогических наук, профессор Национального института образования; Фридман Л.С. – доктор педагогических наук. В 1980-е гг. совместно разрабатывали технологию учебно-методических комплексов, в 1990-е гг. занимались вопросами технологий образования и образовательной реформы в Беларуси. *(Прим. ред.)*

дартами образования, с Ложкиным[9], Добровольским[10], Бернштейном[11] – политической деятельностью, с Липковичем[12] и Капустиным[13] – финансовыми технологиями, с Шереметом[14] – телевидением. Но самоопределение людей в этом «мы» исчерпывалось этими сферами. А мое самоопределение может рассматриваться как такая странная «шашлычная» форма сборки на человеческой деятельности разных областей. Вот, например, человек может быть врачом и писателем. Две совершенно разные вещи, которые между собой не должны как культурные нормы пересекаться. Но Чехов, являясь врачом, является писателем. Или Розенбаум, являясь врачом, начинает петь песни. Ничто не обязывает врача петь песенки. Что общего между пением и медициной? Ничего, кроме того, что один человек этим занимается. Точно так же и я могу себе представить: что общего между консалтингом в среде малого и среднего бизнеса и производством ток-шоу на ТВ? Или что общего между реформированием образования и развитием сообществ?

Но такая схема не объясняет культурной политики. В такой схеме не возникает необходимости устанавливать содержательные связи между разными деятельностями. Возникает простое объяснение: у

9 Сергей Ложкин – беларусский PR-технолог, политический технолог и консультант, участвовал в семинарах Агентства гуманитарных технологий в 1990-х гг. *(Прим. ред.)*

10 Александр Добровольский – белорусский политический деятель, член политсовета Объединенной гражданской партии. В 1990 году был одним из инициаторов создания Объединенной демократической партии (ОДПБ). В 1995 году состоялось слияние ОДПБ с Гражданской партией, на их базе была создана Объединенная гражданская партия (ОГП). *(Прим. ред.)*

11 Марк Бернштейн – в настоящее время известный беларусский блоггер, специалист в области рекламных и PR-технологий. В 1990-е годы занимался журналистской деятельностью, участвовал в ряде политических и избирательных компаний. Входил в избирательный штаб В. Мацкевича в кампании по довыборам в Верховный Совет 1995 года, на которых В. Мацкевич баллотировался в качестве кандидата. *(Прим. ред.)*

12 Евгений Липкович – в настоящее время известный беларусский блоггер и общественный активист, занимался журналистской деятельностью, бизнес-технологиями. *(Прим. ред.)*

13 Сергей Капустин– беларусский бизнесмен, в настоящее время председатель совета директоров компании «СТА Логистик». Совместно с В. Мацкевичем работал в сфере бизнес-консалтинга, в частности, входил в состав учредителей консалтинговой кампании «Альпина». *(Прим. ред.)*

14 Павел Шеремет – беларусский и российский журналист. В 1994 году Шеремет стал автором и ведущим еженедельной аналитической программы «Проспект» на Белорусском телевидении. АГТ и В. Мацкевич активно участвовали в замысле и реализации этого телевизионного проекта. *(Прим. ред.)*

Мацкевича такое хобби, первую половину дня он занимается этим, а вторую – вот этим, и поэтому строить мосты, перекидывать содержание из одного в другое не надо. Нужна иная – объемлющая – схема. Именно она требует содержательной рефлексии, распредмечивания всех этих областей и нахождения общего основания. А есть еще один вариант объясняющей схемы: когда мы в разного рода деятельности привносим содержание из некой третьей или четвертой позиции, где есть особые цели, и мы эти цели вставляем в разные виды деятельности. Если это так, то надо определять источник этих целей. И вот тогда возникает необходимость создания школы, группы, кружка и т.д.

Итак, понятно, что небезразлично, в какой схеме мы задаем общее. Если мы объявляем культурную политику как некоторую деятельность, которой надо научить людей, тогда необходимо формировать предмет, дисциплину, объект КП, что-то еще. Ведь должен же я вообще что-то иметь для того, чтобы рассказывать людям, чтобы они меня понимали? Я имею право не понимать ни одного из вас. Более того, вы имеете право быть непонятыми мной. А я не имею права быть вами непонятым. А значит, это очень ответственная работа, в которой очень большую роль играет случайность. Представим себе, что кто-то услышал про существование культурной политики и решил организовать такую специальность – например, в Институте культуры. Организуя новую специальность, надо создать кафедру, составить учебный план и желательно написать парочку учебников. А когда напишем учебник, то культурная политика будет тем, что написано в этих учебниках и в учебном плане. И мне здесь очень важно сохранить совокупное единство действия относительно объекта культурной политики, единство своей собственной деятельности, собственной биографии и собственного самоопределения. И единство целей, которое привносится в разные места, в профессиональные деятельности. А когда важно все это сохранить, мне нужно не придумывать учебный план и концептуализировать культурную политику, а попробовать отнестись к ней генетически, говоря, что культурная политика каким-то образом произошла, из чего-то выросла. И этот генезис, или основание, из которого произошла культурная политика, я и хотел сегодня рассказать.

После долгих и напряженных раздумий я сообразил, что то, чем я занимаюсь (культурная политика), имеет под собой четыре таких

существенных основания или источника. Как говорилось в известной фразе, «три основания, три основных источника марксизма». А тут четыре. Хотя, в общем-то, тоже три, но четвертый – это чтобы от марксизма отличаться. Сейчас я ограничусь только перечислением источников, из которых все появляется.

Буду рассматривать их не по порядку – все возможные порядки, которые можно придумать, здесь нарушены. Итак: первое – интенсивная терапевтическая жизнь (ИТЖ) Александра Ефимовича Алексейчика[15]; второе – СМД-методология[16]; третье – Библия в кальвинистской трактовке; и четвертое – это, скажем так, жизненный опыт и карьера Владимира Мацкевича. Четвертое – это способ сборки, шнуровки этого всего. Это последнее основание нельзя выкинуть, потому, что нужно понимать, что никакой иной культурной политики, кроме «Думать Беларусь», в мире не существует. Ну если не брать ее как социальную политику, образовательную, в общем – как политику в какой-то области. В этом смысле там, где есть социум, есть больные, женщины, там бывают эти политики, где есть деятели культуры – там тоже бывает культурная политика. Говорить о культурной политике как об имени собственном можно только применительно к Беларуси, потому что она здесь возникает и оформляется как подход, как дисциплинарность, которой можно учиться.

В наименьшей степени сегодня мне нужно говорить про второй пункт, про СМД-методологию, потому что это и является темой методологического семинара, и про это я больше всего говорил и писал в других местах. В меньшей степени известны остальные части и источники.

Итак: Александр Ефимович Алексейчик. В Интернете можно набрать это имя; не очень много найдете, но что-то будет. Алексейчик – это врач, психиатр, всю жизнь проработавший в республиканской психиатрической больнице в Вильнюсе. Когда я с ним познакомился,

15 Александр Ефимович Алексейчик – врач-психиатр, психотерапевт, заведующий психотерапевтическим отделением Центра психического здоровья г. Вильнюса, создатель уникальной методики групповой терапии – «интенсивная терапевтическая жизнь» (ИТЖ). *(Прим. ред.)*

16 СМД-методология – системо-мыследеятельностная методология, подход, разрабатывавшийся в рамках Московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В.Мацкевичем в Беларуси, в рамках культурной политики. *(Прим. ред.)*

он был зав.отделением. К этому времени я уже несколько лет занимался тренингами, после стажировки в Германии я заинтересовался этим делом и начал практиковать в Питере. На тот момент я это делал в рамках социальной психологии и очень мало интересовался тем, что было в медицине по этому поводу, в психиатрии и т.д. Но постепенно, через несколько лет практикования, я пришел к выводу, что многие проблемы и вопросы, в которых мы блуждаем как в трех соснах в тренингах, на самом деле наработаны и осмыслены в медицинской практике, поэтому этим надо заняться. И тут мне говорят, что самым главным человеком в этом вопросе является доктор Алексейчик. Если у кого-то и учиться, то надо учиться у него, но это страшно. Тем не менее я еду в Вильнюс. Не помню, какой это год был, 85-й, наверное, или 86-й.

А у Алексейчика, начиная с 81-го или 82-го года, в последней декаде апреля на базе этой республиканской психиатрической больницы проходили такие особенные семинары. Туда съезжались со всего Союза врачи, психиатры, психологи, ну и не только. И Алексейчик проводил свой тренинг. Постепенно это стало называться ИТЖ – интенсивная терапевтическая жизнь. Но главное в этом всем – даже не техника тренинга, а само учение Алексейчика. Алексейчик практически ничего никогда не писал. Он, в отличие от всех других, не писатель, а читатель. Он читает все подряд. А кроме того, он на этих тренингах создает такую концентрированную, интенсивную ситуацию проживания каких-то очень важных вещей.

И от Алексейчика и его тренингов я много чего взял. Прежде всего – приоритет и первенство жизни над любыми формами деятельности. Игра – она начинается и заканчивается. Тренинг начинается и заканчивается. Семинар начинается и заканчивается. Существуют всякие локальные затоки, круговороты и т.д. Но все это погружено в некий совершенно другой мир, который не имеет отношения к этим локальным вещам. В жизнь. Там есть настоящее что-то, главное настоящее и главное истинное – оно там. И рационализируется эта жизнь на уровне принципа. Переживаний на тренинге тоже хватало, но их хватает и на играх, их хватает на семинарах, везде. А там «жизнь» вводится как принцип. Точно так же, на уровне принципа, вводится «судьба». То, что с тобой происходит, не обязательно имеет причины. Оно вовсе не обязательно имеет цели. То, что с тобой происходит, – это то, что с тобой происходит. И что бы с тобой ни

происходило, это следует принимать как то, что с тобой происходит. Не искать виноватых, не жаловаться, почему это происходит именно с тобой. А всю дальнейшую деятельность, поступки строить таким образом, что *это* произошло. Нельзя забывать – *это* уже есть. И это есть способ установления отношений человека с внеположенным, существующим вне человека миром. Это глобальный принцип, а есть принципы, которые касаются самого человека. Например, принцип «платы». Все, что с тобой происходит, – это судьба, а все, что ты хочешь или что тебе надо – за все это надо платить. Все это надо покупать, оплачивать, брать в кредит и т.д.

В бывшем СССР через тренинги Алексейчика прошло очень много людей. Потом в конце 80-х и особенно в 90-х гг., когда ездить в Вильнюс стало трудно, Алексейчик сам ездил и проводил свои ИТЖ в самых разных местах. В Минске несколько раз был. Многие люди, которые прошли через эти тренинги, пытались как-то их описать. Один из его учеников, Римас Кочунас[17], в Вильнюсе попытался даже создать целое направление экзистенциальной психологии. Лявас Каварскас тоже пытался создавать аналогичное учение, но только на стыке философии, психологии и права. Семен Естельсон[18] из Ростова тоже пытался все это описать. Но без этих *принципов жизни* невозможно понять мотивы моих действий и часто даже оценок или планов там, где деятельность, которую мы разворачиваем, связана с принципиальным самоопределением и объемлющими представлениями.

С Георгием Петровичем[19], СМД-методологами и семинаром я познакомился гораздо раньше, чем с Алексейчиком, еще студентом, но тем не менее на игру (организацонно-деятельностную игру) я впервые попал, уже пройдя несколько тренингов Алексейчика и уже будучи достаточно хорошо подготовлен как тренер. Поэтому мое первое восприятие игры в Калининграде в 1988 г., в январе, происходило через ИТЖшное восприятие. То есть я понимал это не как

17 Римас Кочунас – литовский психиатр, консультирующий психолог, ученик А.Е. Алексейчика, сторонник групповой психотерапии. *(Прим. ред.)*

18 Семен Есельсон – российский психотерапевт, директор Международного института экзистенциального консультирования (Ростов-на-Дону), главный редактор журнала «Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия». *(Прим. ред.)*

19 Георгий Петрович Щедровицкий – философ и методолог, общественный и культурный деятель, создатель и идейный вдохновитель школы «методологов», основатель Московского методологического кружка и СМД-методологии. *(Прим. ред.)*

деятельностное образование, а как жизнедеятельностное. Как интенсивную жизнь – даже более интенсивную, чем на тренингах Алексейчика. Потому что на тренингах всегда есть один центр – сам тренер. На игре все не так. Там нет одного центра, там есть много всего, и жизнь в этом смысле там не менее интенсивная.

Если Алексейчик может считаться лучшим знатоком «хомо советикус», или людей, скажем так, «второй этической системы» В. Лефевра[20], вывернутой через принципы первой этической системы, то, конечно же, это не сравнить с тем знанием, которое культивируется в СМД. Там культивируется знание о деятельности. Алексейчик тоже, наверное, много знает о деятельности, но акцент ставит совершенно на другое. Тогда как в играх тоже все перевернуто, и там игроделы, игропрактики да и опытные игротехники очень много знают о жизни, о коммунальных отношениях, взаимоотношениях людей – все это проходит через их опыт. Но акцент ставится на деятельности.

Но ведь нельзя рассмотреть, например, Беларусь исключительно как деятельностное образование. Точно так же ничего нельзя понять про Беларусь, если отнестись к этому целиком через жизнедеятельностные, жизненные основания. В этом смысле для меня эти два подхода – Алексейчика и Щедровицкого – являются взаимодополнительными. Во всяком случае, формулировка Беларуси или отношение к Беларуси, которое выражено в тех текстах, в которых я пытался это выражать, – это является сборкой, синтезом этих двух отношений, двух подходов. Наверное, поэтому эти тексты с трудом понимаются сторонниками одного и сторонниками другого взгляда на мир и на вещи. И я не так часто встречался с глубоким пониманием. Есть люди, которые пытаются иначе, чем я, собирать эти два подхода. Например, Генисаретский[21]. Тоже как-то на двух этих основаниях пытается стоять, у него даже, наверное, больше общего с Алексейчиком есть, потому что они оба еще и православные.

20 Владимир Лефевр – российский и американский психолог и математик, основатель теории рефлексии и «исчисляемой психофеноменологии»; профессор Калифорнийского университета в Ирвайне. В 1970-х гг. активный участник Московского методологического семинара. *(Прим. ред.)*

21 Олег Генисаретский – российский ученый (доктор искусствоведения), философ, общественный деятель. В 1963–1976 годах – участник семинаров Московского методологического кружка, позднее – активный участник СМД-движения, лектор московской Школы культурной политики. *(Прим. ред.)*

Поэтому я перехожу к третьему пункту, без которого вообще все это рассыпалось бы. Потому что третьим пунктом, из которого берутся принципы, видение, является Библия, и не просто Библия, а Библия, прочитанная, скажем так, кальвинистскими глазами. Несмотря на знакомство с Библией раньше, чем с Алексейчиком и Щедровицким, по-настоящему читать Библию, а тем более кальвинистскими глазами, я начал только здесь, в Минске. Имея уже две описанных выше части, два источника. Начиная с конца 94-го на семинары АГТ начал ходить Лявон Липень, кальвинистский пастор. Мы с Липенем жили недалеко друг от друга, поэтому в течение нескольких лет с семинаров домой мы часто возвращались вместе и вели нудные, а иногда и не нудные, а наоборот, очень интересные теологические и богословские споры. До Липеня, честно говоря, я был убежден, что у протестантов нет никакой теологии. По крайней мере, то, что я знал про протестантизм – я во многом принимал баптистский взгляд на мир, Бога и т.д., – тем не менее, я считал, что это все очень поверхностно и это для людей, скажем так, необразованных. Вот католицизм – это да, имеет развитую теологию, философию. Фома Аквинский – это голова, конечно. Я б ему палец в рот не положил. А Липень меня убеждал, что, наоборот, католическая теология гроша ломаного не стоит по сравнению с протестантской теологией. И предлагал разные книжки. Вот на базе этих книжек я кратко знакомился с протестантской теологией.

Окончательное прочтение Библии произошло с приходом в Церковь. И это достаточно поздно. Но, с другой стороны, эти принципы отношения к миру, к человеку, к деятельности, которые и в материи и в формулировках были взяты от Алексейчика и Щедровицкого, обрели свою целостность только после того, как были положены на библейское прочтение.

Итак, через эти источники в набор культурно-политических представлений вводятся представления о жизни, человеке, деятельности, мышлении, рефлексии, Боге, о законе, цели, смысле жизни – и не только в эпистемическом, но и в гуманитарном отношении. И набор этих фундаментальных онтологических представлений и составляет собственно содержательную часть культурной политики.

Почему я непременно должен говорить о четвертой составной части, то есть о карьере и своем личном жизненном опыте, – потому

что целый ряд вещей, может быть, не такого фундаментального порядка, взят мною не из культуры. Например, многие беларусы националистической, *адраджэнчаскай* ориентации имели своих учителей и наставников: кто-то от Позняка перенял основной корпус идей, кто-то еще от кого-то. Так получилось, что я приходил к этому без культурного опосредования, своим путем. В этом смысле специфическая биография, специфический образ жизни, специфическая карьера привели к тому, что я изобретал велосипеды и делал открытия. Если кто-то, прочитавши «Адвечным шляхам» или еще что-то такое, получал национальную идею уже в таком культурно оформленном виде, то мне где-то в 14-17 лет приходилось соображать самому. Я не буду долго рассказывать, как это происходило и почему это надо было делать. Но это касается таких вещей, без которых культурная политика будет не то что не полна, а ее просто не будет, несмотря на то что по фундаментальности своей они с предшествующими понятиями и категориями несравнимы. Они берутся мною не из рассуждений Позняка, Абдираловича или кого-нибудь еще, а практически придуманы мной. Нет, я потом что-то читал, но это было уже потом, после того как это было каким-то образом мной самим сформулировано.

Мне с детства мать объясняла: ты родился в семье изгоев, в этом смысле ты хоть и не еврей, но что-то в этом роде. Поэтому, если ты хочешь добиться того, что имеет твой сосед, одноклассник, ты должен быть в 5-10 раз умнее, сильнее и т.д. Если нет – не выпендривайся. Вот так я рос. Откуда цели берутся – вот отсюда и берутся, из такого взросления. Когда тебе говорят: на халяву тебе ничего не будет; наоборот, если с тобой будут происходить плохие вещи – то это правильно, а все хорошее ты должен получать сам.

Так вот, переходя к завершению этой темы: без обсуждения и принятия некоторой содержательной версии тех понятий и категорий, которые здесь перечислены, с указанием их происхождения, научиться той культурной политике, о которой я здесь говорю, нельзя. Что касается того, как реализуется эта самая культурная политика, то здесь мы имеем буквально леммовскую сумму гуманитарных технологий. Гуманитарные технологии в своей прагматической и синтагматической основе тоже базируются на представлениях об этих понятиях и категориях. Соответственно, чтобы сэкономить силы на воспроизводстве одних и тех же разговоров, на препирательствах по

поводу того, что должно быть известно, я предлагаю отнестись к сегодняшнему моему рассказу примерно таким образом: я никого не побуждаю принимать кальвинистскую веру, безусловно верить в деятельностные схемы и уж тем более разделять все представления о человеке и жизни, которых я когда-то набрался у Алексейчика; но если вы продолжаете со мной сотрудничать, у меня чему-то учиться, то вы должны все это про меня знать. Потому что это и есть та самая культурная политика, которую я реализую как деятельность и как подход. Если вы не соглашаетесь с этим – это ваше право, ваше дело, но не вступайте со мной в бессмысленные споры и препирательства. Если вы чего-то не разделяете – будьте умнее, рефлексивнее, толерантнее меня и относитесь к этому таким образом: вот у Мацкевича свои четыре источника, мы их знаем и понимаем, но у нас есть свои, лучше, четче, правильнее. И тогда уже через эту рефлексию, будучи на один шаг рефлексивнее меня, вы строите свои отношения со мной. Если нет у вас ничего лучше, правильнее, светлее, чище и т.д. – тогда тем более принимайте в готовом виде то, что есть.

Комментарий

к исходным формальным постулатам при обсуждении вопросов:

- Есть ли альтернатива восстановлению империи на постсоветском пространстве?

- Может ли Беларусь сопротивляться реставрации империи?

- Возможна ли беларусская национальная идея?

- Может ли Беларусь существовать и процветать без России?

- Как можно обустроить Беларусь?

Статья опубликована в журнале «Грамадзянская альтэрнатыва» (№4, 1999).[1]

1. Предположим, что вопросы такого типа имеют разумное решение.

(Применимы ли философия и методология при обсуждении беларусских проблем? Или о беларусских проблемах может судить только безграмотная деревенщина с «обеих сторон баррикад», а разумных суждений о Беларуси в

1 В 1993 году Александр Солженицын опубликовал статью «Как нам обустроить Россию». В качестве размышления над этой статьей Владимир Мацкевич опубликовал в журнале «Бизнес и политика» (№1, 1995 г.) статью «Чего не хватает, чтобы ответить на вопрос: «Как нам обустроить Россию»?», где были изложены 11 исходных постулатов, необходимых для обсуждения подобных вопросов. Позже, переехав в 1994 году в Беларусь, В. Мацкевич добавил к каждому из постулатов комментарии, которые и вошли в данный текст. *(Прим. ред.)*

расчет принимать не надо? Большинство беларусских политиков и интеллектуалов должны быть дисквалифицированы в своей деятельности уже на этапе разбора этого предположения. Конечно, идеология может не считаться с этим предположением, поэтому может городить любую ахинею.)

Августин Аврелий, Макиавелли, Гердер, Кант, Гегель, Маркс, Шпенглер, Тойнби, Гумилев, Вебер, Поппер, ...

Разумно ли то, что делается в Беларуси? На этот вопрос часто дают отрицательный ответ, но из этого ровным счетом ничего не следует. Разумность – мера нашего отношения к происходящему, а отнюдь не мера и оценка самого происходящего. Все действительное разумно, все разумное действительно – это утверждение Гегеля можно распространить и на Беларусь. Но тогда, еще до определения меры разумности, необходимо разобраться с действительностью. А что в действительности происходит в Беларуси? На этот вопрос невозможно ответить без ответа на другой вопрос: что такое действительность? Это не так просто, как может показаться. Действительность определяется мышлением, а точнее, организованностью мышления. Например, если мышление организовано предметно (если мы умеем мыслить только в рамках предмета, например истории, логики или экономики), то действительным мышление признает только то, что имеет отношение к предмету. А если мышление не организовано как предмет, то в трактовке действительности может встречаться полный произвол. Рассмотрим пару примеров:

Версия 1. Есть феномен (или, если угодно, прецедент или случай): в Беларуси в январе 1998 года происходит суд над Павлом Шереметом и Дмитрием Завадским[2]. Насколько это действительно? Если мы разбираем этот вопрос в **рамках юриспруденции**, то действительным является именно правовой прецедент. Действительно нарушение прав человека, или нарушение государственной границы, или практика ликвидации презумпции невиновности в правоприменительной практике,

2 Имеется в виду суд над журналистами ОРТ Павлом Шереметом и Дмитрием Завадским в январе 1998 года. В июле 1997 года П. Шеремет вместе с оператором Д. Завадским снимали репортаж о ситуации на беларусско-литовской границе, где их арестовали по обвинению в незаконном пересечении государственной границы страны. Шеремету также инкриминировали получение денег от зарубежных спецслужб и незаконную журналистскую деятельность. В итоге, несмотря на многочисленные процессуальные ошибки и фактическую недоказанность их вины, оба журналиста были осуждены. *(Прим. ред.)*

или ликвидация независимости судебной власти. Но если мы сменим предметность рассмотрения и окажемся в **рамках геополитики**, то этот случай становится несущественным (несуществующим). Тогда – происходит восстановление Российской империи в новом историческом качестве, а на пути этого восстановления есть незначительные препятствия, которые успешно ликвидируются усилиями исполнительной и судебной власти. Или так – происходит новый передел мира накануне XXI века между укрепившимся Западным миром и выходящей из депрессии Россией. В техническом отношении оформление этого передела сопровождается незначительными инцидентами на границах (см., например, случай с Шереметом). Иначе этот случай (феномен, прецедент) будет выглядеть в **рамках истории, экономики, психологии, культурологии или иной предметности**.

Версия 2. Что происходило в действительности в Беларуси 1000 лет назад, в 998 году? Как обстояло дело с правами человека, когда варяг Владимир терроризировал семью кривичского князя Рогволода? А что можно сказать о свободе совести для язычников в период крещения славянских племен? Проводились ли тогда экономические реформы? Была ли внешняя политика суверенного Полоцка многовекторной или все силы были брошены на восстановление разрушенных связей со «старшим братом» – Киевской Русью? Теперь представим себе такое же рассуждение в 2998 году. Что тогда будут говорить о нашем времени? Вот типичный пример:

«В XVI веке примерно в одно и то же время на Руси царем был Иван IV, а в Англии Генрих VIII. И первый, и второй проводили жесткую политику на централизацию и укрепление царской и королевской власти; и тот и другой извели чуть ли не по десятку собственных жен; оба «прославились» казнями своих противников и тех, кто мешал проведению их политики. В период царствования Ивана IV было казнено около трех тысяч человек; Генрих VIII казнил 72 тысячи, и, как ни парадоксально, в России Иван IV – деспот и «сатанист», а в Англии Генрих VIII – почитаемый всеми монарх, поскольку все, что он делал, он делал на благо государства и монархии». (С.Трахимёнок, «Безопасность государства. Методолого-правовые аспекты». Минск, «Хата», 1997 г.)

Оставим на совести автора фрагмента трактовку уважения к Ивану IV и Генриху VIII в России и в Англии. Но сам ход мысли весь-

ма интересен: видимо, Ивану Грозному не хватило «грозности», замочил бы раз в 20 больше людей – и Россия была бы как Англия. Соответственно, жены этих монархов, их политические оппоненты – это все «навоз истории», их личные трудности и проблемы в расчет не принимаются при решении ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ. Так, может быть, все оппоненты Лукашенко – это досадные недоразумения на пути к великой исторической цели – Восстановление Великой Державы, и если их ликвидировать – это только поможет делу?

Таким образом, в рамках первого постулата нам необходимо остановиться на том, **что мы будем считать действительным**. Критерий разумности неприменим за пределами той или иной действительности. Ни одна действительность не определяется эмпирически и не выводится дедуктивно. Действительность дана нам априорно. Например: 1) **Человек** – это действительность, поэтому и Иван, и Генрих являются преступниками, даже если бы казнили только по одному человеку без вины. Централизация и укрепление государственности и монархии не могут быть оправданием (парадокс Достоевского о слезе ребенка). 2) В Беларуси действительна **Беларусь**, причем действительна как суверенная маленькая европейская страна. Все действия, направленные на воссоздание «Великой Державы» в Беларуси, либо преступны в рамках этой действительности, либо иллюзорны и фантастичны. 3) В вопросах действительности апеллировать необходимо не к мнениям отдельных людей, а к организованному **мышлению и к Богу**. Априорность действительности, в которой живет человек, не исключает того, чтобы она была разумно обоснованна. Если человек недействителен – его можно принести в жертву ради великой цели, и даже не одного, а три или семьдесят две тысячи. Тогда вопрос разумности сведется к определению того, сколько жертв в диапазоне от 3 000 до 72 000 является оптимальным, т.е. необходимым и достаточным. Скажем, 3 000 – мало, 72 000 – много, это уже граничит с неразумным, а 10 000 – в самый раз.

Что касается разумности, то, определив действительное бытие, мы можем о нем разумно или неразумно судить. Здесь разум сам себе судья, об этом можно спорить и убеждать друг друга. Причем разумные суждения можно формулировать даже о том, что определяется вовсе не законами и принципами разума. Другое дело, что с этими разумными суждениями делать? Кантовские антиномии чистого раз-

ума предложены именно для того, чтобы показать, что разум имеет предел. Наше первое предположение утверждает, что вопросы о Беларуси находятся по эту сторону предела, они принципиально имеют разумное решение. Если это не так – то все наши размышления бесполезны, но и вреда от них нет. Если это так, то мы отвечаем за то, что в Беларуси делается и происходит.

2. Предположим, что будущее некоторым образом определяется разумными решениями.

Кьеркегор, Гуссерль, Хайдеггер, Поппер, а также Жан Кальвин и Мартин Лютер.

Конечно, не бывает однозначного определения будущего разумными решениями. Неразумно (нарочито подчеркнем это) даже в самом идеализированном виде предполагать, что построения разума могут однозначно определять будущее. Карл Поппер аргументированно развенчивает такую точку зрения в критике историцизма. Даже Платон, в метафизике которого такая позиция наиболее органична, не был настолько онтологическим рационалистом, чтобы предполагать однозначные связи между построениями разума и наступающим будущим. Но все же мы постулируем присутствие некоторой причинной зависимости будущего от работы разума в прошлом и настоящем. Может ли такой тезис быть чем-то большим, чем догматически положенным априорным постулатом? Например, эмпирической закономерностью или логическим законом? Говоря по-другому, можно ли доказать, что это предположение истинно? У меня нет таких доказательств, которые не были бы основаны на еще более рискованных допущениях и предположениях.

Больше аргументов в пользу противоположного утверждения. Даже результаты простого труда лишь отчасти совпадают с предшествующим труду замыслом. Или вспомним железный аргумент Воланда: как человек может управлять ходом вещей и распоряжаться будущим, если он своим собственным будущим распорядиться не может? Но все же мы способны накапливать деньги на черный день. Мы способны вменить детям (хотя бы изредка) склонность к учебе, а не к прожиганию жизни, воспитать трудолюбие, а не разгильдяйство, и тем самым определить, хотя бы частично, их будущее. Мы не можем

предотвратить ураган или наводнение, но мы способны подготовиться к таким сюрпризам природы и минимизировать потери. Будь у нас голова на плечах, мы могли бы смягчить последствия Чернобыля, а если бы было что-то в этой голове, то и вовсе не допустить этой катастрофы. То есть разум как-то может оказывать влияние на будущее. Ограничимся пока этим и не станем настаивать на большем.

3. Предположим, что разумные решения неравноправны: одни в большей мере определяют будущее, другие в меньшей.

(*Критика платонизма и гегельянства. Хотя это так очевидно, что нет нужды ссылаться на классиков. Но это очевидно только в деятельностном, но не в натуралистическом подходе.*)

Единомыслие есть нонсенс. Бывает только едино-не-мыслие. Мышление и разум – это всегда разномыслие, инакомыслие. Если мы сегодня соглашаемся со вчерашней мыслью, это значит, что мысль-как-процесс была вчера, и в результате этого вчерашнего процесса мы пришли к мысли-как-результату, а сегодня есть только память об этом. Если мы соглашаемся с мыслью другого, то мы признаем, что, промыслив это ранее, пришли к тому же результату. Если мы мыслим дальше, то мысль-результат уже не будет тождественна той, с которой мы только что согласились. Более двух тысяч лет европейцы были убеждены, что если мыслить правильно, то можно прийти к истине, а истина есть результат правильного мышления и она одна. Поэтому существовала иллюзия единомыслия. Факты всегда свидетельствовали об ином: сколько мыслителей (точнее, сколько способов мысли-как-процесса) – столько и истин, но люди упорно стремились к единомыслию.

Только в XX веке ситуация изменилась, люди смирились с плюрализмом. Нет единой истины – нет и единственно правильного способа мышления. Поэтому нет больше науки Логики с едиными универсальными законами, есть разные логики, предписывающие разные правила мышления. И это обстоятельство образа мышления XX века вовсе не предполагает, что правила логики можно безнаказанно нарушать. Вы можете не пользоваться правилами той логики, которой пользуюсь я, но будьте добры строго придерживаться правил той, которой решили воспользоваться вы. А будущее покажет, чей выбор

лучше. В данном случае будущее призывается как судья при выборе логик, с помощью которых мы мыслим.

Но на это можно посмотреть и с другой стороны. Аргументы наступившего будущего будут именно на стороне того, кто выбрал логику, наиболее адекватную этому, еще только наступающему будущему. Можно сказать, что будущее – это приз тому, кто избрал соответствующий этому будущему способ мысли (а следовательно, и действия), и наказание тому, кто ошибся в выборе. В 1991 году можно было выбрать логику ГКЧП или логику Ельцина. В пользу проекта ГКЧП аргументов было достаточно, только это все были аргументы в дефективной логике. За Ельцина были только аргументы из будущего да представления о желательном варианте будущего у литовцев, латышей и эстонцев. Глядя из 1991 года – будущее (на шесть-семь лет вперед) определялось разумным (?) решением тех, кто придерживался логики Ельцина. А если в 1998 году говорить о будущем, то это уже не так очевидно. Кажется, и Ельцин уже отказался от той логики, да и многие другие, например Лукашенко. Но ГКЧП в 1991 году выступил против Горбачева и его логики и политики. Ельцин тогда был третьей стороной. Он обыграл Горбачева не в августе, а в декабре. Решения Ельцина в большей степени повлияли на наступившее будущее, чем решения Горбачева.

Разные разумные решения и логики конкурируют между собой, но вопрос ставится не о том, какая из логик, какие решения более правильны и ближе к истине, а о том, какие решения в большей степени реализуются. Проблема не в истинности, а в реализуемости. Выбирая из разных решений, нужно проверять их именно на реализуемость, спрашивать: а какое из известных решений скорее и в большей степени определит будущее? Если обратиться к актуальной истории Беларуси, то важно определиться относительно нескольких решений. Например, решения беларусских проблем, которые озвучивает Зенон Позняк, вполне разумны и логичны. Но в какой степени можно ожидать, что они будут реализованы в ближайшем или отдаленном будущем? То же самое относится к другим разумным предложениям и проектам обустройства Беларуси: либеральный, социал-демократический, национал-демократический и национал-социалистический пути развития. Если ни один из них не пройдет проверку на реалистичность, то будущее будет определяться криминальным миром или будущего у Беларуси не будет вовсе.

Сам по себе сформулированный принцип может показаться банальным – одни решения лучше чем другие. Но значение его не в этом, а в том, чтобы помнить об этом принципе при разработке решений. Чтобы разум не занимался продуцированием исключительно абстрактно правильных решений. Этот принцип побуждает строить разумные решения так, чтобы они были «чемпионами по реализуемости». С сожалением можно констатировать, что те, кто в Беларуси разрабатывает партийные и иные программы, как будто и не подозревают о такой простой истине, что из множества разумных и правильных предложений реализовано может быть только одно.

4. Предположим, что мера влияния решений на будущее хоть и нетождественна истинности и правильности, но все же истинность и правильность решений связаны с мерой влияния на будущее прямой зависимостью, а не обратной, и эта зависимость, говоря языком статистики, достоверна, а не случайна. Другими словами, чем разумнее решение, тем в большей степени оно определяет будущее (на неразумные, внеразумные, иррациональные решения и действия это предположение не распространяется).

Р. Декарт, И. Кант, И.Г. Фихте, М. Вебер, А.А. Богданов, К. Поппер, Дж. Сорос, Л. фон Берталанфи и вся традиция рационализма.

В огрубленном виде этот тезис сводится к тому, что у более разумных решений больше шансов повлиять на будущее, чем у менее разумных, что более разумные решения лучше менее разумных. Даже если превышение вероятности влияния на будущее очень невелико, все же стоит стремиться к выбору более разумных решений. Настаивать на истинности этого (четвертого) допущения после того, что сказано выше про второе, было бы большой наглостью. Если утверждение о том, что будущее хоть в какой-то мере определяется разумными решениями, является недоказанной (а может, и недоказуемой) гипотезой, то как же можно говорить о самой мере влияния решений на будущее и о мере разумности (истинности и правильности в этом конкретном случае) решений?

В качестве гипотезы с онтологическим содержанием все эти допущения и предположения мало интересны, поэтому нет нужды их доказывать или опровергать. Все эти допущения важны в качестве

деятельностных постулатов, принципов и правил. Поэтому такие допущения обосновываются не тем, что так есть «на самом деле», а тем, что если мы будем поступать в практической жизни, не считаясь с этими допущениями и принципами, то будем делать исключительно глупости, регулярно попадать впросак или, того хуже, впадать в грех и совершать преступления.

Я не знаю, чего было больше в поступках и делах Кебича, Шушкевича и Позняка в 1994 году – глупости, греха или преступной небрежности, когда они отметали все разумные решения и действовали тупо и примитивно, чем и допустили такую напасть для страны. Они как раз основывались на наивно-реалистических онтологиях. Каждый из них думал, что он лучше знает, как обстоят дела «на самом деле», что они «знают свой народ». Свое «знание народа», знание того, «как на самом деле», они никак не проверяли, наоборот – этим интуитивным знанием они проверяли всю информацию, которая к ним поступала. И отбрасывали все, что не соответствовало их интуиции. Например, в 1993 г. Шушкевичу была предоставлена информация о коррупции более полная и достоверная, чем та, которую сбросили Лукашенко. Шушкевичу эта информация не понадобилась, а Лукашенко со своего доклада начал путь к президентству.

При кажущейся простоте настоящего принципа придерживаться его и руководствоваться им очень непросто. Для этого необходимо уметь сравнивать результаты мысли между собой для определения степени их разумности. А на чем может быть основано такое умение? Как определять степень разумности суждений?

В третьем тезисе мы рассмотрели один из критериев – реализуемость. Как бы ни были логичны и изящны разумные построения, они недостаточно разумны, если нереализуемы. Реализуемость не исчерпывает разумности полностью, поскольку истинность суждений (приближение к истине), как другой критерий, отнюдь не отменяется, но они не могут быть сведены друг к другу. Теория может быть очень близка к истине. Так, никто из теоретиков и практиков космонавтики не оспаривает теоретической возможности межзвездных (не межпланетных) полетов, но никто, кроме фантастов, не возьмется утверждать, что они практически осуществимы. И далеко не все, что люди делают (реализуют), имеет отношение к истине.

Помимо двуединого критерия истинности и реализуемости (достаточного для соблюдения обсуждаемого принципа) нам необходим еще формальный методологический принцип фальсифицируемости-верифицируемости разумных суждений. Если некоторое утверждение не может быть формально фальсифицируемо, оно не может быть разумным, как бы таковым ни казалось. Так, идеологические суждения не разумны, поскольку не могут быть фальсифицируемы в самой идеологии. Вся идеология неразумна.

То, что не фальсифицируемо, не может быть верифицированно. Верификация и фальсификация связаны взаимообратной зависимостью: То, что фальсифицируемо, но фальсифицировать его пока не удалось – считается до поры до времени верифицированным. То, что не удалось верифицировать – считается фальсифицированным, правда, не окончательно и не навсегда. Если это принимается, то для соблюдения обсуждаемого принципа можно остановиться на таком варианте: более разумным может считаться такое суждение, которое может быть подвергнуто более изощренным и многообразным способам фальсификации. Грубо говоря – по семикратно отмеренному резать можно смелее и увереннее, нежели по отмеренному единожды и без проверки, тем более по «прикинутому на глазок». Последнее замечание: фальсифицируемость не нужно путать с фальсифицированностью, а верифицируемость – с верифицированностью. Т.е. для разумного суждения быть фальсифицируемым не означает быть сфальсифицированным. Как раз нередко приходится сталкиваться с тем, что только то, что фальсифицируемо, – верифицированно.

5. Допустим, что решением считается текст или сообщение, состоящее по минимуму из двух частей: одна часть содержит описание целей, и/или описание и оценку тенденций и процессов, и/или прогноз последствий или событий; другая – поставленные в соответствие содержанию первой части предложения действий, и/или описание и оценку альтернативных процессов и тенденций, и/или описание и оценку факторов, усиливающих или ослабляющих прогнозируемые последствия.

Легко утонуть в потоке предложений по обустройству будущего. В пятидесятые годы информационный бум очень напугал образован-

ную публику, объем свалившихся на человека знаний и информации заведомо превышал возможности человека по их усвоению и обработке. Гении эпохи Возрождения знали и умели все, что было известно в их время в культуре. Они были образцом отношения к культуре, к знанию и к делу для образованных людей XIX–XX веков. Специалистом в первой половине XX века мог считаться лишь тот, кто знал и умел все в своей сфере знания; если нельзя было уподобиться гигантам XV–XVI веков во всем, то хотелось подражать им хотя бы в своей узкой профессиональной области.

А современные люди открыли для себя истину, что на свете есть очень много вещей, без знания которых можно обходиться. 99% информации ни на что не пригодно, но как во всем море информации обнаружить тот 1%, который необходим? Если вам необходимо из множества решений выбрать одно верное, а вариантов вам предложено сто, и все они достаточно сложны и объемны, и вы станете фальсифицировать и проверять их все, то даже если вы найдете правильное решение – время будет упущено, и ваше решение окажется сильно устаревшим и, соответственно, уже неправильным.

Поэтому никто не занимается анализом всей информации: у каждого принимающего решения есть свои критерии и «фильтры» предварительного отбора информации. Качество решений в наибольшей степени зависит от качества этих «фильтров». «Фильтры» должны отсекать все несущественное и пропускать только то, что заслуживает внимательного рассмотрения. Чаще всего используются бюрократические фильтры. Лица, принимающие решения, встроены в сложные бюрократические механизмы, которые селектируют информацию и пропускают к принимающим решения только то, что необходимо.

Принцип отбора необходимой информации заложен в бюрократический механизм, как программа в компьютер. Разные программы пропускают разную информацию. Поэтому наличие бюрократии само по себе не гарантирует правильности решений, все равно необходимо отлаживать программное обеспечение. Чтобы попасть на глаза лицу, принимающему решение, информация в бюрократической системе должна быть правильно оформлена. Полные правила оформления доступны только самой бюрократии. Поэтому бóльшая часть информации, пропускаемая через систему бюрократических

фильтров, порождается самой бюрократической системой. Вместо информации об объекте управления лица, принимающие решения, получают артефакты, или «искусственные факты», то есть информацию о «фильтрах». Этот механизм погубил Кебича. Вся государственная машина пропускала к нему и другим лицам, принимающим решения, только информацию о собственной лояльности.

Итак, если нам предстоит выбирать одно из нескольких предложений, каждое из которых претендует на статус решения, то что нам необходимо рассматривать и анализировать, а что можно отбросить без рассмотрения? Первое и минимальное требование к предложению или сообщению, которое может быть рассмотрено в качестве возможного решения, состоит в том, что оно должно включать в себя две взаимодополнительные и содержательно и логически согласованные части: 1) онтология объекта или системы, описывающая, с чем мы имеем дело; 2) деятельностно-технологическая схема, описывающая, что будет происходить с этим объектом или системой без нашего участия или с конкретным планом нашего участия.

Например, астрологические сообщения не выдерживают проверки по этому требованию (т.е. не являются решениями), поскольку не содержат первой части. Астрологические тексты полны прогнозов, предсказаний и рекомендаций, но в них полностью отсутствует описание объектов: предполагается, что они интуитивно даны читателю таких текстов. В эту элементарную ловушку попадается наивное сознание, которое «подставляет» в астрологические уравнения собственные интенциональные объекты, а дальше все происходит как в известном арифметическом фокусе «задумай число» (задумай число, помножь его на 2, прибавь 3, отними задуманное число и т.д.). Так в беларусской политике поступает хитроумный Гончар (сам себе астролог)[3]. Не заботясь о понимании содержания объектов, с которыми имеет дело, он тщательно продумывает порядок действий, не замечая, что ходит по логическому кругу, реализует этот порядок и проигрывает.

3 Виктор Гончар – беларусский политический деятель, в 1996 возглавлял Центральную избирательную комиссию. Активно выступал против А. Лукашенко в ходе ноябрьского референдума 1996 года. Отказался признать результаты референдума 1996 г. Возглавил альтернативный Центризбирком во время альтернативных президентских выборов 1999 года. Бесследно пропал в Минске 16 сентября 1999 года. *(Прим. ред.)*

Астрология – это очень примитивный пример, но по такому же принципу построены многие другие псевдотехнические предложения. В такую ловушку попадают поклонники почтенных дисциплин: маркетинга, ТРИЗа, психоанализа, если пренебрегают онтологической работой и онтологической критикой. Противоположный случай – когда пренебрегают второй частью: деятельностно-технологическим анализом. Тогда получаются квазинаучные решения. Теоретически описывается объект или система, описываются законы, которым они подчиняются, на основе этих законов делается прогноз, а потом остается только сидеть и ждать, когда прогноз сбудется.

В беларусской политике много сторонников таких решений. Как наивные марксисты точно знали, что мировая революция неизбежна, так и эти политики точно знают, что неизбежен рынок (или демократия, или открытое общество, или братский союз славянских народов). Тех марксистов Сталин сгноил на лесоповалах или добивал ледорубами, а этих «политиков-сциентистов» Лукашенко вытеснил в маргиналы. К таким псевдонаучным решениям прибегают геополитики, онтологические экономисты, славянофилы и пр.

Разумеется, соответствия минимальному требованию недостаточно для того, чтобы принять решение к исполнению. Ведь формальное наличие двух необходимых частей в варианте решения еще не гарантирует соответствия их друг другу. Часто встречаются решения-монстры, где онтология взята в одной парадигме, а технология совсем в другой. Получаются сапоги всмятку, а принимающий решение никак не может решить, чего ему больше хочется – демократии или осетрины с хреном.

6. Допустим, что разумными считаются решения, содержащие развернутое логическое, теоретическое или эмпирическое обоснование предложений, действий, оценок и прогнозов или указывающие на наличие таковых.

(А что еще? Можно представить себе решения, основанные на откровении, – логика Бога, на основе рефлекса – эмпирика прошлого, или на основании программного автоматизма – внешняя логика и теория составителя программы.)

Формальное соответствие требованиям на право считаться решением еще не означает, что такое решение разумно. И первая и вторая обязательные части предложения, претендующего на статус решения, могут быть мифическими или фантастическими, могут противоречить этике и праву. Например, классовая теория общественных отношений, которая при всех условностях может быть принята как разумная онтология, диктует совершенно антиправовой и аморальный порядок действий. Как иначе можно расценить решения типа «уничтожение кулака как класса»? Или разумный порядок интеграционных действий может извращаться фантастической онтологией панславизма. Существует множество описаний объекта действия и управления, которые разумно не обоснованы, а получены как резонерство по поводу мифов и предрассудков. К таким квазионтологиям можно отнести все описания менталитета народа, или описания хозяйства страны, построенные на основе политэкономии социализма, геополитические описания «народов – разбойников суши» и «народов – разбойников моря». Обоснование онтологической части решения может быть логическим, теоретическим или эмпирическим, но не интуитивным или полученным через откровение свыше. Обоснованным может считаться только то, что может быть проверено, причем проверено неоднократно и любым субъектом, который владеет процедурами проверки. Интуиция же и откровения не проверяются, а потому даже самые гениальные интуитивные решения неразумны. Правда, есть для этого две лазейки – юридическая ответственность и страхование. Если субъект, принимающий решение, не может обосновать свой образ мысли об объекте, но имеет четкий план действий, он принимает на себя ответственность за решение и отвечает за него по существующему закону, отвечает имуществом, должностью, репутацией (что при нормальной системе выборов является достаточной мерой ответственности для политика) или жизнью (в предельных случаях, как самураи в Японии или дворяне в Европе, а также деятели криминального бизнеса). Своеобразной заменой обоснованности рискованных решений в цивилизованном мире является страхование ответственности, фактическое поручительство или перекладывание ответственности на другого субъекта, который делает это добровольно, но за соответствующую страховую премию. Для современного режима в Беларуси характерен специфический вид страхования при принятии решений на государственном

уровне. Поручителем по глупым решениям выступает Россия, причем в качестве расчета за предоставление страховки выступает национальное имущество и государственность Беларуси. Соответственно, при принятии решений в национальном масштабе бессмысленно искать разумные обоснования, поскольку все застраховано. Разумность же данной страховки относительна; со стороны поручителя или страхователя все разумно – страховой взнос заведомо больше тех потерь, к которым может привести глупая политика. Например, полная изоляция Беларуси в мире и непризнание ее международным сообществом не распространяется на Россию, а после инкорпорации Республики Беларусь в Российскую Федерацию в таком признании нет никакого проку. Режим, застраховавший свою ответственность за такую цену, идет на большой риск, но, видимо, считает его оправданным. А народ Беларуси не понимает, что его внесли в качестве залога, что все национальное и частное имущество в стране – предмет ипотечного права. А те, кто это понимает, становятся непримиримыми противниками режима. Но быть противниками режима – значит занимать позицию, сама позиция обоснованна априорно: это моя собственность, и никто без моей воли не может вносить и принимать ее в качестве залога, тем более в сомнительных сделках. Занятие позиции еще не означает разумности принимаемых в этой позиции решений. Да и возможность принятия решений еще не гарантируется. Ведь при крепостном праве (или рабстве) использование людей и их собственности в качестве залога и предмета купли-продажи были обычной практикой, а крепостной и раб не могли своими решениями изменить ситуацию. Их решения имели своим объектом собственность, а изменить ситуацию можно было только изменив такой объект как право (отмена крепостного права или запрещение рабства).

Отсюда требование разумной обоснованности второй части решения – плана действий. Томас Джефферсон написал Конституцию США и был президентом этой страны. Кроме того, его беспокоила проблема рабства, он даже отпускал своих рабов на волю. Но он работал с частным правом, с правом отдельного раба и отдельного рабовладельца; при таком подходе рабство в Америке продолжало существовать еще много десятилетий.

Разумное обоснование деятельностно-технологических схем – это методы современного планирования и программирования дея-

тельности, согласованные с объектом деятельности. Талакой можно построить традиционную деревенскую хату, программа талаки так проста и очевидна, что только сумасшедший начнет крыть крышу, не возведя стены. Но достроить Дворец Республики на Центральной площади Минска талакой невозможно – здесь необходима современная программа, и сделать ее может только владеющий современными методами прораб. Поддержание порядка в деревенской общине не требовало писаного права, достаточно было обычного, то есть традиционных представлений членов общины о справедливости, но уже самый маленький город не может жить без устава. А государству нужен большой и разветвленный свод законов, процедур и правил. Известно несколько версий того, как писалась, а потом правилась Конституция РБ 1994 года. Лев Сапега, наверное, беспрестанно ворочался в своем гробу в это время. Неразумного и просто глупого в этих действиях было очень много. Например, когда писалось слово «президент» – подразумевалось «Кебич», писалось «Сейм» – исправлялось на «Верховный Совет», писалось «герб» – подразумевалась «Погоня», но записать это постеснялись. Конституция 1994 года очень похожа на деятельностно-технологическую схему функционирования государства, но сделана без разумного обоснования. К тому же авторы не несут никакой ответственности, потому что те, кто ее писал, не знают тех, кто правил написанное, а те, кто правил, не признаются, на чем основаны их правки.

7. Допустим, что мера влияния разумного решения на будущее определяется степенью совпадения содержания телеологической, оценочной и прогнозной части решения с эмпирически установленными феноменами реализованного и осуществившегося будущего, при выполнении требований и условий предписывающей и констатирующей части решения.

(Онтологические схемы в СМД-подходе[4].)

Мы формулируем самые общие и минимальные требования к решениям об обустройстве в Беларуси. Если опустить все обоснования,

4 СМД-методология (подход) – системо-мыследеятельностная методология; подход, разрабатывавшийся в рамках Московского методологического кружка, развитие которого осуществляется В. Мацкевичем в Беларуси в рамках программы культурной политики. *(Прим. ред.)*

которые приводятся в этом тексте в пользу формулировки этих требований, то упрощенная формула решения может иметь вид: если с объектом X сделать действие Y, то получится результат Z. Каждая из трех переменных формулы может принимать разные значения. Так, действие Y может быть бездействием или определенным порядком действий. *Например, если с беларусской армией (Xj) ничего не делать (Y = 0), то она станет угрозой государству (Zj) и источником социальной нестабильности (Zj-i). Если в беларусской армии (Xj) провести реформу (Yk – здесь Yk полагается как развернутый план реформы с программой действий), то мы надежно обеспечим безопасность государства (Zb), но будем испытывать экономические трудности с ее обеспечением (Zb-e) и получим социальное напряжение среди учащейся молодежи (Zb-e-m).* Понятно, что прагматическая проблематика сосредоточена на переменной Z. Именно прогнозируемые последствия интересуют нас при рассмотрении разных вариантов решений. И проверяя имеющиеся последствия тех или иных действий, мы можем судить о правильности и истинности X и Y. Если предлагалось сделать с Xa действие Ya, чтобы получить Za, а Za наступило само, без нашего участия, – значит, действие Ya было избыточным, а решение неправильным. Т.е. даже наступившие желательные последствия могут служить опровержением правильности тех или иных решений. Если мы все же выполнили действие Ya, а последствием стало Zb, у нас тем более есть все основания отвергнуть решения типа XaYaZa. С другой стороны, если мы не смогли выполнить Ya, а только Ys, и не получили желаемого Za, то у нас нет оснований отвергать решение XaYaZa. И так далее.

Два примера.

1. Одно решение гласит:

Xc – в Республике Беларусь плохая государственная символика.

Yc – давайте проголосуем за то, чтобы сменить Погоню на «капусту», а бело-красно-белый флаг на красно-зеленый.

Zc – так мы победим националистов, и жизнь без них станет лучше.

Выполнили Y. Частично ожидаемые последствия Z наступили, влияние националистов сильно подорвано.

В то же самое время альтернативное решение формулировалось по-другому:

Xd – в Республике Беларусь инициировано движение за восстановление советской символики.

Yd – предлагается этого не делать. Потому что если все же будет сделано Yc, то

Zd – придется распрощаться с последними надеждами на иностранные инвестиции, что, кроме прямых затрат на смену символики, приведет к многомиллиардным потерям для национальной экономики.

От Yd отказались, сделали Yc. Инвестиций нет, прогноз Zd подтверждается, но и Zc частично тоже.

Какое из двух решений было правильным?

2. Более свежий пример:

X – объектом деятельности правительства является интеграция между государствами.

Y – если мы заключаем Союзный договор с соседней державой, поступившись частью суверенитета, то

Z – товарооборот с этой страной существенно вырастет, мы станем жить лучше.

Действие Y осуществляется. Товарооборот с Россией вырастает на 40%. Вместе с тем товарооборот с Украиной за год вырастает в 2-2,5 раза (на 100-150%), по признанию автора предложенного решения. Как нам оценить в этом уравнении переменную Z? Привело ли действие Y к желательному Z, или желательные последствия наступили без нашего участия (без участия лица, принимавшего решение)?

Именно поэтому и необходимо наше седьмое допущение. Наступившее будущее само по себе не является оценкой правильности решений и действий в прошлом. Оно может быть таковым только при подстановке в уравнение, связывающее компоненты прошлого и будущего, причины и следствия в одно решение. «**После того» не значит «вследствие того**».

8. Нам придется допустить возможность нескольких разумных решений для одного вопроса по причинам: заведомой неполноты любого знания, представляющего собой материал для принятия решения; наличия различных методов и подходов в принятии решений; различия целей у принимающих решения.

К. Гёдель, К. Поппер, И. Хинтика, В. Лефевр.

Семь предыдущих постулатов и допущений просты и даже очевидны. Их формулировка не представляет собой ничего сложного, их между делом может сформулировать каждый, если ему нужно не просто выбрать из нескольких решений одно, но еще и объяснить другим (коллегам, оппонентам, ученикам или неофитам) основания для выбора. В формальном отношении все эти допущения необходимы (насколько они достаточны, я пока судить не берусь, это не входит в мою задачу), и на этом можно было бы остановиться, если бы дело шло только о таком специфическом объекте как решения субъекта в классической паре субъект-объект. Где субъектом выступает либо лицо, принимающее решение, либо лицо, выставляющее оценку (или критикующее, консультирующее, обучающее и т.д.) лицу, принимающему решение. А объектом – решение, которое либо вырабатывается, либо принимается, либо критикуется как принятое или непринятое. Субъект нуждается в формальном или идеальном представлении объекта, но, как правило, не интересуется самим собой, т.е. субъектом. Для обоснования отсутствия такого интереса к субъекту привлекается почтенное требование объективности – суждения об объекте должны быть свободны от субъективности. Мы же не будем творить себе кумира из объективности (см. Второе введение в «Беларусскую демократию: вопреки очевидности» и соответствующие разделы в «Беларуси: вопреки очевидности»[5]). Нас в данном тексте субъект решения занимает не меньше объекта, а то и больше. Все последующие допущения-требования, начиная с этого, касаются именно субъекта. И как требования вводятся словами: «нам придется допустить ...» Если мы не допустим всего этого относительно самих себя, мы не обретем способность что бы то ни было решать в Беларуси.

Если обратиться ко второму примеру из предыдущего раздела, то остается много вопросов относительно комплексного решения.

5 Мацкевич В.В. Беларусская демократия: вопреки очевидности. – Минск, 1995; переиздание в сборнике: Мацкевич В.В. Беларусь: вопреки очевидности. – СПб., 2006.

Как связаны темпы роста товарооборота с политическими союзами? С Украиной товарооборот может расти без союза, но ведь это не значит, что с Россией он тоже мог бы расти без союза? Нужен ли вообще рост товарооборота с Россией? Может быть, его нужно сокращать в пользу Украины или Пакистана? Мы можем оценить разумность и правильность того или иного решения, если: 1) знаем правила и формальные принципы построения решений и умеем их применять; 2) знаем материал и содержание X, Y и Z и умеем оценивать и сравнивать их в мерах полезности, целесообразности, добра и т.д. Что касается первого – знания формальных правил и принципов – то здесь мы вправе претендовать на полноту знания и квалификацию в применении этих знаний. А относительно материала и содержания объектов, программ и планов, оценок полезности событий и явлений, такой уверенности нет и быть не может. Мы не знаем гораздо больше того, что знаем. Само по себе не страшно, что «есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам». Страшно, когда «мудрецы» принимают свое полузнание за полное знание. Страшно, когда недоучки и шарлатаны навязывают действия, придуманные исходя из заведомо неполноценного знания, таким системам как государство или большие корпорации. Не так страшно, но все равно опасно думать, что существует некто, кто владеет полным знанием. Истинная мудрость состоит не в пижонстве – я знаю, что ничего не знаю, а в реалистичности – я всегда знаю о чем-то только часть того, что про это вообще можно знать, и в разумной ответственности – на основе этого частичного знания я должен принять правильное решение. Именно такое отношение исключает нетерпимость к оппозиционному альтернативному мнению и решению. Такое отношение стимулирует диалог и интерес именно к альтернативному мнению в большей степени, чем к мнениям, совпадающим с моим собственным. Такое гносеологическое и эпистемическое отношение (в корне противоречащее диамату и марксизму) лежит в философских основаниях современной демократии. Диалог, обсуждение и компромисс как формы осуществления современной демократии базируются на этом принципе и с большей вероятностью ведут к разумным решениям, чем любые другие формы политической организации, хотя и не гарантируют правильности и разумности всегда и всюду.

9. Нам придется допустить различия между разными разумными решениями и даже противоположность их друг другу.

И. Кант и все, что после Канта.

Данный принцип (как и последующие) является всего лишь доведением до логического конца предыдущего. Противоположность различных решений не может быть объяснена только разницей в целях у тех, кто принимает решения, поэтому согласование целей не приводит к единым решениям. Различие решений между собой не обязательно предполагает, что одно решение из двух ошибочно. Современный мир плюралистичен. Цивилизации и культуры развиваются разными путями, и невозможно привести их к единому знаменателю. Выбирая свой путь, нам часто приходится отказываться от всей системы взглядов и представлений, лежавших в основании того пути, по которому мы двигались раньше. И этот отказ вовсе не означает, что те, кто предпочел другой путь или остался со старыми представлениями, не достигнут того, что считают важным, полезным и ценным. Просто мы и они будем считать ценным и полезным разное. Нам придется делить с ними общее пространство для жизни. Жить самим и давать жить другим. Это не так просто. Католики XVI–XVII веков не могли себе представить, как они могут существовать в одном мире, в одной стране, в единой Европе с еретиками-протестантами: кальвинистами, лютеранами, баптистами и квакерами. Они не допускали мысли о том, что протестанты думают иначе. То есть они знали, что протестанты иначе думают на религиозные темы. Но они думали, что протестанты – так же, как они – не допускают существования католиков в одной стране с ними, что они будут так же преследовать католиков, как те – протестантов. Но протестанты были куда радикальнее, чем католики могли себе представить. В «мире протестантов» (так, как представляли его себе сами протестанты) было место для католиков, а в «мире протестантов» (так, как его представляли себе католики) места католикам не было. То есть протестанты и католики были не просто врагами и оппонентами – они жили в разных мирах. При этом мир протестантов сложнее мира католиков (он возможен всилу действительного существования свободы слова, отделения церкви от государства и секуляризации науки, культуры, образования), а потому просторнее, в нем могут жить и католики, которые постепенно научились в нем жить. Те же из католиков, которые не смогли освоить этот новый мир, – вымерли (иезуиты, например). Но до сих

пор есть католики с архаичным мировоззрением, которые не подозревают о существовании этого иного мира протестантов; в их представлении протестанты просто победили и с ними невозможно справиться – этакое вынужденное мирное сосуществование. Но такие католики не понимают, что живут в резервации, что их мир беднее и примитивнее, что существование их мира возможно только потому, что существует более сложный мир протестантов. Таких обособленных мирков в современном мире много. В таком бедном мире живут коммунисты, архаичные националисты, православные и многие другие. Беларусы и русские не могут примириться с расширением НАТО потому, что не могут себе представить иной мир, чем мир «холодной войны». Они не могут освоить новые реалии мира, в который они постепенно входят, они хотят жить в резервации – в заповеднике «Холодная война». Не исключено, что многие прибалты стремятся в НАТО, тоже живя в том же мире, что и беларусы, – в соседнем заповеднике, только цели, страхи и ценности у них иные. Все мы себя тем самым обедняем. Вместо того чтобы осваивать усложнившийся и очень интересный мир, мы отгораживаемся от него.

10. Нам придется допустить локальность и частичность всех разумных решений по причине их множественности, а значит, невозможность учета и прогноза всех последствий их реализации.

(К. Поппер, А.Ф .Хайек, девиз концепции «устойчивого развития»: мыслить глобально, действовать локально.)

С этим требованием трудно смириться приверженцам некоторых типов мировоззрения и последователям многих философских систем. Это мировоззрения и философии, склонные к крайним умозаключениям типа «от меня (от человека вообще) ничего не зависит в этом мире» или «все во власти человека» (будь то абстрактный идеальный человек или конкретный Сталин, Лукашенко и т.п.). Данное же требование имеет под собой ту мировоззренческую посылку, что **все, до чего дотягиваются руки человека, человек способен изменить, но эти изменения всегда частичны и очень редко совпадают с его замыслом**. Из такой посылки вытекает множество следствий, имеющих практические последствия:

– Необходимо отдавать себе отчет в том, куда «дотягиваются наши руки, а куда нет».

– Мы несем ответственность за состояние дел во всех сферах, «куда дотягиваются наши руки».

– Мы несем ответственность за плохое состояние дел в сфере, «куда дотягиваются наши руки», но где мы рук не прикладывали. Т.е. мы ответственны за леность, попустительство и бездействие.

– Мы несем ответственность не только за сделанное нашими руками в соответствии с нашим замыслом, но и за то, что получилось в результате наших действий неожиданно. Т.е. мы отвечаем за ошибки и непредвиденные последствия наших действий.

– Ответственность за ошибки и последствия действий должна быть отнесена на счет мышления, в котором мы замышляли наши действия.

– Когда мы не уверены в последствиях планируемых действий, это не является основанием для бездействия, а только для смены объекта действия: в таком случае наше действие должно быть направлено на само мышление.

– Мышление, которое предшествует действию, само является «делом рук человеческих». Мы несем ответственность за состояние нашего мышления.

– С мышлением необходимо работать так же, как мы работаем со всеми другими явлениями в мире.

– Мы можем отвечать только за свое собственное мышление, поэтому должны мириться с тем, что другие думают (а значит, и действуют) по-другому.

– При всей справедливости предшествующего тезиса мы не обязаны мириться с тем, что кто-то думает лучше (основательнее, глубже, «шире») нас, мы вправе совершенствовать свое мышление и стремиться к тому, чтобы думать лучше всех. Только так мы вправе рассчитывать на то, что последствия наших действий будут ближе к нашим замыслам.

– Осознание и понимание своей частичности и локальности (невсесильности) есть признак хорошего, компетентного мышления.

– Если бы все было не так, то жить, работать и мыслить было бы неинтересно, а так – наоборот: никогда не знаешь до конца, что из всего этого получится.

А конкретизация всего сказанного означает, что Беларусь сможет выкарабкаться из полосы неудач только тогда, когда обзаведется самым лучшим (из современных) мышлением. Поскольку не известно, какое именно мышление самое лучшее, то в Беларуси придется осваивать разные способы и методы мышления, становиться мыслящей страной, ну а мыслящая страна как-нибудь найдет решение проблем – тех, до которых дотягиваются руки.

11. Нам придется допустить независимость друг от друга оценок истинности и разумности решений и оценок добра и блага, ожидаемых от их реализации.

И. Кант и неокантианцы

Этот последний тезис вряд ли нуждается в развернутых комментариях и обоснованиях после того, что сказано выше.

Он необходим для того, чтобы понимать:

– все уже сказанное и то, что последует ниже, обязательно кому-нибудь покажется неубедительным, ложным или неразумным. Кому-то это не понравится. Кто-то посчитает это вредным – например, потому, что это отвлекает от «насущных» дел.

Он необходим для того, чтобы не отвлекаться:

– на суету «насущных» дел, которые все равно не приводят к желаемым результатам;

– на полемику с теми, для кого существует совершенно иная действительность. Например, нет смысла дискутировать со «славянами», гражданами СССР, политиками-нарциссами, которые видят и слышат только себя, и многими другими;

– на оппонентов, которые не рефлектируют основания наук и областей знания, которыми занимаются, поскольку они даже не подозревают, что в мире существует мышление.

Только коллективное сотрудничество может привести к успеху

Интервью главного редактора журнала «Адкрытае грамадства» Михаила Плиско с методологом и гуманитарным технологом Владимиром Мацкевичем («Адкрытае грамадства», №1, 2001 г.).

– Владимир Владимирович, в середине 90-х Ваше имя часто можно было встретить на страницах беларусских газет. В 1996 году увидела свет Ваша книга «Беларусская демократия: вопреки очевидности». Примерно в то же время было создано Агентство гуманитарных технологий. Несмотря на Вашу широкую известность в определенных кругах, мало кто знает о том, как Мацкевич пришел в большую политику, что побудило его ею заняться. Не могли бы Вы рассказать об этом подробнее?

– В ответе на вопрос «как я пришел в политику?» есть два аспекта: один – как я туда пришел, второй – как я сделал это в Беларуси. Для меня это важно, т.к. я сюда приехал только в 1994 году.

Мое вхождение в политику происходило через занятия философией и методологией. В какой-то момент своей философско-методологической эволюции я пришел к выводу, что прорабатывать гуманитарные технологии и исследовательски, и теоретически, и практически удобнее всего через такую область человеческой деятельно-

сти как политика. Вести работу в области гуманитарных технологий и ограничиваться только сферой образования (речь шла о реформе образования) и бизнеса для меня было недостаточно, тем более что я знал, что рано или поздно все равно вернусь на свою историческую родину. В этом плане Беларусь явилась полем применения тех знаний, которые я к тому времени имел. Мне хотелось заняться живой практической работой, включиться в процесс строительства новой Беларуси. 1994 год для выполнения этой задачи был идеальным, т.к. в этом году проходили выборы президента. Я считал, что мои теоретические знания и наработанные практики, связи с определенными людьми могут быть полезными тогдашним кандидатам в президенты. Я рассчитывал войти если не в круг людей, определявших направление развития политических событий, – политический истеблишмент, то по крайней мере в число людей, близких к нему. Кроме того, было организовано Агентство гуманитарных технологий, которое стало своеобразной визитной карточкой того, что я мог и хотел делать.

– Владимир Владимирович, чем Вы занимались до возвращения в Беларусь, была ли у Вас возможность проверить Ваши теоретические наработки – гуманитарные технологии – на практике?

– После армии я остался учиться в Ленинграде и с тех пор только этим и занимаюсь, но занимаюсь своим образованием через практическую деятельность. Наиболее полезной с этой точки зрения для меня была практика оргдеятельностных игр. Мне посчастливилось применить свои знания и практики как минимум в десяти свободных экономических зонах бывшего Советского Союза: от Сахалина и Находки до Закарпатья и Армении. В конце 80-х – начале 90-х годов я работал в Латвии в тесном контакте с Народным Фронтом и русскоязычным Центром демократических инициатив. Мне даже пришлось потрудиться в первом правительстве независимой Латвии, в правительстве Годманиса[1], хотя я и не являлся гражданином этой страны. Можно даже сказать, что я внес определенный вклад в нормализацию национальных отношений в этой стране, т.к. состоял на службе в Департаменте по национальным вопросам. Затем я работал с администрацией Красноярского края, с губернатором Зубовым, т.е. еще до прихода во власть генерала Лебедя, а также с администрацией Калининградской области.

1 Иварс Годманис – в 1990–1993 гг. премьер-министр Латвии. *(Прим. ред.)*

Что касается проверки моих собственных теоретических наработок (знаний), то об этом можно говорить только в отношении того времени, когда я полностью стал работать самостоятельно. И этот период как раз совпадает с моим приездом в Беларусь. При этом следует иметь в виду, что я не политик и не государственный чиновник, наделенный какими-то властными полномочиями. Я – «культурный политик», т.е. человек, который разрабатывает гуманитарные технологии в качестве вольного, если угодно – «бродячего» философа.

О практических результатах можно говорить на основании успешности реализации тех или иных проектов, разработанных мною или с моим участием, а также карьерного роста людей, прошедших обучение в Агентстве гуманитарных технологий. Политические аналитики, реформа образования, планирование карьеры, консалтинг в бизнесе, работа в СМИ – это только небольшая часть развертывания программы культурной политики в Беларуси. Конечно, не все проекты были удачными. Одно дело, когда ты сам являешься разработчиком проекта и его исполнителем, и другое – когда в реализации проекта задействовано множество иных людей и ты выступаешь в роли только одного из разработчиков или в качестве консультанта. Это можно проиллюстрировать на примере «Хартии'97». Буквально через три месяца после запуска этого проекта я вынужден был от него отойти, причем не только я, но и большинство из тех, кто задумывал и начинал этот проект.

– Один из литературных героев Михаила Булгакова сказал, что «разруха – не в стране, а в головах людей». У кого, по Вашему мнению, в Беларуси наблюдалась «разруха в голове»: у элиты, продумывавшей направления дальнейшего развития страны, или у народа, не способного воспринять навязываемые ему высокие материи, или, может быть, и у тех и у других? В 1994 году, после долгого отсутствия, Вы вернулись в Беларусь. Какой Вы ее увидели?

– Надо сказать, что, вернувшись в Беларусь, я оценил ее интеллектуальный потенциал как очень высокий. Особенно если сравнивать его с другими районами бывшего Советского Союза, где мне удалось побывать. Но, к сожалению, в Беларуси этот потенциал так и остался потенциалом, он не принял реализационных форм. Что касается сегодняшнего положения дел, то я вспомнил бы другое известное выражение Булгакова и сказал так: беларусы – народ как на-

род, у них нет ни рогов, ни хвостов, среди них есть преступники и порядочные люди, дураки и гении. Конечно же, за то, что происходит в стране, основная масса людей не несет никакой ответственности. Ответственность лежит на тех, кто присвоил себе право управлять этими людьми, определять ход развития общественных процессов, утверждая при этом, что действует на основании мандата, выданного народом. И поскольку у этих людей отсутствует гуманитарная составляющая их знаний, это дает основание говорить о «разрухе» в их головах. Приведу один пример. В 1994 году я свел одного из кандидатов в президенты – Шушкевича[2] – с компанией «Николло-М», которая через пять лет, в 1999 году, была признана лучшей имиджмейкерской компанией России. Это давало ему в руки огромный интеллектуальный ресурс и преимущество над соперниками. К сожалению, Шушкевич из-за недостатка гуманитарных знаний не смог по достоинству оценить уровень профессионализма этой команды. Это было основной причиной, побудившей ее после месяца работы вернуться в Россию. То же самое мы наблюдаем и сейчас. Об этом свидетельствует уровень команд, которых привлекают предполагаемые кандидаты в президенты: Михаил Чигирь[3], Владимир Гончарик[4] и Семен Домаш[5]. Это все тот же местечковый подход, стремление работать по привычным советским схемам, которые могут привести к успеху разве что на выборах в местный Совет. Из всех знаковых политических фигур, пожалуй, только Геннадий Карпенко[6] незадолго до

---

2 Станислав Шушкевич – в 1991–1994 гг. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь, в 1994 г. участвовал в качестве одного из кандидатов на первых президентских выборах в Беларуси. *(Прим. ред.)*

3 Михаил Чигирь – в 1994–1996 гг. премьер-министр Республики Беларусь, в 2001 г. участвовал в кампании по выборам президента, однако не собрал необходимого количества подписей для регистрации в качестве кандидата. *(Прим. ред.)*

4 Владимир Гончарик – в 1986–2001 гг. глава Федерации профсоюзов Беларуси, в 2001 г. баллотировался на пост президента, был выдвинут единым кандидатом от демократических сил. *(Прим. ред.)*

5 Семен Домаш – в 1990–1996 гг. депутат Верховного Совета Республики Беларусь, в 1993–1994 гг. председатель Гродненского облисполкома, в 1994–1996 гг. председатель Гродненского областного Совета депутатов. После ноябрьского референдума 1996 г. и разгона Верховного Совета ушел в оппозицию против А. Лукашенко. В 2001 г. баллотировался на пост президента, снял свою кандидатуру в пользу В. Гончарика. *(Прим. ред.)*

6 Геннадий Карпенко – в 1995–1996 гг. заместитель Председателя Верховного Совета Республики Беларусь. После разгона Верховного Совета стал главой оппозиционного Национального исполнительного комитета. Скоропостижно скончался в 1999 г. *(Прим. ред.)*

своей преждевременной смерти осознал необходимость работать по новым технологиям.

– В 1995 году Вы баллотировались кандидатом в депутаты Верховного Совета, причем по тому же округу, что и лидер БНФ Зенон Позняк[7]*. В 1998 году на съезде ОГП Вы составили конкуренцию Станиславу Богданкевичу*[8] *при избрании председателя партии. Что это было – желание эпатировать публику или доказать на практике истинность Ваших познаний в области гуманитарных технологий?*

– Конечно, во всем этом имелась известная доля эпатажа, игры… Я хотел обратить внимание на выводы, к которым пришел на тот момент, ну и раскрутить имя тоже. Но не это было главным. Политика есть коллективное дело, и лидеры обязаны слушать не только себя. Когда в спокойной обстановке я не мог достучаться до политика, чтобы объяснить ему некоторые вещи, которые я считаю важными, я прибегал к таким действиям, что делало меня видимым. После этого я мог поговорить с ним всерьез о проблемах, которые меня волновали. Фактически я реализовывал гуманитарный принцип исследования действием. Первым человеком, которому я предложил свои услуги, приехав в Беларусь, был Зенон Позняк. Я и до сих пор считаю, что Позняк, находясь за границей, своим харизматическим чутьем чувствует некоторые вещи лучше, чем кто-либо из политиков, живущих в Беларуси. Этого достаточно, чтобы воодушевить своих сторонников и повести их за собой, но этого мало: догадки и предположения необходимо схематизировать, придать им логически стройный вид. Только в этом случае их можно реализовать на практике.

Область знаний, в которой я работаю, позволяет любые проявления человеческой деятельности рассматривать как определенную сумму гуманитарных технологий. Методология – это мой способ мыслить гуманитарные технологии и Беларусь. Вот, скажем, «этнос». Мы можем помыслить и схематизировать две полярно противоположные этнотехнологии: этноцида и этнотектоники, т.е. уничтожения и сотворения этноса. К первой из них имеют прямое отношение

7 Зенон Позняк – один из основателей Белорусского Народного Фронта, в 1994 г. участвовал в качестве одного из кандидатов на первых президентских выборах в Беларуси. *(Прим. ред.)*

8 Станислав Богданкевич – в 1991–1995 гг. председатель правления Национального банка Республики Беларусь, в 1995–2000 гг. председатель Объединенной гражданской партии, с 2000 г. – почетный председатель партии. *(Прим. ред.)*

те же Заметалин[9] и Лукашенко. Но если я могу разработать модель этноцида или реконструировать ее, то я могу предложить и контртехнологию, которая поможет нейтрализовать негативные последствия мер, направленных на ликвидацию народа. Так вот, Позняк на уровне интуиции прекрасно чувствует угрозы, которые могут подстерегать беларусский народ, но он никогда не занимался разработкой практических схем, которые бы могли ликвидировать или свести на нет сами эти угрозы. Поэтому он выплескивает свою боль в виде статей, заявлений, но это больше похоже на крик души, и его способны услышать только те люди, которые или чувствуют то же самое, что и Позняк, или безоговорочно ему верят. Повторю еще раз: для того чтобы победить, одного крика мало: для этого необходимы профессионально разработанные социальные технологии. А это именно то, чем я занимаюсь. И если наши усилия соединить – мы могли бы добиться значимого результата, получить реальную картину происходящего в стране. К сожалению, никто у нас сегодня не ведет серьезных научных аналитических исследований. Практические политики не проявляют интереса к подобного рода деятельности и не поддерживают ее. Поэтому сплошь и рядом имеют хождение упрощенные схемы, не поднимающиеся выше обывательских рассуждений: например, что Лукашенко сдает суверенитет Беларуси. Но это далеко не так. И ему самому, и его окружению суверенитет выгоден. У нас происходит нечто более страшное: у нас набирает темпы этноцид, т.е. уничтожение не государственности, а беларусского народа. Хотя, конечно, разрушается и государство, но только в той степени, насколько это способствует размыванию этноса.

– В книге «Беларусская демократия: вопреки очевидности» Вы писали о том, что у нас была не развита интеллектуальная инфраструктура политической деятельности. Что изменилось в этом плане в стране за последние семь лет и что нужно сделать, чтобы развить ее?

– Я считаю, что начиная с 1994 года я немало сделал для того, чтобы развить эту инфраструктуру. Именно я первым стал не только писать аналитики, делать политические прогнозы и рассматривать схемы возможного развития событий, но и публиковать результаты своих исследований в СМИ. Я вынудил беларусских интеллектуалов

9 Владимир Заметалин – в 1995–2001 гг. был на руководящих постах в Администрации президента и правительстве Республики Беларусь. *(Прим. ред.)*

поднять планку своих исследований. В Беларуси могла сложиться нормальная инфраструктура политтехнологий, если бы не ряд обстоятельств – например, трагическая гибель осенью 1996 года руководителя НЦСИ «Восток-Запад»[10] Анатолия Майсени[11]. Возможно, эту нишу могли занять не персоны, а организации, но они, как это сделал НИСЭПИ[12], пошли по более легкому пути. Созданное мною Агентство гуманитарных технологий также не смогло заполнить эту нишу. Возможно, причина неудачи была в том, что на тот момент среда, в которой предстояло создавать верхние этажи интеллектуальной инфраструктуры, не была готова к конкурентной борьбе. И до сих пор эта ниша остается незанятой, хотя в области политтехнологий появились новые интересные имена и отдельные группы исследователей. Но появились и проблемы, которых раньше не было – например, утечка кадров: люди, не находя здесь применения своим способностям, стали уезжать из страны, в первую очередь в Россию. Остаются только те, у кого национальные чувства превалируют над профессиональными и карьерными соображениями. Например, из первого выпуска Агентства из Беларуси уже уехало несколько человек, включая Павла Шеремета[13].

– В свое время неоконсерваторам на подготовку неоконсервативной революции, которая осуществилась в США и Британии в конце 70-х годов, понадобилось не менее 20 лет упорного труда. Была создана настоящая сеть институтов, которая занималась пропагандой неоконсервативных ценностей. В нее входили не только исследовательские и научные центры, но и газеты, всевозможные фонды, общественные организации, издательства, театры, музыкальные группы и т.д. и т.п. Что нужно сделать беларусским демократам, с чего им необходимо на-

10 НЦСИ «Восток-Запад» – Национальный центр стратегических инициатив «Восток-Запад», созданный Анатолием Майсеней в 1993 г., с 1997 г. именуется Аналитическим центром «Стратегия». *(Прим. ред.)*

11 Анатолий Майсеня – беларусский журналист и политолог, основатель и руководитель НЦСИ «Восток-Запад». В 1996 г. погиб в автокатастрофе. *(Прим. ред.)*

12 НИСЭПИ – Независимый институт социально-экономических и политических исследований, созданный в 1992 г. группой ученых, журналистов, политиков и бизнесменов. *(Прим. ред.)*

13 Павел Шеремет – беларусский и российский журналист. В 1996–1997 гг. главный редактор «Белорусской деловой газеты» и руководитель беларусского бюро Общественного российского телевидения. В 1997 г. был подвергнут в Беларуси уголовному преследованию за профессиональную деятельность. С 1998 г. работает в ведущих российских СМИ. *(Прим. ред.)*

чать, чтобы переломить ситуацию и выйти из тупика, в который нас завел режим Лукашенко?

– Прежде всего я хотел бы уточнить понятие «консервативная революция», поскольку оно не отражает в полной мере того, что произошло в действительности. Это не был в чистом виде консервативный поворот, так как консервативные ценности причудливым образом переплелись с популизмом. Тем не менее в ходе этого поворота произошла значительная переоценка ценностей. Ценности, связанные с потребительским обществом – обществом всеобщего благоденствия, отошли на второй план, а приоритет получили ценности духовно-ментального и интеллектуального плана. И, что важно, они получили всеобщее распространение, стали массовыми и не чуждыми огромному количеству людей. Разве не удивительно, что рафинированнейший философ Мартин Хайдеггер в 1953 году выступает по баварскому радио со страшно сложной лекцией «Что такое мышление?», а известный французский философ Мишель Фуко на радио читает целый цикл лекций по философии? Это говорит о том, что духовные ценности стали составной частью западного менталитета. И пока в Беларуси интеллект будут оценивать, беря за эталон массовую культуру, пока не произойдет иерархизация интеллектуальной деятельности, а значит, и интеллектуального продукта, у нас ничего путного получиться не может. А избиратель везде одинаков. Как правило, он выбирает кандидата не по политическим критериям, а по тому, похож ли он на него самого или известный ему секс-символ, по внешности, по умению держаться на публике, и т.д. Вот здесь-то и проявляется роль политической инфраструктуры. И ее функция состоит не в том, чтобы научить избирателя разбираться в политических программах кандидатов. Функция инфраструктуры состоит в другом: не пропускать на финальный этап конкурса тех кандидатов в депутаты или президенты, которые не отвечают профессиональным и моральным требованиям, предъявляемым им со стороны общества. У нас же неразвитость политической инфраструктуры не позволяет вести предварительный отбор предполагаемых претендентов на высокие выборные должности. Этим можно объяснить и результаты выборов президента в 1994 году. Ликвидировать инфраструктурные пробелы как в политике, так и в других социальных сферах возможно через реализацию гуманитарных технологий.

– В своих работах наряду с понятием «гуманитарные технологии» Вы употребляете и понятие «социальная инженерия». Одинаковы ли эти понятия по содержанию, и если нет, то в чем различие?

– Понятие «социальная инженерия» тесным образом связано с тем подходом к развитию общества, который был разработан Карлом Марксом, развит большевиками и реализован Сталиным. Гуманитарные технологии – это то, что противостоит социальной инженерии, это другой подход к развитию общества, сопоставимый по силе с социальной инженерией марксистов и большевиков, который, пожалуй, единственный и может ей противостоять и быть альтернативой. В руках марксистов социальная инженерия – это очень мощное средство инновации общества или его консервации. В истории с ними могут сравниться разве что христианские консерваторы с их протестантской этикой, отношением к частной собственности и правам человека. Но консервативно-христианские технологии являются продуктом многовековой эволюции и в этом смысле являются естественными механизмами регуляции общественной жизни на Западе. Чтобы сегодня страны бывшего соцлагеря или третьего мира могли перейти от традиционалистского общества (китайского, мусульманского, советского или какого-нибудь другого образца) к демократии и рынку, к западному образу жизни, им нужно прибегнуть не к тем оестественным механизмам регуляции общественной жизни, которые использовал Западный мир, а к современным гуманитарным технологиям, которые позволяют безболезненно и быстро перевести общество из одного состояния в другое, из традиционного в современное. Конечно, если бы мы располагали достаточным временем, то, возможно, могли бы использовать западный опыт обустройства общества. Для этого нам пришлось бы заново (в третий раз) начать христианизацию Беларуси, которая привела бы к созданию христианского базиса, схожего с тем, который был на Западе; надо было бы разработать и внедрить правовые нормы, регулирующие повседневную жизнь людей, и т.д. Процесс этот мог бы растянуться не на одно десятилетие, и никто не даст гарантии, что он будет доведен до логического конца. Для его завершения может не хватить политической воли. Поэтому гуманитарные технологии могут и должны стать альтернативой как способам организации общественной жизни, основанным на социальной инженерии, так и консервативно-христианским технологиям.

Они могут запустить процесс преобразований и сократить время перехода к современному обществу. Важно, чтобы именно начальные действия были технологичными, потом процесс может принять естественный эволюционный характер и не требовать большого участия в нем гуманитарных технологов.

Кроме того, в отличие от социальной инженерии, гуманитарные технологии носят системный и мыслительный характер. Огромная часть времени уходит не столько на непосредственное воздействие на среду, сколько на подготовку к действию во избежание непоправимых ошибок. Подготовка к действию – это технически организованная мыслительная работа, аналитика, разработка идей, целей, концептов и проектов, сведение под конкретную задачу людских и материальных ресурсов. И это тоже своего рода современная практика. Уровень гуманитарных технологий определяется сейчас именно уровнем интеллектуальной работы, специфика которой состоит в «промысливании и делании» конкретной страны Беларуси, имеющей свою историю, свою конкретную ситуацию, с ориентацией на мировые культурные нормы.

– Как я понял, понятие «социальная инженерия» Вы увязываете с марксистской теорией переустройства общества. Но ведь им пользуются либертарианцы как на Западе, так и в России, например Левенчук, Лебедев, Найшуль, которые ничего общего с марксизмом не имеют.

– Да, действительно, на Западе и в России, особенно среди либертарианцев, широко употребляется понятие «социальная инженерия». Но смысл, который ими в него вкладывается, примерно тот, который я вкладываю в понятие «гуманитарные технологии». На мой взгляд, ничего страшного не происходит, когда на Западе используют термин, который им более привычен. Это связано как с научной традицией, так и с особенностями развития западного общества. На Западе в философии под социальностью имеют в виду совсем не то, что под этим подразумевает российская философская школа. В России в основе социальности лежит классообразующий принцип, который ведет к созданию классоподобных, если хотите – мафиеподобных образований, стремящихся во что бы то ни стало навязать свои ценности другим. В итоге между такими классоподобными образованиями возникают антагонистические отноше-

ния. Каждое из таких обществ претендует на понимание себя через научную идеологию и тем самым на псевдообъективацию, на независимость от воли и желаний людей, туда входящих. Не случайно в сталинские времена столь значительное внимание уделялось классовому происхождению. Для чиновников главным было не то, кто ты сейчас и какой социальный статус имеешь, а из крестьян ты или из рабочих. Класс в этом случае не являлся кланом, родом, родово-семейной сущностью человека. В классоподобных обществах социальная ценность человека определялась не тем, что человек из себя представлял и чего он стоил, а классовым происхождением, которое имело независимое от самого человека существование. Такие общества, как правило, являются социально стационарными и закрытыми. В этом смысл обществ, которые в российской философской теории задаются как социальные. В отличие от этого подхода европейские либералы, консерваторы и либертарианцы хотя и не отказываются совсем от фактора происхождения людей, но считают это чисто семейным или личным делом каждого человека. На первое место здесь выдвигается сам человек, его взгляды, дела, навыки и умения, профессионализм, интересы, моральные ценности, которыми он руководствуется в повседневной жизни, выступая субъектом отношений в тех или иных временных сообществах. Такие общества, как правило, обладают высокой социальной динамикой и мобильностью. Классово близких людей в таком обществе нет, есть ценностно близкие. Главная задача, которая стоит перед таким сообществом, – научить людей вести себя в нем подобающим образом, т.е. разумно и адекватно, умению входить и выходить из него. А это означает, что каждый человек должен обладать навыками сознательной организации подобных сообществ и жизни в них, которые он получает не с помощью приемов и методов, к которым прибегают в социальной инженерии – например, развивая «классовое чутье» или классовое правосознание. На консервативно-христианском Западе это достигается научением через семейное воспитание, воскресную школу, образование в широком смысле слова, церковь, литературу и т.п. С моей точки зрения, если довести уточнение терминов до логического конца, чтобы не было ненужной путаницы, применительно к западным социальным сообществам правильнее было бы употреблять термин «гуманитар-

ные технологии». Термин «социальная инженерия» и по сути, и по форме ближе социальным сообществам, в основе которых лежит классообразующий принцип. Возможные негативные последствия и путаница от применения термина «социальная инженерия» на Западе нивелируются вкладыванием в него содержания, присущего понятию «гуманитарные технологии», и общим неприятием социальной инженерии Карла Маркса. Там подобное смешение понятий не имеет столь принципиального значения. В России же недоговоренность в употреблении терминов может иметь гораздо более плачевные последствия. Именно поэтому я и настаиваю на употреблении понятия «гуманитарные технологии».

Например, к прецеденту социальной инженерии можно отнести действия Чубайса по созданию слоя олигархов с целью обеспечить необратимость рыночных преобразований. Олигархи созданы, но мы помним, что их наличие в 30-е годы в Германии не только не мешало приходу Гитлера к власти, но даже, наоборот, способствовало. Сегодня в России олигархи обеспечивают и необратимость приватизации, с одной стороны, и пересмотр ее результатов – с другой. Они же обеспечивают имперскую реставрацию, и все это сопровождается борьбой олигархических кланов и мафий между собой.

Технологический подход предполагает более тонкое обращение с материалом, он имеет дело не с классами и большими группами, а просто с людьми. Кроме того, вспомните, как один из либеральных теоретиков, Хайек, относится к слову «социальный». Он разбирает «наш отравленный язык», язык, на котором можно только лгать, использование которого обязательно приводит к ошибкам. Одним из самых порочных слов в этом языке является прилагательное «социальный». Какая только ложь не сопровождается этим словом! В нашей родной стране с этим словом связана не только демагогия, но и практика. Обеспечивая социальные права отдельных групп граждан, ущемляют права отдельного человека.

– А чем сейчас занимается методолог и гуманитарный технолог Владимир Мацкевич, почему его имя исчезло из СМИ?

– Вообще-то оно никуда не исчезло, просто со страниц газет мое имя переместилось в журналы, научные сборники, книги – например, «Новейший философский словарь» и т.д. За это время у меня

несколько сместились научно-практические приоритеты. Однако я по-прежнему провожу много семинаров с молодыми политиками, занимаюсь практическим консультированием, но консультирую не политиков, а предпринимателей. Я ушел из сферы массовой культуры и информации в профессиональную и специализированную, и оттого моя деятельность приобрела более закрытый характер.

– Значит ли это, что Мацкевич стал больше заниматься гуманитарными технологиями, чтобы в удобный момент вновь вернуться в политику?

– Бессмысленно думать, что в политику может прийти кто-то очень умный и всех научит, что и как нужно делать, или сделает это сам. Персона в политике может только репрезентировать тот или иной политический субъект. Политика – занятие коллективное. Только коллективное сотрудничество и со-делание могут привести к успеху. Нам надо научиться понимать друг друга и разговаривать друг с другом. У меня никогда не было цели обрести власть. Та власть, которая у меня есть – называть некоторые вещи своими именами или придумывать им имена, – у меня остается, она никуда не ушла, и мне этого вполне достаточно. Чтобы достичь успеха в политике, любой человек, каким бы умным он ни был, должен создать вокруг себя команду единомышленников, т.е. временную корпорацию по достижению власти. Работа в этой корпорации должна начаться с проговаривания того, что необходимо делать и как это будет делаться. И здесь невозможно обойтись без гуманитарных технологий. Если такая команда будет создана, я не прочь в ней поработать. Правда, такой политической команды в Беларуси я пока не вижу.

– Владимир Владимирович, успехов Вам в Вашей деятельности и спасибо за интервью.

Парадокс демократии и образования

Статья была опубликована в газете «Беларуская маладзёжная» (№1, 6 июня 1994 г.).

Трудно быть в меньшинстве. Трудно думать не так, как все. Трудно иметь свой взгляд на мир и понимать, что он правилен, но решающим является другой взгляд, другой подход.

23 июня избиратели сделают свой выбор. Этот выбор будет строиться на недостатке информации, на искаженной информации, на обмане. Этот выбор делается в условиях силового давления. По существу, предпринимается попытка лишить избирателей выбора.

Почему я в этих условиях не просто имею собственную точку зрения, но считаю ее более правильной, чем мнение большинства? Почему я имею право пытаться убедить большинство в справедливости своей точки зрения?

Люди заняты своим делом. Часто это дело бывает сложным и требует специальных знаний и умений, оно отнимает у человека много сил и времени. Человек не может разбираться в других делах так же глубоко, как в своем собственном. Поэтому общество устроено как система взаимных поручений, ожиданий и обязательств.

Мне говорят: «Вот сложный вопрос, нам всем необходимо в нем разобраться. Изучи этот вопрос во всей его сложности, разберись с

его следствиями, проанализируй ответы на него и дай оценку правильности этих возможных ответов. Расскажешь всё это всем, и мы все вместе решим – что делать. Пока ты будешь этим заниматься, тебе не придется думать о производстве хлеба – этим займутся другие специалисты, тебе не надо заботиться об охране собственной жизни и имущества – этим займется милиция, и т.д.»

«Отлично, – говорю я, – вот я это проделал, вот мой анализ, вот ответы, из которых можно выбрать те, которые смогут устроить всех, а вот плохие ответы, которые выгодны только отдельным группам или не принесут пользы никому. Выбирайте!»

Но! Мне говорят: «Как же так? Что ты себе позволяешь? Большинство этого не понимает и думает по-другому. Какое право ты имеешь навязывать свое мнение большинству? Мы лишаем тебя права голоса, молчи и не баламуть народ».

«Позвольте, – возмущаюсь я, – ведь я и сделал свой анализ по поручению большинства, чтобы сообщить большинству о своих выводах. Меня учили много лет, чтобы я стал на это способен. Крестьяне кормили меня, чтобы я имел возможность и время делать свою работу. Коллеги проверяли меня и экзаменовали меня, милиция охраняла, кто-то одевал, снабжал информацией, вкладывал деньги в эту работу. Все ждут результатов. Все ждут мнения специалиста, а не повторения того, что знают и понимают все. Все ждут именно моего мнения. Я буду лгуном и саботажником, если мое мнение будет повторять мнение большинства. Это будет значить, что я всю жизнь даром ел чужой хлеб, что моя работа бессмысленна, если ее могут сделать крестьяне, не отрываясь от своего поля, рабочие – от станка, чиновники – не выходя из кабинетов, политики – не прекращая повседневной текучки официозных дел. Я не хочу быть обманщиком».

Так немного длинно и излишне популярно я проиллюстрировал бы парадокс демократии и образования, который можно сформулировать коротко:

НЕКОТОРЫМ ЧЛЕНАМ ОБЩЕСТВА ДЕЛАЕТСЯ ЗАКАЗ НА ПРОИЗВОДСТВО ОСОБОГО МНЕНИЯ, «ОТЛИЧНОГО ОТ ДРУГИХ», А ОЖИДАЕТСЯ РЕЗУЛЬТАТ, ПОДТВЕРЖДАЮЩИЙ РАСПРОСТРАНЕННОЕ МНЕНИЕ, БАНАЛЬНОСТЬ, ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ, «ШИРПОТРЕБ».

Советская гуманитарная наука (и современная беларусская) не справляется с этим парадоксом. Она лжива и бесплодна, поскольку труслива, не может отстаивать собственное мнение как мнение квалифицированного профессионального меньшинства. Она идет на поводу у популизма, стремится «слиться во мнении» с большинством, понимаемым ею как народ, который «всегда прав». Тем самым она утрачивает свою сущность, перестает быть наукой, становится «служанкой демагогии». Такая наука – главный тормоз демократии. Это подтвердила прошедшая в конце мая политологическая конференция в Минске. Это понимают все, включая Мечислава Гриба[1], открывавшего эту конференцию. Но понимание этого не избавляет от страха перед независимой аналитической работой. Профессиональному мнению по-прежнему не доверяют, как «отличному от других».

Такая наука и такой анализ «освящает» и легитимизирует систему тотального вранья. С нижних ступеней государственной демократии врут наверх, поскольку хорошо знают, что наверху хотят слышать, а чего не хотят, – ведь гонцу, доставившему плохую, хоть и правдивую весть, могут отрубить голову. Антонович[2] дурит не только телезрителей, но и Кебича[3], и его терпят. Что было бы, если бы он занялся настоящим анализом, еще неизвестно, ведь России его услуги оказались не нужны – пришлось искать синекуру в «дружественной славянской стране».

Ну да Бог с ними.

Парадокс беларусской толерантности

Беларусы терпеливы. Они сверхтерпеливы. Беларусы могут терпеть нищету, насилие, произвол чиновников. Они терпеливо и упорно работают и делают в конце концов то, что другие бросили бы уже давно, не доведя до конца. Но терпимы ли они к иному – к противоположной точке зрения, «отличной от других»? Будь они терпимы, может быть, они обнаружили бы, что «отличная от других» точка

---

1 Мечислав Гриб – в 1994–1996 гг. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь. *(Прим. ред.)*

2 Иван Антонович – в 1992–1995 гг. директор Беларусского института научно-технической информации и прогноза (Белинформпрогноз). *(Прим. ред.)*

3 Вячеслав Кебич – в 1991–1994 гг. премьер-министр Республики Беларусь. *(Прим. ред.)*

зрения заслуживает интереса и обдумывания. Не нужно торопиться менять точку зрения (потерпим, воздержимся) – но обдумать, взвесить?.. Может быть, в ней что-то есть?

«Беларуская маладзёжная» говорит что-то не то – не будем слушать. Закрыть, заткнуть! Газеты пишут то, чего мы не понимаем – не давать бумаги, самим не на чем «зайчики» печатать. Газеты сами покупают бумагу? – не выпускать из-под госконтроля! Беларусы терпят, они все стерпят. Правительство давит и зажимает свободу слова и печати? Ну и что? Ведь правительство и народ едины. Премьер не говорит ничего, чего не понимал бы любой дворник или академик, знающий только свою область науки и никогда не интересовавшийся ничем посторонним вроде политики или экономики.

Четверо из претендентов в президенты (Кебич, Лукашенко, Новиков[4], Дубко[5]) успешно эксплуатируют этот парадокс толерантности, эту особенность беларусского менталитета. Они дружно говорят народу только то, что все знают и понимают, умалчивая то, что знают сами и знают специалисты. Народу не обязательно много знать, с их точки зрения. Когда потом народ все равно узнает, то стерпит, что его обманули. Кебич знает, что будет проводить рыночные реформы. Знает, что будет делать это хуже, чем Лукашенко, Дубко, Позняк[6] и Шушкевич[7]. Но зачем же отдавать другим столь выгодную работу? Пусть я буду делать это хуже других, но всю выгоду буду оставлять себе. Те из промышленников, финансистов, коммерсантов, чиновников, которые его поддерживают, делают это вяло и неохотно, потому что понимают, что он будет делать это хуже других. К тому же администрация Кебича «слишком дорого обходится» тем, кто вынужден с ней делиться, «чтобы не мешала». Во сколько будет обходиться другая администрация – еще неизвестно. Предприниматели тоже беларусы – «потерпим, мужики!», известное зло лучше чего бы то ни было неизвестного.

---

4 Василий Новиков – в 1991–1994 гг. секретарь ЦК Партии коммунистов Беларуси. *(Прим. ред.)*

5 Александр Дубко – в 1994–2001 гг. председатель Гродненского облисполкома. *(Прим. ред.)*

6 Зенон Позняк – в 1990–1995 гг. лидер фракции Беларусского Народного Фронта в Верховном Совете Республики Беларусь. *(Прим. ред.)*

7 Станислав Шушкевич – в 1991–1994 гг. Председатель Верховного Совета Республики Беларусь. *(Прим. ред.)*

Кандидаты в президенты умалчивают много такого, к чему беларусский менталитет не проявит своей легендарной толерантности.

Кандидаты умалчивают сложность отношений с Россией и проблематичность объединения денежных систем.

Став президентом, любой кандидат (включая Новикова) будет сворачивать социальные программы, дотации и т.д., поскольку в Беларуси они разорительны в современном состоянии.

Став президентом, любой кандидат (включая Позняка) будет дружить с Россией, поскольку нет другого выхода.

Став президентом, любой кандидат (включая Дубко) будет реформировать сельское хозяйство и ставить колхозы в трудное экономическое положение, поскольку структура агропрома плохо совместима с современными экономическими требованиями. Будет вводить частную собственность на землю.

Став президентом, любой кандидат (включая Лукашенко) еще долго будет терпеть коррупцию, поскольку не готова законодательная база и система отношений для борьбы с нею, а их подготовка – процесс длительный. Кроме того, программа приватизации в РБ настолько плоха, что без коррупции не может быть выполнена.

Став президентом, любой кандидат (включая Кебича) будет укреплять границы и вводить талер[8], поскольку это обязательное условие реформ.

Став президентом, любой кандидат (включая Кебича) будет менять персональный состав госаппарата и принципы его функционирования, поскольку старый уже недееспособен.

Став президентом, любой кандидат (включая Шушкевича) будет усиливать авторитарность и жесткость исполнительной власти, поскольку в процессе реформирования нет времени на препирательства с депутатами.

Можно еще долго перечислять то, что умалчивается, то, что беларусам придется терпеть, и то, к чему в высказанном виде они отнесутся нетерпимо.

---

8 В нач. 1990-х гг. в Беларуси активно обсуждался вопрос о названии новой национальной валюты, и в качестве одного из вариантов предлагалось название «талер». (*Прим. ред.*)

Один предприниматель сказал: «Известие о банкротстве всегда неприятно, но лучше услышать о нем заранее от консультантов и аналитиков, чем из уст судебного исполнителя или кредитора».

Может, пора понимать толерантность как терпимость к независимому мнению, а не как терпеливость к невзгодам?

Парадокс собственного суждения автора

Работа независимого эксперта и аналитика состоит в том, чтобы давать материал для размышления и информацию, пригодную для принятия квалифицированного решения. Собственное суждение эксперта и аналитика может быть востребовано только в особых случаях. Кроме того, собственное суждение эксперта может не совпадать с тем решением, которое на основе подготовленного им материала будет принято.

В организованной и руководимой мною аналитической группе подготовлен материал для принятия решения, и это решение не может быть принято мною одним. Я могу иметь только собственное частное суждение. Газета – не место для предъявления аналитики в виде профессионального продукта, но я могу высказать свое частное мнение. Ведь 23 июня даже Кебич как частное лицо может проголосовать за Позняка, но как лицо официальное никому в этом не признается. Я же – лицо сугубо частное, уже много лет не состою ни на какой государственной службе, поэтому могу говорить все, что считаю нужным и правильным. Так и предлагаю относиться ко всему сказанному ниже.

И с профессиональной, и с личной точки зрения я совершенно убежден в том, что четверо из шести официальных кандидатов (Кебич, Новиков, Дубко, Лукашенко) совершенно не соответствуют требованиям, которые предъявляются к первому президенту РБ современной хозяйственной и экономической ситуацией, народом Беларуси, задачами настоящего этапа государственного строительства. Это проверено опытом прошедших трех лет, составом команд кандидатов, анализом содержания их программ по критериям реалистичности и непротиворечивости, моими собственными действиями в пределах своих возможностей. Поэтому я исключаю этих четверых из своего рассмотрения. Аргумент их популярности и высоких шансов на успех меня ни в чем не убеждает. Если один из них станет пре-

зидентом, я буду утверждать, что избиратели сделали неправильный выбор. Вернемся к этому через год-полтора и посмотрим. Сократ и Антисфен в древних Афинах в таких случаях предлагали демократическому большинству проголосовать за то, чтобы считать ослов лошадьми, а потом отправить конницу на войну.

(Фальсификацию выборов я даже не рассматриваю. Фальсифицировать выборы в таких масштабах нельзя. Фальсификация может только чуть-чуть «улучшить» результат ошибки избирателей. Если фальсификация будет обнаружена, это только подтвердит старый принцип: «За что боролись, на то и напоролись» – знали, за кого голосуете.)

Остается выбирать между Позняком и Шушкевичем. К сожалению, и к одному, и к другому есть серьезные претензии. Я очень хорошо понимаю тех, кто не хочет участвовать в выборах и поддерживать современную «большую шестерку». Понимаю также, что неучастие в выборах увеличивает шансы совсем плохих кандидатов.

Претензии же таковы.

Нерешительность, непоследовательность и «толерантность» Шушкевича граничат с преступностью. Только у него сегодня есть возможность остановить «реакцию», организовать все демократические и реформаторские силы и обеспечить плавное поступательное движение вперед без резких движений и конфронтации. Он же все пускает на самотек. Ждет, пока реформаторы, прагматики и все остальные демократические силы сами придут к нему и предложат свою помощь. При таком отношении ни у кого не возникает желания такую помощь предлагать.

Слабые стороны Позняка также хорошо известны, как и слабости Шушкевича. Он решительнее, смелее и последовательнее. Его образ и программа обросла множеством мифов, устаревших предрассудков и официальной лжи. Но что является правдой, так это то, что он очень вяло противопоставляется этим предрассудкам и лжи, более того, дает новые поводы для их распространения. Он активно предлагает варианты консолидации и объединения демократических сил, но не проявляет в этих предложениях гибкости и изобретательности.

Да, программы и видимые действия Позняка и Шушкевича «далеки от совершенства». Но больше выбирать в Беларуси не из чего. По крайней мере, их программы содержат хоть и не очень сильные,

но реалистичные ответы на актуальные вопросы и проблемы современной Беларуси. (Эти вопросы, задачи и проблемы содержатся в аналитиках, в опубликованных фрагментах в «Белорусской деловой газете» и некоторых других газетах, и в последних – неопубликованных. Команда Лукашенко, правда, тоже пытается выработать отношение к этим задачам.) Все остальные – просто мечтатели (чтобы не употреблять более сильных выражений).

С выбором между двумя этими кандидатами можно еще подождать, еще есть время. Очень сильным аргументом в пользу Шушкевича является согласие Станислава Богданкевича[9] стать премьером в его правительстве. Посмотрим, сможет ли этот аргумент стать решающим. Богданкевич во главе правительства способен сдвинуть ситуацию в Беларуси с мертвой точки. Но нужно еще иметь возможность такое правительство сформировать. Для этого нужно, чтобы на выборах победил Шушкевич. Я бы отдал свой голос за Богданкевича, даже зная все слабости Шушкевича. Но один голос ничего не значит.

Найдут ли Позняк и Шушкевич возможность переломить ситуацию в свою сторону?

Парадоксальность же моего суждения заключается в том, что ценным я считаю профессиональное суждение, а есть возможность для публикации только личного мнения. В качестве же профессионального анализа в средствах массовой информации допускаются только высказывания «придворных» аналитиков, да и то пропущенные через сито цензуры. Как гражданин и личность я отдаю свой голос кандидатам, которые не очень склонны прислушиваться к чьему бы то ни было голосу и недостатки которых мне хорошо известны и с личной, и с профессиональной точки зрения. Но в таком же положении находятся все граждане Беларуси. Любое большинство состоит из разных меньшинств. Мы все в меньшинстве перед лицом решений, касающихся всех вместе и каждого в отдельности. А в кабине для голосования мы будем находиться в одиночестве. Пусть нашим советчиком в этот момент будет не мифическое мнение большинства, не цифры социологических опросов (которые могут только помочь определить, с кем мы в меньшинстве и сколько нас), не мнение партий и правительства, а собственный разум и совесть.

9 Станислав Богданкевич – в 1991–1995 гг. председатель правления Национального банка Республики Беларусь. *(Прим. ред.)*

Мы, беларусы, и наши грехи

Статья была написана 30 января 1995 г. и спустя два года опубликована в газете «Понедельник» под названием «Кто без греха?» с сокращениями и правками.

Сказали Ему: Учитель! Эта женщина взята в прелюбодеянии; а Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями: Ты что скажешь?

Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его. Но Иисус, наклонившись низко, писал перстом на земле, не обращая на них внимания. Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: КТО ИЗ ВАС БЕЗ ГРЕХА, ПЕРВЫЙ БРОСЬ НА НЕЕ КАМЕНЬ.

И опять, наклонившись низко, писал на земле.
Евангелие от Иоанна, 8:4-8.

Ругать нашу жизнь уже давно стало дурным тоном, на это никто не обращает внимания. Интерес публики можно привлечь рассуждениями на тему «Кто виноват?». Круг виновных – от отдельных личностей до политических движений и государств. Популярны версии о виновности Горбачева и Шушкевича[1], Ленина и коммунистов, демократов и партократов. Виноваты заморские спецслужбы и российские импе-

1 Станислав Шушкевич – в 1991–1994 гг. был Председателем Верховного Совета Республики Беларусь, как глава Республики Беларусь принимал участие в подписании Беловежских соглашений о роспуске СССР и создании СНГ. *(Прим. ред.)*

риалисты, кооператоры и торгаши, чернобыльские энергетики и коррупционеры. Невиновен только беларусский народ, невинна и чиста Беларусь и ее обездоленные жители. Так ли это? А может быть, справедливо утверждение, что каждый народ живет так, как того заслуживает? Может быть, мы сами виноваты в том, что не умеем зарабатывать и прокормить себя и своих детей, что имеем проворовавшееся коррумпированное правительство, что слушаем ложь и боимся правды?

Если почитать, что написано беларусами про беларусов, то мы самая лучшая нация в мире. Мы самые трудолюбивые и миролюбивые, мы самые толерантные и *памяркоўныя*, мы добрые и гостеприимные, наши девушки самые красивые, а мужчины самые сильные. Почему мы тогда такие несчастные, а страна наша такая запущенная?

Прекратим бросать камни в других – посмотрим на себя. Нет такого греха, в котором мы, беларусы, не повинны. Нет того, кто мог бы нас обвинить, если мы не сделаем это сами. Нет греха, который не может быть прощен, но прощение следует после покаяния.

Суд человеческий всегда относителен, законы и мораль несут на себе печать предрассудков эпохи, классовых догм и ограниченности мировоззрения, но есть Десять заповедей Божьих. Посмотрим на себя через них.

В атеистическом обществе трудно апеллировать непосредственно ко всему Синайскому кодексу Моисея. Первая, самая главная заповедь звучит неубедительно для атеиста, а я не занимаюсь проповедью христианства, поэтому я не буду придерживаться канонического порядка и полноты. Начну со второй заповеди, а первая, третья и четвертая пусть останутся предметом свободы совести.

Вторая заповедь: Не сотвори себе кумира

Нарушение второй заповеди автоматически вытекает из забвения первой. Если Бога нет – его место занимают идолы и кумиры. Свято место пусто не бывает. Но Бог – это любовь. А коммунизм? А Ленин-Сталин? А нация? Всякий кумир тщится исполнять функцию Бога. Он стремится стать альфой и омегой, первым и последним, началом всего. Бог примиряет людей друг с другом и с самими собой, а идолы разделяют и порождают вражду. Иногда и Бога низводят до кумира, тогда начинаются религиозные войны.

Коммунисты обожествляют Ленина, националисты – нацию, либералы – свободу и человека, популисты – хлеб и потребительские нужды. Каждый при этом считает, что все другие должны поклоняться его «тельцу и мамоне». Коммунисты считают, что все должны терпеть нужду и голод, лишь бы сохранить в неприкосновенности чистоту учения вождей. Популисты отказываются от этой чистоты ради хлеба и бензина, жертвуя заодно и суверенитетом Беларуси. Националисты убеждены, что только самозабвенная преданность *роднай мове* является достаточным основанием их права вести всех к светлому будущему. Либералы не согласны со всеми. Каждый считает, что стоит ему привлечь к поклонению своему кумиру весь народ, как он сделает много хорошего и полезного. Вопрос только: для кого? Для светлой памяти Ленина? Для абстрактной нации? Для колбасы и бензина? Для либеральных свобод?

Живому и разумному человеку, жизнеспособной нации нужно все. Нужны учителя, теоретики и светлые образы исторических персонажей – кому Ленин, а кому Хайек или Сапега. Нужны хлеб и колбаса с бензином – кому больше, а кому меньше. Нужно, чтоб жила Беларусь, и жила так, как ей нравится. Нужны свобода личности и права человека, но так, чтобы каждый мог поступать с ними, как считает нужным – уходя, например, в монастырь и отказываясь от свободы личности в пользу свободы духа.

Если все станут поклоняться одному кумиру, он станет альфой и омегой, он потребует для себя человеческих жертв – это только вопрос времени и размеров кровопролития. Борьба с кумирами и с идолопоклонством не может состоять в свержении одних идолов и замене их другими, в переходе от поклонения одному кумиру к обожествлению другого.

Беларусь грешна идолопоклонством. Слава Богу, что пока хватает здравого рассудка и *памяркоўнасці*, чтоб не поклоняться всем народом одному кумиру. Беларусь всегда славилась веротерпимостью, но мы можем перейти грань веротерпимости и оказаться в идолотерпимости и идолопоклонстве.

Шестая заповедь: Не убий

Беларусов убивали на их земле, и беларусы убивали. Земля Беларуси залита кровью, покрыта могилами и надгробными памятни-

ками. Мы убивали, защищаясь от захватчиков, но убивали и своих. Мемориалы в Бресте и Хатыни[2] стоят, но нет их в Куропатах[3]. Индивидуальные и братские могилы беларусов рассыпаны по всей Евразии – от Колымы до Эльбы. Могилы погибших немцев не помечены, они распаханы и заросли лесом. Немцы погибали на нашей земле по вине своих вождей, но у погибших есть родители, жены и дети. Не многие из погибших виновны в том, за что поплатились своей жизнью, как и беларусы, погибшие в Афганистане, тем более невиновны их дети, которым важно, чтобы их родители были похоронены по обрядам предков. После окончания всех войн враждовавшие стороны хоронили своих солдат, после этого был возможен мир. Беларусь – последняя страна в Европе, не позволяющая захоронить немецких солдат на своей земле. Россия разрешила это; тем самым был сделан последний шаг в установлении мира с Германией. В Беларуси война все еще жива.

Восстановление правды о захоронении в Куропатах чуть не привело к кровавой развязке. Еврейские кладбища, где похоронены сугубо мирные люди, жизнь и труд которых были только во благо Беларуси, снесены с лица земли, на их месте разбиты парки и построены стадионы, как в Гродно. Не может быть хорошо живым на земле, где так поступают с мертвыми.

«Цинковые мальчики» из Афганистана хоронятся на нашей земле как герои, а они – жертвы несправедливой и проигранной войны. Вместо оплакивания этих жертв и принятия на себя их греха для покаяния, Беларусь воздает им геройские почести. Они невиновны, но виновна непокаявшаяся Беларусь, агрессивная в своем непокаянии, как показывают суды над Светланой Алексиевич[4].

---

2 Имеются в виду мемориальные комплексы «Брестская крепость» и «Хатынь», увековечивающие трагические события времен Великой Отечественной войны. *(Прим. ред.)*

3 Куропаты – лесное урочище на северо-восточной границе Минска, являвшееся местом расстрелов и массовых захоронений репрессированных органами НКВД в 1937–1940 гг. *(Прим. ред.)*

4 Светлана Алексиевич – беларусская русскоязычная писательница, автор книг «У войны не женское лицо», «Чернобыльская молитва», «Цинковые мальчики» и др. Из-за оппозиционного отношения к режиму Александра Лукашенко подвергалась судебным и внесудебным преследованиям; с начала 2000-х гг. живет в эмиграции. *(Прим. ред.)*

Кроме справедливой войны с захватчиками в нынешнем веке Беларусь переживала братоубийственную войну. Победители в этой недостойной войне до сих пор не отдали последний долг своим братьям, оказавшимся на проигравшей стороне. Не выясняя вопроса о том, на чьей стороне была правда в Гражданской войне, нужно признать неправоту победителей, пренебрегающих выполнением своего последнего долга.

Убийство на войне неизбежно, совершение убийств составляет воинскую доблесть и рассматривается как героизм, но убийство все равно остается грехом, пусть и невольным. Невольный грех – все равно грех. Он останется на Беларуси и на ее народе, на всех нас, пока в земле будут зарыты, а не похоронены все убитые – правые и виноватые.

Восьмая заповедь: Не укради

Десятая заповедь: Не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни поля его, ... , ничего, что у ближнего твоего

Беларусь не лучшая ученица России, но все плохое перенимается легко, в отличие от хорошего. Уже два века на вопрос «Что происходит в России?» можно уверенно отвечать: «Крадут!» без опасения ошибиться. Что происходит в Беларуси? «Крадут», – отвечал Лукашенко. «Продолжают красть», – добавляет Антончик[5]. И все довольны. Одни сказали правду, другие правду услышали; те, кто крал, – продолжают красть, те, у кого крадут, – спокойны; власть знает, что крадут, – значит, все в порядке.

Грех воровства лежит на тех, кто крадет, а не на всем народе. Но на ком грех того, что мы так легко позволяем воровство? Мы привыкли, мы не просто терпим это – мы учим детей тому же: «Без этого не прожить, с волками жить – по-волчьи выть». Терпимость к воровству становится национальной чертой беларусов, а поощрение воровства – государственной политикой.

Большевики ввели в обиход оригинальный вид воровства в особо крупных размерах – экспроприацию, а затем возвели его в доблесть

5 Сергей Антончик – в 1990–1995 гг. был депутатом Верховного Совета Республики Беларусь, в 1994 г. подготовил доклад о коррупции в окружении президента А. Лукашенко, текст которого не был допущен к печати в СМИ – газеты вышли с белыми пятнами. *(Прим. ред.)*

словесным добавлением: «Экспроприация экспроприаторов». Воровство остается воровством, даже если обворовываются воры. Детская правовая наивность Юрия Деточкина из знаменитого фильма «Берегись автомобиля» не к лицу государственным деятелям, да и народ мог бы быть мудрее и «праведнее», голосуя за борца с коррупцией.

Если декабристы добивались того, чтобы не было бедных, то наш народ уже целый век идет за теми, кто добивается того, чтобы не было богатых. Социализм – квинтэссенция зависти. Зависть как «общенародное» чувство является оправданием тотального воровства. Победить коррупцию, воровство, криминальный и государственный рэкет можно только вытравив в себе зависть. Антикоррупционные комитеты, прокуратура, милиция слишком слабы и одиноки для борьбы с таким врагом. Грех воровства – грех отдельного человека; зависть, оправдывающая все виды воровства, – общий грех народа.

Смысл всей деятельности беларусского правительства (как прошлого, так и нынешнего) сводится к тому, чтобы не давать никому богатеть (это не мешает богатеть тем, кто близок к правительству), чтобы удерживать определенный уровень нищеты в стране. Народ полностью поддерживает деятельность такого правительства, ему это нравится, поэтому нищета есть то, о чем заботится сегодняшняя власть, а мы вполне заслужили именно такую власть. Если сравнить инвестиции в страны бывшего соцлагеря, то на одном полюсе находится Венгрия, где на одного жителя приходится 558 долларов иностранных инвестиций, – значит, труд каждого жителя стоит еще больше; на другом полюсе – Беларусь: 1 (один) доллар на одного жителя; значит, результат труда каждого беларуса стоит только чуть-чуть выше. Труд украинца стоит 4 доллара, т.е. в 4 раза больше, чем беларуса, а труд эстонца – в 139 раз выше. Но ведь это мы сами так оцениваем свой труд. Наши правители умудряются поссориться со всеми инвесторами в экономику Беларуси. Деньги и кредиты банков мы просто проедаем и сжигаем в двигателях внутреннего сгорания автомобилей госчиновников, Джорджа Сороса[6] наши премьеры и

6 Джордж Сорос – американский финансист, инвестор и филантроп, основатель сети благотворительных организаций, известных как Фонд Сороса. С начала 1990-х гг. Фонд Сороса действовал и в Беларуси, но в 1997 г. был изгнан из страны со скандалом. *(Прим. ред.)*

президенты называют агентом спецслужб. Имидж беларусского государства в глазах мирового сообщества складывается такой, что скоро о нас будут говорить как о государстве-попрошайке, при этом глупом и самодовольном.

Превращенные формы воровства культивируются в Беларуси в большом ассортименте: льготные кредиты – предмет вожделения воров-банкротов, получают их «по блату», а мечтают о них все. То же относится ко всем многочисленным льготам, которыми как достижениями гордилось прошлое правительство.

Бартерные сделки государственных предприятий – поменяли промышленную продукцию на два автомобиля и 100 пар женских сапог по ценам ниже рыночных. Выиграли от сделки 102 человека, а работали несколько сотен. Воровство, а все говорят: «Молодец директор!» Дотации производителям. Хорошим руководителем в Беларуси считается тот, кто может «прогнуться» перед чиновником и выбить деньги из бюджета. Умение зарабатывать как качество руководителя не ценится.

Те, кто не может воровать активно, занимаются попрошайничеством. Давайте нам бесплатное жилье, образование, здравоохранение, телефонную связь, дешевое отопление, транспорт и молоко. В экономике ничего не бывает бесплатно – кто-то обязательно за все это платит. Бесплатным образованием, жильем, транспортом пользуется меньшинство, а расплачивается большинство. Дешевым молоком, отоплением, телефоном, газетами, бесплатным здравоохранением пользуется большинство, а расплачивается меньшинство, но компенсации не происходит. Обманутыми, обворованными и нищими остаются все.

Бороться нужно с нищетой, а не с богатством. Нужно не завидовать хорошей жизни, а стремиться к ней. Не рассчитывать на бесплатные подачки, а зарабатывать. От власти нужно требовать создания условий для зарабатывания денег, а не пособий по бедности.

Сегодня мы грешны в терпимости к воровству, в поощрении воровства, в зависти и возжелании добра ближнего своего. Мы возжелали дешевых энергоносителей, дешевых товаров и услуг, денег западных фондов, *жабрачым*, спекулируя на Чернобыле. Беларусь вся в долгах. Занимающий деньги без намерения их вернуть – вор или мошенник.

Мы заслуживаем своего правительства и жизни, которой живем.

Девятая заповедь: Не произноси ложного свидетельства

В Беларуси много (очень много) написано о Великой Отечественной войне, а всей правды мы до сих пор не знаем. Много написано о Чернобыле, но ложь началась со дня аварии и продолжается до сих пор. К ней добавляется умолчание и сокрытие правды о чернобыльских фондах и программах. Мы до сих пор не знаем всей правды о Куропатах и вообще об истории Беларуси, особенно о ее советском периоде.

Политики с энтузиазмом лжесвидетельствуют друг против друга, им помогают журналисты. Врет официальная статистика. Даже должностные лица, которые должны принимать судьбоносные решения для страны, руководствуются недостоверной информацией.

Фарисейство

Остановимся на этих пяти грехах, чтобы не поддаваться соблазну сомнительных аналогий (а то так и подмывает рассмотреть мезальянс Беларуси с Россией как прелюбодеяние и содомо-гоморрский грех).

Мне не пристало критиковать древних фарисеев Палестины, которые стремились к нравственной чистоте. Но имя фарисеев стало нарицательным после того, как их эпигоны стали прикрывать показной благостью и религиозностью отсутствие веры и честности: молясь публично, грешили наедине с собой.

Как иначе, чем фарисеями, назвать людей, которые в повседневной жизни говорят по-русски, а публично – по-беларусски? Лидируют в соревновании по переводу своего учреждения на беларусский язык, не пользуясь им, учат детей, но не говорят сами?

Кто как не фарисеи клянутся в приверженности рынку и открытому обществу, а поступают так, чтобы ни рынка, ни свобод в Беларуси не было при их жизни?

Популизм есть фарисейство чистой воды. Зная, что причины кризиса системные, демонстрировать народу отдельных виноватых, «козлов отпущения» – фарисейство; бороться с инфляцией на сло-

вах и ничего на делать в этом направлении – фарисейство; приезжать из Сочи и возвращать цены к уровню двухнедельной давности – фарисейство; обещать запустить производство на заводах, зная, что это невозможно, – фарисейство; клясться на Конституции охранять суверенитет Беларуси и сдавать его по частям – фарисейство. Множить примеры можно бесконечно.

Коммунизм, призывающий забыть все свои пороки и преступления и помнить только свои красивые лозунги и сказки, – фарисейство.

Национализм, превозносящий свою нацию, не замечая ее грехов, – фарисейство.

Либерализм – это фарисейство особого рода. Либералы справедливо считают, что отдельная личность не несет ответственности за дела правителей. Но они полагают, что народ есть полная абстракция, а личность конкретна. Поэтому не видят, что каждый отдельный человек собирает в себе достоинства и пороки своего народа. Нельзя возлагать извне ответственность на гражданина за дела его государства, но гражданин, не чувствующий своей причастности к делам государства, не принимающий на себя ответственность за то, что происходит с его согласия или по причине его неучастия, не способен воздействовать на общественные дела, т.е. не способен к политической жизни. Такой человек вне политики. Либералы, не принимая на себя ответственности за дела нации и государства, думают, что они чисты, а они просто вне политики, они не у дел. Даже падчерица Жириновского ЛДП[7], присвоившая себе чужое имя, честнее тех партий, которые считают себя истинными либералами. Они просто узурпаторы, а не фарисеи.

Суд, охраняющий власть, а не справедливость и закон, – фарисейский суд. Парламент, затрудняющий новые выборы и создающий режим максимального благоприятствования для своих членов, позволяющий себе торговаться с исполнительной властью, – фарисейский парламент. Пресса, вяло покритиковывающая тех, кто ей платит, – фарисейская пресса. Профсоюзы, ждущие от властей разрешения на забастовку в удобное для правительства время и опасающиеся,

7 Либерально-демократическая партия – партия, созданная в Беларуси в 1994 г. на базе бывшего беларусского отделения Либерально-демократической партии Советского Союза В. Жириновского. *(Прим. ред.)*

что государство перестанет «вытряхивать» взносы их членов через бухгалтерии, – фарисейские профсоюзы. Партии, созданные с единственной целью персональной раскрутки своих вождей, – фарисейские партии.

Эпилог

У меня много заказов на аналитические материалы по разворачивающейся предвыборной кампании в парламент от тех, кто помнит мои публикации в ходе президентских выборов. Эта статья есть мой ответ самому себе на вопрос, почему я не хочу писать аналитики так, как я делал это в прошлом году. Я не хочу участвовать во лжи и фарисействе. Предвыборная кампания этого года будет новой встречей околополитических фарисеев с избирателями, готовыми к тому, чтобы их обманывали. Без покаяния (я бы предпочел говорить о рефлексии, а не о покаянии, но меня часто упрекают в злоупотреблении терминологией, хотя я думаю, что нужно говорить адекватным языком, поэтому обращаюсь к компромиссному языку) в грехах, без признания ошибок прошлых лет не может быть правовых цивилизованных выборов. Анализировать нынешние выборы и политическую ситуацию с применением современных культурных средств – системного анализа, правовых знаний, политологических методов – означает признание того, что мы имеем дело с настоящей политической и правовой ситуацией, а не с иллюзией политики и права. Возможно, что поступать так значит участвовать в фарисействе.

Покойный Мераб Мамардашвили[8] в последние годы жизни размышлял с опорой на всю историю философии о том, в чем состоит предназначение его как человека и как философа. Проблему он сформулировал в вопросах «трех К»: 1. Декарт (Картезий, по-латыни): что Я могу ЗНАТЬ в этом мире?; 2. Кант: что Я могу ДЕЛАТЬ?; 3. Кафка: действительно ли то, что я МОГУ ЗНАТЬ и ДЕЛАТЬ? И действительно ли, что это Я могу знать и делать?

Я не буду рассказывать о размышлениях философа. Те, кто хотел это знать – уже знает, кто захочет – прочтет у самого Мамардашвили. Я напомню только его по-грузински выраженную человеческую

8 Мераб Мамардашвили – философ, один из основателей Московского логического кружка. (*Прим. ред.*)

и гражданскую позицию, к которой он пришел в результате своего философствования: «Если грузины проголосуют за Гамсахурдиа[9], то я не хочу быть грузином, иначе Я буду не Я» (привожу по памяти то, что прочел в грузинской газете).

Грузины ошиблись и признали свою ошибку, она им дорого обошлась. Чингачгук из анекдота говорил, что только бледнолицые дважды наступают на одни и те же грабли. Наступят ли бледнолицые беларусы на те же грабли, что и в прошлом году? У меня создается впечатление, что те, кто готовится в депутаты нового Верховного Совета, первого парламента Республики Беларусь, собираются подсунуть избирателям и народу грабли последнего Верховного Совета БССР и прошлогодних президентских выборов. Готовы фарисейские агитки и прокламации для предъявления народу. Расчет строится на том, что народ не заметит подлога, что народ по-прежнему готов грешить сотворением кумиров, верить обещаниям подачек и льгот, зариться на чужое.

Если в диалогах предвыборной кампании сойдутся фарисействующие политики и готовые обманываться избиратели, то стыдно участвовать в этом.

Все сказанное выше – не утверждения, а сомнения. Я думаю, что каждый беларус хотел бы, чтобы эти сомнения не подтвердились. В своих сомнениях я исхожу из того, что вижу, слышу и читаю. Говорит и пишет не народ, а отдельные люди. Они могут сознательно вводить в заблуждение, могут самообманываться, могут ошибаться. Но решают в ситуациях выборов не отдельные писатели, говоруны, политики и чиновники, а народ – избиратели. Хочется верить, что каждый отдельный избиратель рефлексивен (покаянен, в терминологии этого текста), осознавая всю причастность к беларусскому народу, он не будет множить грех, усугублять заблуждение.

9 Звиад Гамсахурдиа – грузинский писатель и ученый, советский диссидент, первый президент Грузии после обретения ею независимости в 1991 г. *(Прим. ред.)*

Если мы такие умные, почему мы бедные?

Статья была написана летом 1996 года специально для газеты «Понедельник».[1]

Недавно БелаПАН принес очередное радостное сообщение. Подведены итоги тестирования беларусов по методике международной организации «интеллектуалов» «Менса»[2]. По утверждению представителя этой организации господина Винсента, 46% протестированных набрали высший балл, а обычный результат в других странах – 15-20%. Так что ко многим своим достоинствам наш народ может с «чувством глубокого удовлетворения» добавить еще одно: мы, беларусы, самая умная нация в мире.

1 Статья была написана летом 1996 г. специально для газеты «Понедельник», поскольку мои друзья, которые взялись делать это приложение к «Советской Белоруссии», вспомнили про статью «Алло. Мы ищем таланты» («Беларуская маладзёжная», 22.09.1994). Газета долго не выходила. Наконец в феврале 1997 г. она появилась, и тогда Ефим Шур и Сергей Нехамкин предложили мне продолжить публикацию памфлетами о других человеческих качествах, а не только об уме. Так пришлась кстати статья «Мы, беларусы, и наши грехи», которая раньше никого не интересовала. Потом появились статьи «О любви: вопреки очевидности» и «О труде». Мои статьи в газете выходили не в том виде, в каком были написаны. В конце концов это всем надоело. На 16-м номере Шур и Якубович прекратили эту затею, потому что больше «не хотели и не могли», хотя и по разным причинам. *(Прим. В. Мацкевича.)*

2 «Менса» (*Mensa International*) – международный общественный клуб, в члены которого принимаются люди, имеющие коэффициент интеллекта (*IQ*), равный 148 и выше по шкале интеллекта КАТТЕЛЛ (*CATTELL*). Организация имеет национальные группы в 50 странах мира, а количество членов превышает 110 тыс. чел. примерно из 100 стран. *(Прим. ред.)*

Жизнь в Беларуси лучше и веселее день ото дня. Каждый месяц находится повод для устройства веселых карнавалов и народных гуляний. В мае мы празднуем день окончания войны, в июне – с такой же помпой – день ее начала. В начале июля у нас праздник города Минска – День Освобождения, в конце – праздник всей страны – День Независимости. Власть в стране действует в полном соответствии с мнением и желанием народа, регулярно с ним советуется и выполняет его волю. Что еще нужно народу для счастья? Но время от времени закрадывается сомнение.

Предположим, что эта информации абсолютно достоверна. Как к ней можно относиться? Сначала нужно разобраться с тем, что понимается под умом и под интеллектом.

Бытует распространенное представление, что некоторые люди от природы наделены способностями и талантами (или, наоборот, обделены ими). Чаще всего говорят о способностях и талантах, выражающихся в успешном исполнении определенной деятельности: например, музыкальные способности или математические. Реже – о способностях бухгалтера, овощевода или управдома. Почему-то предполагается, что успех в одних видах деятельности достигается благодаря способностям, а в других – просто трудом и усилиями. Богатство страны – это мера успешности деятельности всех беларусов. Что нам нужно для успеха: способности и таланты всех беларусов или труд и совместные усилия? Не будем подходить к этой дилемме со строгими логическими мерками, отнесемся к ней как к поводу порассуждать о наших проблемах, подходя к ним с определенной стороны. Мы, беларусы, привыкли во многом оглядываться на Россию, а там еще Пушкин пытался задуматься об этом в свойственной поэту манере: «И догадал меня черт родиться с умом и талантом в России!» А куда ж беларусам с таким умищем деваться?

Кажется бесспорным, что умным и талантливым быть хорошо, поэтому мало кто думает о том – а как эти вещи употребляются?

Классическим примером таланта часто выступает Моцарт. Зададимся вопросом: мог ли Моцарт родиться в Беларуси? Казалось бы, почему бы и нет? Но все не так просто. С какой родиной прощался Михал Огинский в своем знаменитом полонезе? Его родиной была Литва-Беларусь, с ней и прощался. А к какой культуре традиционно

относят Огинского? К польской. Мог бы Моцарт родиться в Слониме или в Пропойске? Мог, но чтобы стать «Моцартом», он должен был бы с детства жить в Австрии. Наверное, и в самом диком африканском племени может родиться ребенок с абсолютным слухом, чувством ритма и мелодии, но он не станет даже знаменитым в своем племени исполнителем ритуальных танцев, потому что: танцевать их должны все без разбора члены племени, так же как и аккомпанировать танцам на барабанах; сочинять новые танцы нельзя, поскольку мелодии и ритмы должны соответствовать традиции; некогда глупостями заниматься – на охоту ходить надо. Это иллюстрация простой мысли, что природные способности есть только одно из условий успешности в деятельности. А чтобы это условие проявилось, нужны другие условия. В Беларуси рождались многие таланты: Адам Мицкевич – польский поэт, Игнатий Домейко – национальный герой Чили, Марк Шагал – французский художник, Анатолий Чубайс – российский реформатор, наконец, Алена Свиридова – российская поп-звезда. Каждый из них наделен природными способностями, потому что – как в евангельской притче – вырастет ли что доброе из зерна худого? Но там есть и другая притча: бросал сеятель добрые зерна, и одни из них падали в плодородную почву и давали добрые всходы, другие – на дорогу и их клевали птицы, третьи – на камень бесплодный и сохли.

Вспомнив мудрость тысячелетий, зафиксированную в притчах, вернемся к нашему исходному вопросу: если мы такие умные, как нам натестировали «Джем-банк» вместе с обществом «Менса», то почему же мы бедные? Наверное, почва у нас плохая. Беларусские таланты расцветают в Варшаве, в Париже, в Москве (на худой конец), а на родине сохнут или их клюют.

Ну, не родился Моцарт в Беларуси – так и в других странах он не родился. Страна без Моцарта проживет. А вот с Чубайсом сложнее. Здесь на одних способностях далеко не уедешь. Интересно, есть ли у Чубайса талант и способности и сколько очков он набрал бы по тестам «Менсы»? Если талант у него и обнаружится, то это будет нечто уникальное – талант к приватизации (или как там его еще можно назвать). А вдруг климат города Борисова, родины Чубайса, очень способствует такому таланту? А вдруг в Борисове каждый пятый или (чем черт не шутит) каждый второй – талантливый приватизатор? Смогут ли развиться все эти таланты при наших беларусских темпах

приватизации? То-то и оно, что все эти борисовские таланты придется зарыть в землю или отпустить в Россию.

«Менса» использует тесты для измерения интеллекта на уровне простых вербальных и невербальных способностей, а для того чтобы Беларусь стала богатой, нужны таланты в области приватизации, санации предприятий, борьбы с инфляцией, маркетинга и поиска рынков сбыта для наших товаров, и т.д. Но даже неспециалисты скажут, что таких талантов и способностей не бывает. Конечно не бывает. Все это просто работа, и эта работа (как и любая другая) должна делаться с умом. Самое интересное наступает тогда, когда с умом и талантом делается глупая работа. Может быть, кто-то сомневается, что такое бывает. Тогда вспомните мичуринскую биологию и травлю генетики. Этим занимались доктора и кандидаты наук, т.е. люди, подтвердившие свои способности. А научный коммунизм или политэкономия социализма, исторический материализм и история КПСС? У нас в Беларуси так долго культивировались всякие лженауки, и делали это те же люди, которые набирают по тестам «Менсы» высшие баллы.

Среди всех областей человеческой деятельности наука занимает особое место по отношению к уму и интеллекту. Именно в научной деятельности больше всего ценится сочетание природных интеллектуальных способностей и трудовых усилий. Только в науке существует специальный рейтинг людей, которые показывают наилучшие результаты в таком сочетании ума и трудолюбия, – это ученые степени и звания. Каждый шаг в науке нужно подтвердить достижениями. Каждое достижение нужно защитить в полемике с коллегами. Ученые звания и степени добываются в открытых и гласных состязаниях. Так во всем мире – но не в Беларуси. Только в текущем году в Беларуси два высокопоставленных чиновника получили ученые степени без защиты и даже без утверждения ВАКом. Если такое становится возможно, то национальная наука утрачивает механизм оценки интеллекта своих ученых, который складывался веками. После этого становятся возможны любые авантюры. Например, случай, получивший широкую огласку. Замминистра образования и науки А. Козулин обвиняется в том, что его докторская диссертация написана не им. Называются даже имена тех, кто писал эту диссертацию. В любой стране, где живет менее умная нация, этот случай стал бы большим скандалом, с многочисленными отставками, лопнувшими репутация-

ми, пересмотром правил и порядка прохождения процедуры защиты и т.д. В любой стране – но не в Беларуси. Мы самая умная нация в мире, у нас любой замминистра способен быть доктором наук – так зачем соблюдать обременительные формальности?

Самые дикие глупости на свете делаются с умным выражением лица. Самые дикие решения в Беларуси подписываются (если подписываются вообще) авторами, имеющими сертификат повышенного интеллекта в виде профессорского звания или ученой степени доктора наук. Вот только цена этих сертификатов вызывает большое сомнение. Профессор мог всю свою долгую карьеру строить на лженауке, которая была в почете в стране развитого социализма, а потом в суверенной стране рыночного социализма разрабатывать важнейшие разделы программы антикризисных мер. Можно ли считать диплом доктора настоящим в науке, которая оказалась обманом? Вопрос вовсе не риторический. Все бывшие научные коммунисты в Беларуси сохранили свои звания, степени и рабочие места, только теперь они называются политологами или философами. То же самое – с историками КПСС, истматчиками и политэкономами социализма.

Так уж получилось, что мы, самая умная нация в мире, постоянно заимствуем ум и разум у своего «старшего брата». (Интересно, проводила ли «Менса» свое тестирование в России и какой средний балл у нашего «старшего брата»?) Как же в России обстоят дела с умом и интеллектом, а также их употреблением в практической деятельности? Сетования Пушкина выше уже упоминались, а вот что говорит его знаменитый современник и приятель П.Я. Чаадаев: «Во Франции на что нужна мысль? – Чтоб ее высказать. – В Англии? – Чтоб привести ее в исполнение. – В Германии? – Чтоб ее обдумать. – У нас? – Ни на что! – И знаете ли почему?»

Так почему же? Почему мы такие бедные, раз мы такие умные, если у нас ума и интеллекта на душу населения больше, чем в других странах? Может быть, пора за этот самый ум браться? А то валяется без толку или другим достается.

О любви: вопреки очевидности

Статья опубликована в газете «Понедельник» летом 1997 года.

Очень много слов придумали люди для выражения любви. Иногда, когда хотят подчеркнуть высокую степень любви, говорят, что «он ее так любит, что готов пылинки с нее сдувать». Когда вы увидите «ЕЁ» ухоженной, без единой пылинки, – знайте: где-то есть «ОН», который ее «ТАК» любит. «ЕЮ» может быть кто-то или что-то. Для Ромео – Джульетта, для крестьянина – нива, для хозяина – дом, для скряги – новая машина, для патриота – Родина. Если вы видите «ЕЁ» неряшливой, под слоем многолетней пыли, – знайте: «ЕЁ» не любят. Неухоженные женщины, грязные города, брошенные деревни, заросшие поля, разбитые машины, покосившийся дом – свидетельства отсутствия любви.

Посмотрите на Беларусь.

О любви пристало говорить поэтам. Они не устают о ней говорить, хотя «о ней все сказано». Иногда поэты, говоря о любви, впадают в рассудочность и обобщения, как, например, Л. Завальнюк:

Все диагнозы врут,
Нет болезней на свете:
От ненужности мрут
нелюбимые дети.

Все диагнозы врут,
все врачи и лекарства:
Нелюбимые мрут
регионы и царства.

Если правда не труп,
Если чувства не лживы –
Нелюбимые мрут,
А любимые живы.

Иногда в сухой аналитике, собирая аргументы и факты, отделяя причины от следствий и случайностей, взвешивая факторы и параметры, доходишь до предела, когда понимаешь: аргументы уже врут, правда – в поэзии, в этике и эстетике.

Посмотрите на Беларусь. Ухожена ли она, красива ли? А теперь спросите у себя самих: любима ли она? Только не торопитесь отвечать. Вся мировая литература, фольклор и жизненный опыт свидетельствуют о том, что слова любви чаще, чем все остальные слова, не соответствуют действительности. Куда правдивее дела любви. Помедлите с ответом и спросите себя дальше: готовы ли мы «сдувать пылинки» с нашей Родины? И снова не торопитесь отвечать. Ведь речь идет не о пылинках на флаге страны, даже не о слое пыли на настенной карте Беларуси или на стопке книг о ее истории. Речь идет о флагах, втаптываемых в уличную грязь, о словесной пыли лжи, которой покрыта история Беларуси. Речь идет о радиоактивной пыли в Хойниках и Брагине, о ядовитых отходах в наших реках, о полях, искореженных военными полигонами, о пожарной копоти на стенах Заславльской церкви, о мутном эфире в средствах массовой информации, правовом мусоре в нашем законодательстве… Не торопитесь отвечать. Поспешные слова могут оказаться ложью, а правдивые и искренние могут быть такими горькими, что их лучше не произносить вслух.

* * *

Моя работа – это аналитика. От того, кто занимается анализом, ждут объяснений того, что происходит, ждут вскрытия причин, вплоть до ответа на вопрос «Кто виноват?», требуют рекомендаций и предложений в форме ответа на вопрос «Что делать?». Если аналитик не объясняет и не отвечает на поставленные вопросы – значит, он плохой профессионал, значит, он не справляется со своей работой. Я попадаю в сложное положение. Три года назад я объявил задачу аналитики – «Думать Беларусь». Это не анализ мочи и крови, это не анализ финансовых отчетов и статистических показателей весенней посевной или внешнеторгового баланса. Если аналитик вызвался «Думать Беларусь», то его об этом и спрашивают. Уже давно я на все вопросы отвечаю просто: «Есть ответы на все эти вопросы, уже объяснили, что происходит, назвали, кто виноват, подробно описали, что делать. Эти ответы можно прочесть там-то и там-то, мои ответы не совпадают с ответами других аналитиков. Часто разные ответы противоречат друг другу. Перестаньте задавать одни и те же вопросы, лучше изучите уже данные ответы, выбирайте самые лучшие – и давайте работать».

Моих собеседников такой ответ не устраивает, они спрашивают дальше: «А как мы можем выбрать лучший из противоположных ответов, где критерий?» На это я могу отвечать только одно: «Конечно, мой ответ самый правильный и лучший. Я пользовался самыми современными методами анализа и много работал и размышлял, прежде чем дать эти ответы». Но тогда я попадаю впросак. «Ага, – говорят мои собеседники, – всякий продавец свой товар расхваливает». Неужели я должен говорить, что я пришел к такому выводу, но он неправилен, а правилен вывод коллеги N? Ведь если я считаю вывод господина N правильным, то я тоже пришел к такому выводу, значит, это и мой вывод, просто авторство принадлежит коллеге N. Зачем же я буду публиковать или объявлять что-то под своим именем, заранее зная, что это неправильно? Тогда я просто соглашаюсь с коллегой N, могу только добавить свои доводы и аргументы к его выводу. Поэтому я отвечаю не так. Я говорю: «Чтобы определить правильные ответы среди неправильных, нужно любить Беларусь. Правильный выбор определяет любовь».

Отвечая так, я уже попадаю не просто в трудное положение. Надо мной начинают смеяться: «А еще аналитик называется! Это ответ поэта или проповедника». Но я действительно так думаю. Это не поэзия, а философия. Я утверждаю, что нельзя правильно проанализировать ситуацию в Беларуси без любви к Беларуси. Даже больше: без любви нельзя заставить себя делать такую сложную работу, как анализ. Именно без любви появляются решения, предложения и выводы по принципу «хотели как лучше, а получилось как всегда». На том, что любишь, пылинки видны невооруженным взглядом, а нелюбимое и под слоем пыли «сойдет». Поэтому так сильно различаются разные аналитики, политологические выводы и экономические решения. Сделанные без любви аналитические выводы отличаются благостностью, спокойствием и самодовольством. Вырос ВВП на 0,5% – успех, продали партию «Горизонтов» – достижение, зарплата маленькая – ничего, в Албании еще меньше, внешний долг растет и нет инвестиций – и так сойдет, демонстрантов бьют – так «хулиганам» и надо. Выводы тех, кто любит Беларусь, звучат иначе: нынешний рост ВВП равносилен катастрофе, беларусская электроника деградирует, «Горизонт» неконкурентоспособен, зарплата беларусских рабочих нищенская по сравнению с немецкими, рост внешней задолженности – ограбление наших детей, на демонстрациях бьют наших детей, и т.д. Аналитика без любви спокойна и выдержанна, аналитика с любовью раздражает и напрягает.

Чаще всего я ухожу от дальнейшего разговора. Видно, что собеседник не поймет. Он слышал в школе и читал в книгах, что греки любят Грецию, поляки – Польшу, русские – Россию, и все эти люди называются патриотами своей страны. Только в Беларуси патриотами называют восстановителей СССР, а тех, кто любит Беларусь, – националистами. Иногда можно закрыть разговор самоиронией, ведь я принадлежу к поколению, у которого цинизм и ирония стали мировоззрением. Даже когда мы любим, предпочитаем делать это иронично и с легким налетом цинизма. Так проще жить. Так и живем – с любимых пыль не сдуваем, и сами этой пылью притрушены, и чихаем от этой пыли, и чихать на нее.

* * *

Современный беларус напоминает Обломова: в меру образован, сообразителен, здоров, «не дурак» поесть и выпить. Наблюдая мир

с дивана – все понимает. Более активным и деятельным друзьям и соседям – не завидует. То, что пыль и грязь в собственном доме убирать нужно – знает, но не спешит. Ведь нужно подумать о «большом, чистом и светлом». Что пыль в «нашем доме – Беларуси»? Вон в «ихнем доме – России» – еще больше. А в «нашем общем славянском доме» ее, этой пыли, вообще видимо-невидимо. Вот объединимся домами – всю эту пыль разом и выметем. Мечтает так «Обломов» – и замечает, что активные и деятельные соседи этого и боятся. Если всю эту пыль враз вымести – весь мир долго не прочихается. Вот и торопятся соседи присоединиться к пылезащитному НАТО.

Я могу представить себе только две силы, способные стряхнуть «Обломова» с дивана: опасность или смертельная угроза – с одной стороны, любовь – с другой. Причем и та, и другая сила должна быть зримой и реальной. Отдаленная опасность – «авось минует», придуманная любовь – «и так притерпится». Не хочется призывать и накликать опасность или угрозу. Что-то доброе нужно делать, а плохое – само приходит. Но ведь и любовь бессмысленно пропагандировать. Насильно мил не будешь. Любовь – либо она есть, либо ее нет. Любви нельзя требовать. Можно только констатировать: есть любовь – страна ухоженна, красива и чиста, нет любви – страна как конюшня.

Мы, беларусы, очень давно не сдували пылинок с Беларуси – мы даже не подметали ее. Страна «обломовых» ждала, что ее почистят извне, вместо «мусорных зайчиков» введут настоящую валюту, заплатят за вывоз из страны милитаристского металлолома, чернобыльская зона сама лесом зарастет. Конечно, все это нужно делать, но сделает это не «дядя Ваня» и не «дядя Сэм». Это сможет сделать только сам «Обломов», когда встанет с дивана. А встанет он только тогда, когда полюбит свою страну: свою, а не чужую – ушедший в прошлое СССР; Родину беларусов, а не мифическую родину славян.

Я не умею делать дезактивацию зараженных лесов и почв, я умею делать аналитику. Я делаю это про Беларусь и для Беларуси. Думаю, что делаю это хорошо, поскольку сегодня в Беларуси есть реалистичная аналитика на современном уровне. Резюме этой аналитики можно сформулировать примерно так:

«Беларусь, ты сегодня ужасно выглядишь. Дорогая, сбрось с себя эти лохмотья коммунизма и совковости. Эта уродующая нацию

униформа шилась на «страну, которую не жалко» – вспомни, так говорил когда-то Бисмарк. Любовь к своей стране позволяла ему различать, что хорошо для нее, а что плохо. Это плохо и для тебя – поверь тем, кто тебя жалеет и любит. Беларусь, ты достойна лучшей доли. Не бойся примерить современное платье, ты в нем будешь прекрасна. Ты сможешь блистать на европейском балу!»

У Беларуси к такой аналитике двойственное отношение. Она никак не может поверить, что есть беларусы, которые ее любят. Сначала она обижается, что ей говорят, как плохо она сегодня выглядит, а дослушав до конца, бежит советоваться к своему лежащему на диване «Обломову» – не примерить ли ей новое платье. А «Обломов», не глядя, бросает ей: «Отстань, и так сойдет». И она возвращается к своим лохмотьям, полагая, что ей на роду написано быть нищенкой.

Жалко. Черт бы побрал эту «обломовщину»!

Труд – дело чести?

Статья написана 8 мая 1997 года и опубликована в газете «Понедельник».

Почему люди делают то, что они делают? Старик сажает деревья, которые начнут приносить плоды через много лет после его смерти. Солдат защищает позиции, зная, что не доживет до победы. Писатель пишет книгу, понимая, что ее невозможно опубликовать при его жизни. Политик упорно повторяет мнение, которое отвергается большинством граждан его страны. Пожарник, рискуя жизнью, спасает незнакомых ему людей, которые, может быть, сами виноваты в пожаре. Может быть, все подобные случаи экстремальны, случаются редко и не с каждым. Но именно потому, что такое возможно, что такое происходит, – возможна жизнь. Именно поэтому она продолжается. Все эти случаи так не похожи на повседневную жизнь. Во всех этих случаях люди руководствуются вовсе не бытовыми мотивами.

В бытовой, обычной ситуации люди делают нечто потому, что за это платят зарплату или это приносит прибыль. Чего-то не делают потому, что за это лишат прогрессивки или выгонят с работы. В обыденной жизни никто не готовится к подвигам. Режим обыденности и режим подвига так далеки друг от друга, что кажется – это совершенно разные жизни, живут так совершенно разные люди. Мотивы и цели в обыденности и быту описываются в категориях прибыли, пользы, денег, удобств и комфорта. Мотивы и цели в экстремальных ситуациях требуют для своего описания совсем других понятий: честь, долг, истина, справедливость. Дистанция между такими разными мотивами и целями так велика, что они кажутся несовместимыми в одной ситуации, в одно время, для одного и того же человека.

Труд в СССР – дело чести, доблести и славы. Еще семь-десять лет назад такие лозунги были привычны в стенгазетах, на заборах строек, в цехах, на комбайнах. Но как нелепо и смешно было бы услышать объяснение от маляра, уходящего с рабочего места домой, что он исполнил свой долг с честью; от токаря, заканчивающего перекур, что он возвращается к доблестному труду, взыскуя славы; от тракториста, ремонтирующего ветхую косилку, что он совершает трудовой подвиг! Незачем привлекать пафосные героические объяснения к тому, что может быть объяснено в простых бытовых понятиях. Мы так привыкли к тому, что слова «долг», «честь», «достоинство» принадлежат словарю партийных агитаторов и пропагандистов, наивных журналистов и писателей, что перестали считать это чем-то реальным, вообще существующим. Как только исчезли должности секретарей парткомов, которым за употребление этих слов платили зарплату, показалось, что сами эти понятия исчезли из нашей жизни. Мы уже уверены, что если люди нечто делают, то только потому, что это приносит им материальную выгоду, прибыль или прибавку к зарплате. И это правильно. Ведь очевидно, что разглагольствования о чести, доблести и славе применительно к повседневному труду полезны и выгодны только тем, кто не хочет или не может платить. Но почему тогда люди работают за такую зарплату, на которую невозможно прожить? Если сегодня сказать рабочему с «Интеграла», что его труд – дело чести и геройства, то можно и в лоб получить. Конечно, многие работают потому, что надеются на улучшение, потому, что уходить некуда, потому, что, подрабатывая на стороне, сохраняют трудовую книжку на заводе в расчете на будущую пенсию.

Когда-то считалось, что существуют материальные и моральные стимулы к труду. Сегодня о моральных стимулах никто не говорит. Считается, что невозможно просто любить свою работу – например, торговлю, банковское дело, преподавание. Все работают только потому, что там много платят. Такое объяснение представляется торжеством здравого смысла над идеологией и социалистической мифологией. Но это так же мало соответствует реальному положению дел, как и отошедшая в прошлое советская пропаганда. Нет необходимости приписывать геройство повседневному труду, но нет оснований считать, что люди делают все только из материальных соображений выгоды и прибыли.

Когда на улицы выходят демонстранты, то обыватели утверждают, что им платит ЦРУ. Деидеологизация нашего общества как маятник качнулась в противоположном направлении от золотой середины, где находится истина, в сторону другой лжи. Мы уже не склонны допускать, что у человека могут быть убеждения и идеалы, за которые он готов бороться, не рассчитывая ни на какую выгоду. Те, кто ушел из университетов и НИИ в бизнес, свысока смотрят на своих бывших коллег, которые по-прежнему преподают и разрабатывают научные темы за мизерную зарплату, считая их ленивыми и неприспособленными к жизни. Они не допускают мысли, что последним просто дорога их работа, они любят делать то, что делают, и будут делать, пока это вообще возможно. В наше нищее время в нашей разоренной стране жизнь держится именно на тех, кто работает именно на моральных стимулах. Причем это не может быть выражено в патетических терминах доблести и геройства. Все гораздо проще, скромнее и человечнее. Просто существует очень много людей, которые если нечто делают, то не могут делать это плохо. Если они знают, что эта работа нужна, то они ее делают. Только такие моральные стимулы годятся для повседневного обычного труда, а не до́ски почета, переходящие знамена и звания «героев труда». Те же, кто получал геройские значки, заседал в президиумах, произносил речи о доблестном труде, сегодня коллекционируют другие знаки социального отличия – деньги и только деньги, выполняя работу, которая не отличается ни творчеством, ни доблестью. Социальная мишура остается социальной мишурой и тогда, когда меняются знаки престижа и почета. Охотники до этой мишуры были и в советские времена, остались они и теперь.

Наше время как никакое другое высвечивает все многообразие трудовых мотивов и все противоречия труда.

Есть много людей, которые работают только за деньги. Им все равно, что делать, лишь бы за это хорошо платили.

Есть много людей, которые работают потому, что им нравится их работа, они умеют делать свое дело и любят его.

Есть люди, которые с головой уходят в работу, чтобы не думать, не напрягаться. Они ищут в работе покоя и бездумности – их иногда называют трудоголиками.

Есть люди, которые не умеют и не любят работать. Их труд неэффективен – сколько бы им за него не платили.

Люди разные – они были такими, есть и будут. Но все же беларусы привыкли считать себя трудолюбивым народом. Если это соответствует действительности, то необходимо проанализировать это трудолюбие на предмет его материальной эффективности и с позиций моральной оправданности.

Результаты совокупного труда беларусов в материальном отношении оставляют желать лучшего. Если мы такие трудолюбивые и так много работаем, то где же результаты нашего труда? Давайте разберемся. К 1997 году более половины потребляемого в стране продовольствия производится не в колхозах и совхозах, а в частном секторе. И это при том, что процент частных крестьянских хозяйств (фермеров) в Беларуси мизерный даже в сравнении с другими бывшими советскими республиками, например с Россией и Украиной. Значит, эта половина продовольствия выращивается не фермерами, а на приусадебных и дачных участках. Беларусские «дачи» – это бедствие не лучше Чернобыля. Половина городского населения все свои выходные дни проводит в изнурительном и неэффективном труде. Люди вкладывают в свои «шесть соток» больше труда, чем по основному месту работы. При этом стоимость билетов на электрички и автобусы (или стоимость сжигаемого бензина у дачников-автомобилистов) часто превышает стоимость выращенного урожая. На бедных участках стоят убогие лачуги для хранения лопат и граблей, в которых невозможно ни жить, ни отдыхать. На участках коттеджной застройки стоят недостроенные «коттеджи», в которых тоже нельзя жить и отдыхать, хотя в них вложен труд и стройматериалы на десятки и сотни тысяч долларов. Эти «дачи» и долгострой нельзя рассматривать как источник сельхозпродукции, потому что выращенная там картофелина дороже киви или бананов, а клубника дороже ананасов и кокосов. Эти продукты – экономический нонсенс, они могут только тешить тщеславие в соревновании с соседями. Эти «дачи» и долгострой невозможно рассматривать как зоны рекреации, потому что люди там «вкалывают» и выматываются так, что возвращаются в город отдыхать, а не работать, набравшись сил. Не поймешь, чего здесь больше: обмана советских экономистов-шарлатанов, придумавших эти «шесть соток», или самообмана беларусов, трудолюбие которых не удовлетворяется там, где они призваны работать. Повальное увлечение «дачами» может объясняться неудовлетворенной тягой людей к

собственности. Но собственность немыслима без хозяина, а хозяин немыслим без ответственности за свою собственность.

Рачительное ведение хозяйства и хозяйская ответственность и составляют предмет науки экономики (от греческих слов «экос» – дом и «номос» – закон), т.е. закономерностей домоводства. Можно ли с позиций экономики считать рачительным и ответственным хозяина, который вырастил урожай, рыночная стоимость которого два миллиона рублей, потратив за сезон пять миллионов на транспорт, семена и удобрения, не считая стоимости собственного труда и хранения урожая? Можно ли считать рачительным и ответственным хозяином человека, который, раздобыв по дешевке цемент и кирпич, начинает возводить стены коттеджа, не имея денег и материалов на крышу и окна, а потом оставляет всю постройку на разрушение нашему климату? Собственный труд опять же не учитывается. Может ли не знающий цену собственному труду ценить труд чужой? Не умеющий ценить чужой труд легко мирится с нищенской зарплатой и для себя, и для других. Может, именно такое отношение к собственности и своему труду и привело нашу страну к тому, что мы привлекательны для инвесторов только дешевой рабочей силой? А дешева она потому, что мы не знаем ей реальной цены. Сами же эту цену сбиваем. Это оборотная сторона беларусского «трудолюбия».

Труд – дело головотяпства и бесхозяйственности. Может быть, нам впору выдвинуть такой лозунг? Вымотавшись на даче, мы ищем в городе такую работу, где нужно поменьше работать. Госструктуры и присутственные места переполнены служащими, которые переносят на свою работу те принципы и нормы, которыми привыкли руководствоваться на своих дачах. Получение любой справки в конторах требует многочасовых ожиданий в очередях или многодневных хождений по инстанциям. Ну и что, время в нашей стране – не деньги. Мы ремонтируем наши дороги с такой же унылой обреченностью, с какой выпалываем траву на непригодной для хозяйства земле дачного участка. Мы составляем планы и программы развития Беларуси «до 2000 года» с таким же отвращением к их исполнению, как размышляем зимой о летней каторге на даче.

Трудовая этика является важнейшим компонентом морали и нравственности во все времена и у всех народов. Труд должен быть в радость трудящемуся. Но труд – с одной стороны процесс, с другой

– результат или продукт. Не может быть радости от процесса труда, если результат его ничтожен. Не может быть радости от продукта и результата труда, если он получен нечеловеческими усилиями. Что-то сломалось в нашей трудовой этике. Трудящемуся издавна желают: «Бог в помощь!» Но не может Бог помогать в «мартышкином труде». Нет Божьей помощи трудоголику, который трудится, чтобы забыться и укрыться от окружающей реальности. Не может Бог помогать трудящемуся «без царя в голове».

Как бы ни был дискредитирован советской пропагандой тезис о том, что труд есть дело чести (оставим доблесть и геройство в стороне), все же в этом что-то есть. В мудром и глубоком памфлете Джорджа Оруэлла «Скотный двор», или «Ферма животных», есть персонаж – лошадь по имени Боксер. При всех безобразиях, которые устраивали на Ферме новые хозяева – свиньи, Боксер отвечал одинаково: «А я буду работать еще больше» – и работал. Он только так и умел жить. Он не хотел замечать всего, что делалось вокруг, ведь тогда пришлось бы думать и выбирать. Полезно ли то, что он делает, то, что делают другие? Может быть, его работа – это копание канавы от забора и до обеда? Может быть, захватившие власть на Ферме свиньи – преступники и узурпаторы, и их господство держится на его, Боксера, тупом и бездумном труде? Если труд и не есть дело чести в прямом смысле слова, то, во всяком случае, он должен иметь прямое отношение к чести. Иначе труд становится рабским, бессмысленным, как у Боксера. Добровольность рабства никак не оправдывает рабства как такового.

Величайшим идеологом труда был Маркс, но ему же принадлежит тезис о том, что труд потребляет человеческую сущность. Он утверждал, что бездумный изнурительный труд без понятного и видимого результата превращает человека в орудие, в придаток машины, в том числе и социальной машины. Он называл это отчуждением человека от результата труда. Такое отчуждение происходит тогда, когда человек либо не знает, ради чего трудится, либо ему все равно, что делать, – лишь бы платили или кормили. Так что, по Марксу, отчуждение человека от результата труда, абсолютное обнищание и полное потребление человеческой сущности может происходить и тогда, когда человеку платят столько, чтобы он не умер с голоду, и тогда, когда ему платят много, но укрывают от него результат его деятельности.

Беларусы отчуждены от труда своей страны. Наш индивидуальный труд есть расточительство человеческой сущности. Мы закапываем эту сущность на «дачных участках». Наш коллективный труд напоминает то, что делал оруэлловский Боксер: мы прячемся в коллективном псевдотруде от проблем своей страны. Результаты нашего труда не приводят к улучшению дел, не развивают хозяйства, они экономически нецелесообразны. Беларусы трудолюбивы. Но это – любовь к процессу, а значит, к половинчатому труду, к труду «без царя в голове».

Есть такой анекдот. Однажды перед обезьяной и алкоголиком поставили одну и ту же экспериментальную задачу: в комнате с разными предметами к потолку подвесили приманки: банан для обезьяны и поллитровку для алкоголика. Сначала оба примата стали подпрыгивать, чтобы достать вожделенный предмет. Потом устали и присели отдохнуть на валявшиеся в комнате ящики. Обезьяна посидела – и сообразила: поставила один ящик на другой и достала банан. А алкоголик отдохнул и продолжил прыгать. После многочасовых наблюдений лаборант решил помочь алкоголику подсказкой: «Ты бы присел и подумал». «Чего тут думать – прыгать надо!» – ответил алкоголик и принялся за старое. Часто в Беларуси в точности воспроизводится та же ситуация. Чего думать о том, что происходит в стране? – работать надо! А может, все же присесть и подумать?..

Так почему же люди делают то, что они делают, или не делают того, что они не делают? Старик сажает деревья, которые начнут приносить плоды через много лет после его смерти. Писатель пишет книгу, понимая, что ее невозможно опубликовать при его жизни. Политик упорно повторяет мнение, которое отвергается большинством граждан его страны. Чиновник останавливает бюрократическую суету, покидает насиженное кресло и начинает размышлять о том, что же он должен был делать, сидя в этом кресле, и для чего существуют государственные чиновники… Может быть, подобные случаи экстремальны, случаются редко и не с каждым. Но именно потому, что такое возможно, что такое происходит, – возможна жизнь. Именно поэтому она продолжается. Все эти случаи так не похожи на повседневную жизнь. Во всех этих случаях люди руководствуются вовсе не бытовыми мотивами. И слава Богу, что такие люди все еще есть в Беларуси. Пока остальные «прыгают» (работают все больше и больше), эти люди закладывают беларусское будущее. И делают они это потому, что хорошо обдумали настоящее.

Особенности национальных отношений на фоне культурных катастроф

Статья опубликована в журнале «Белорусский климат» (№4, 1997 г.).

Что будет, если Беларусь заселить попуасами или пингмеями? (Остановимся на таком написании: «попуасы» и «пингмеи», – чтобы не обижать уважаемые реальные папуасский и пигмейский народы.) Возможно, кому-то из читателей этот вопрос покажется диким. Такое невозможно. Ну и что? Пусть невозможно, но попытаемся на фантастическом примере посмотреть – что же будет? Допустимы два разных исхода как предельные случаи и синтетические промежуточные варианты. Остановимся на предельных случаях:

1. Страна станет попуасской, этакая «Попуа – Белая Взгвинея», где будут проводиться референдумы за тесную интеграцию с Великой Взгвинеей, восстановление разрушенных связей, равноправие языков и введение символики с попуасским орнаментом под лозунгами единства попуасских народов.

2. Беларусы будут говорить на «трасянцы», гордиться славянским менталитетом, спорить о роли Великого княжества Литовского (ВКЛ) в формировании культуры и государственности Беларуси, но будут чернокожими и курчавыми.

Первый вариант возможен, если смена населения произойдет за короткий срок – не более жизни одного поколения. Второй вариант – если миграция попуасов будет продолжаться несколько столетий, и они будут перемешиваться с коренным населением постепенно, адаптируясь к новым условиям жизни, осваивая культуру и заключая смешанные браки. Промежуточные варианты интересны только тем, что споры и дискуссии всебеларусского масштаба будут вестись о том, что нам ближе: Европа или Полинезия, вступать ли нам в НАТО или в АСЕАН.

Продолжая мысленный эксперимент, предпримем две редукции: формально-логическую и сравнительно-историческую.

В формальной логике это выглядит следующим образом: этнос α мигрирует с территории А и заселяет территорию Б, где до того жил этнос β. В результате возможны варианты:

1. Этнос α живет на территории АБ, а этнос β с этой территории исчезает: либо растворяется в α, либо переселяется еще куда-то.

2. Этнос α вливается в этнос β, осваивая его культуру и язык, привнося только расовый генотип (цвет кожи, разрез глаз, группы крови и т.д.), т.е. все остается на своих местах – α живет (или жил, если переселилось 100% населения) на территории А, β – на территории Б.

3. Этносы перемешиваются не только по крови, но и по культуре и языку, и возникает новый этнос αβ, с новой культурой, новым языком и с произвольным именем территории (либо А, либо Б, либо АБ, либо вообще новым – В).

А исторические сравнения могут дать множество примеров всех вариантов:

1. Восточная Пруссия дважды за время исторической памяти пережила первый вариант. В XIII–XIV веках немцы вытеснили или ассимилировали древних пруссов, а после Второй мировой войны всех немцев депортировали и заселили территорию русскими (советскими). В результате нет ни Тильзита, ни Кёнигсберга, а есть молодые города Советск и Калининград. Венгры заселили Паннонию, поляки – Померанию, арабы распространились далеко за пределами Аравии, и т.д.

2. Афроамериканцы – это американцы, точно так же как и бывшие ирландцы, англосаксы, немцы и итальянцы. В течение нескольких веков завоеватели приходили на Апеннинский полуостров и оста-

вались там, а страна как была Италией, так и осталась: язык менялся исторически, так же как и греческий, но все завоеватели усваивали тот вариант латыни, который сложился ко времени их прихода.

3. Самый распространенный вариант. На территорию древней Фракии пришли греки – и принесли культуру и письменность, затем с Волги пришли булгары – и оставили этой земле новое имя, потом накатилась славянская волна – и оставила язык. Теперь там живет народ балкано-кавказской расы, со славянским языком, греческой религией и поволжским именем. Англичане: кельтское население Британии, слегка латинизированное римлянами, принимает имя одного из племен германских завоевателей – англов, усваивает общий для них и саксов германский язык, который вторично романизируется под воздействием новых завоевателей – нормандцев, которые, в свою очередь, сохранив скандинавское имя, пользовались французским языком. Французам (потомкам галлов или кельтов, а также басков или гасконцев) досталось имя от маленького германского племени франков и вульгаризованная латынь в качестве общего языка. Они забыли и кельтский язык, и неиндоевропейский гасконский или провансальский, а также германские языки завоевателей – готов, франков и норманнов. Большинство современных наций представляет собой такую конструкцию из антропологического субстрата: культуры, традиций быта и хозяйства, языка, идеологии и религии, возникших на одних территориях, а собранных в органичное национальное целое на других.

История того, как дикие германские племена приходили на территории римских провинций, оседали на развалинах опустевших древних городов, навязывали сельскому галльскому или иберийскому населению свои нормы общественных отношений, учились разговаривать с ними на упрощенной латыни и постепенно становились испанцами, каталонцами, португальцами и французами, хорошо известна.

Известно также и начало складывания беларусской нации. Заселение славянскими племенами земель ятвягов, литовцев и жемайтов, приход варяжских (норманнских) дружин в Полоцк, разгром полоцкой государственности киевлянами, новая консолидация из Новогородка (Новогрудка), складывание собственной княжеско-магнатской аристократии с норманно-славяно-литовскими корнями. Т.е. все раз-

ворачивалось обычным путем, как и у других народов в те далекие времена. Но у всех народов такой процесс когда-нибудь заканчивается, а у беларусов этот процесс продолжается.

Если для Средневековья перемешивание этносов и взаимные заимствования языка, культуры и всего остального были нормой, то те же процессы в новое время (XVIII–XX века) уже представляют собой отклонение от нормы, для Беларуси же они стали катастрофой. (Здесь, кстати, нужно сделать замечание. В периоды перемешивания культур, языков и народов не бывает национализма и расизма. Эти явления возникают только тогда, когда синтез закончился, и то, что получилось в результате синтеза, начинает цениться. Гипертрофированная ценность может принимать извращенные формы, их-то и принято называть национализмом. Поэтому не было национализма в Средние века, но он стал проблемой для европейских наций в Новое время. Было бы желательно не путать осознание неким населением ценности органичного синтеза культуры, языка, антропологического субстрата и освоенной территории – того, что называется нацией или народом – с извращенными и гипертрофированными формами, которые эта ценность может принимать.) Национальные традиции и культуры нуждаются в длительном времени для своего развития. После того как произошло смешение антропологического субстрата, языка и культуры, нужны столетия, чтобы этот синтез стал органичным, чтобы он прижился на некоторой территории, обрел историческую память и стал транслируемой традицией, а если все это перемешивать раз или два в столетие, то история всякий раз начинается как бы заново. Мексика ведет свою историю с момента открытия Америки, США – с бегства пуритан из Англии на «Мэйфлауэре», калининградские русские – с 1945 года. Ацтеки и майя так же чужды современным мексиканцам, как и жителям Минска, а интерес калининградцев к Тевтонскому ордену и прусскому язычеству – не больше, чем к египетским древностям. Тевтонский орден – это немецкое прошлое и источник немецких традиций и образцов для подражания, но они не живут в Калининграде; а калининградцы черпают образцы из своей истории, которой не было в Кенигсберге, но ее не было и в Калининграде, которому 50 лет от роду.

А сколько лет Беларуси? И что же будет, если заселить Беларусь попуасами? Если принять во внимание все изложенное выше, то на эти вопросы можно легко ответить: ничего не будет. Или будет все то

же, что есть сегодня, потому что у современной Беларуси нет исторического возраста. Территория страны с ее историческими развалинами не обжита современным населением, она как будто бы чужая для современных беларусов – почти так же, как была бы чужой для пришедших сюда попуасов.

Такое утверждение требует обоснования историческим материалом. Для этого воспользуемся двумя методологическими принципами:

1. Принцип множественности историй. Не вдаваясь в детали, зафиксируем только то, что нам необходимо для обоснования суждений этой статьи. Народ может иметь одну историю, а территория – другую, и эти две истории могут содержательно не соответствовать друг другу. Хрестоматийный пример – Египет. История территории, на которой стоят пирамиды, изучается в школах всего мира, а история современного народа, населяющего эту территорию, очень мало с этим связана. О коптах – потомках строителей пирамид – вообще мало кто знает.

2. Принцип катастроф. История территории не непрерывна, а дискретна. То, что разворачивается на каждой конкретной территории, может быть не связано между собой в разные периоды времени. Классические примеры: Троя, Крит, Византия-Константинополь-Стамбул, Кенигсберг-Калининград и т.д. Такие разрывы непрерывности и будем считать катастрофами.

В ряд классических примеров исторических катастроф можно включить и такой объект как Литва-Беларусь. На одной и той же территории сменилось несколько исторических периодов, и то, что в эти периоды происходило, почти не связано между собой причинно-следственной зависимостью.

Рассмотрим цепь культурных катастроф на территории, которая имеет современное название «Беларусь», только за два последних столетия.

I. Восточная провинция Речи Посполитой. Аристократия и чернь

Этот период закончился 14 декабря 1795 года, когда Екатерина II подписала указ «о присоединении на вечные времена к России Ве-

ликого княжества Литовского». На месте последних присоединенных территорий ВКЛ были организованы две губернии: Виленская и Слонимская. Некоторая доля автономии сохранялась в этих и восточных губерниях за счет того, что продолжало действовать литовское право.

Литовская государственность была достаточно полной, несмотря на сосуществование в едином государстве с Польшей. Но это было государство аристократии-магнатерии и шляхты – именно этот класс пользовался правами и свободами, они же были единственными носителями идеи литовской государственности. После подавления восстания 1794 года литовские магнаты перестали играть сколь-нибудь серьезную роль в стране; соответственно, государственность была обезглавлена. Крупные магнаты эмигрировали из страны, активные участники восстания Тадеуша Костюшко из шляхты либо бежали, либо погибли, либо были сосланы вглубь России. Михаил Огинский «попрощался с Родиной» за них за всех в своем полонезе.

Таким образом, первая культурная катастрофа на литовских землях состояла в том, что, сохраняя рудименты правовой автономии, страна лишилась носителей государственности – тех граждан, которые только и были заинтересованы в литовской вольности, в правах и свободах. Мелкое чиновничество помнило о Статуте ВКЛ, но высшие чиновники были пришельцами из России; они жили в других правовых рамках, были патриотами другой страны. Высшие должностные лица назначались в первую очередь из военных, из состава оккупационной армии Репнина и Суворова. Им же и коллаборационистам из литовской шляхты раздавались имения и крепостные побежденных.

II. 1796–1840 годы. Первое литовское возрождение. Шляхта и чиновники

Первые полвека существования Беларуси в составе Российской империи были наполнены ожиданием восстания и восстановления литовской государственности. России приходилось содержать в белорусских губерниях боеготовные войска для пресечения возможных восстаний. Поэтому к 1812 году эти войска не были готовы к вторжению Наполеона: они были ориентированы на внутреннего врага. К наступающим французам присоединились все сторонники

ВКЛ от Вильно до Могилева. Надежды не оправдались; после разгрома французов в Европе стали доминировать три монархических режима: Россия, Австрия и Пруссия, между которыми была поделена территория Речи Посполитой и которые не оставляли никаких шансов на ее быстрое восстановление.

На землях ВКЛ началась насильственная русификация, а ответом на нее стала добровольная полонизация. Царское правительство внедряло в делопроизводство и образование русский язык, а шляхта, школяры и студенты в знак протеста увлекались польским. Виленский и Полоцкий университеты были разгромлены, факультеты, библиотеки и лаборатории перевозились в Россию, а студенты ехали учиться в Варшаву, Краков и Дерпт. Те же, что попадали в Санкт-Петербург, Москву или Харьков, сохраняли польскую идентификацию. Ученая эмиграция постепенно забывала о литовском происхождении и все больше осознавала себя поляками. Городское самоуправление ликвидировалось, промышленное развитие было остановлено, крестьяне закрепощались по русскому образцу, особенно после подавления восстания 1830 года. Привилегированный класс раздвоился: с одной стороны – присланные из России чиновники и русифицирующаяся православная шляхта, а с другой – полонизированная шляхта, изолированная от государственных дел и самоуправления, культурная ориентация которой полностью замыкалась на Польшу.

ВКЛ стало мечтой, причем польской мечтой. Лучшей иллюстрацией этого являются биография и творчество Адама Мицкевича. Литву еще помнили, воспевали в песнях и стихах, но забывали о ее автономии. В памяти полонизированной шляхты она становилась частью Родины-Польши, а в кошмарах русифицированных чиновников – взрывоопасной провинцией той же Польши.

Две неудавшиеся попытки восстановления Литвы (1812 и 1830 год) были дополнены абсолютистской реакцией эпохи Николая I. К 1840 году от Литвы осталась только память. Литовская конституция (Статут ВКЛ) была заменена на российское законодательство, городское самоуправление упразднено вместе с ремесленными цехами, купеческими гильдиями и конфессиональными братствами, униатская церковь ликвидирована и все униаты объявлены православными, в

беларусских провинциях не осталось ни одного высшего учебного заведения. Стали постепенно исчезать литовская шляхта и свободные горожане: они становились либо русскими дворянами и чиновниками, либо поляками.

III. 1840–1863 годы. Северо-Западный край Российской империи. Военные, полицейские и обыватели

К моменту переименования бывшей Литвы в Северо-Западный край Российской империи от структуры литовского посполитого общества почти ничего не осталось. Магнатерия была уничтожена в первой катастрофе, шляхта и горожане – во второй, остались только крестьяне – они и были объявлены беларусской народностью. При очень незначительном распространении грамотности среди православного крестьянства письменной памяти о существовавшем на этой территории государстве и его культуре практически не было. Уже в XIX веке не могло быть полноценной нации, состоящей только из сельских жителей, только из одного, притом угнетенного класса, а именно такой стала беларусская нация. Крестьяне – беларусы, паны – поляки, администрация, полиция, судьи и клир – русские, горожане – евреи. На одной территории живут совершенно разные народы, и каждый живет своей жизнью. Остатки литовской шляхты пытаются организовать очередное восстание. Им удается воспользоваться некоторым недовольством крестьян на фоне отмены крепостного права и передела земли, город остается безразличным к этой попытке. Крестьяне уже не играют сколь-нибудь серьезной роли в истории к середине XIX века, а литовские города в упадке.

Все города Беларуси после 1840 года быстро деградировали и беднели. Еще в 1850 году Вильно был третьим городом Российской империи по численности населения. Но уже в этот год он уступил свое место Одессе, потом Киеву, Харькову, Риге, Нижнему Новгороду, и быстро превращался в захолустное местечко. Беларусские города утрачивали торговое и промышленное значение, они превращались в паразитические административные центры, места концентрации войск и полиции. Состоятельная публика беларусских городов состояла из чиновников, полицейских, военных, членов их семей и незначительной прослойки помещиков из близлежащих

маёнтков и фольварков. Последние составляли самую цивилизованную часть городских обывателей. Но это уже была маргинальная цивилизованность. Люди, только в первом-втором поколении выучившие польский или русский язык, без семейных архивов, без длинной семейной памяти – «тутэйшыя», выдававшие себя за поляков. Для обслуживания городских обывателей достаточно было мелкого ремесла и розничной торговли. Эту сферу деятельности начали монополизировать евреи, расселение которых в империи ограничивала черта оседлости. Культурные потребности местечковых евреев удовлетворялись собственными силами: цадиками, раввинами и фольклором. Черносотенная политика царской администрации по отношению к евреям заключалась в ужесточении ограничений и запретов. Поэтому культурные запросы еврейская публика Вильно, Витебска, Минска могла удовлетворять только на польском языке. Углубляется языковой барьер между городом и деревней. Для образованных горожан беларусская деревня становится экзотикой. Этнографические исследования стали распространенным хобби для интеллигентов, а беларусский язык надолго обосновался в умилительных сборничках типа «Дудка беларуская» и «Смык беларускі».

IV. 1863–1918 годы. Второе рождение Беларуси. Горожане и селяне

Увлечение беларусской этнографией совпало с началом народовольческого хождения в народ. К этому времени Литва уже окончательно забыта. Само имя стало закрепляться только за населением Ковенской и частично Виленской губерний – за жемайтами и аукштайтами. Аборигены Северо-Западного края стали только беларусами; крестьяне, получая образование, начали мигрировать в города и принесли в них беларусскую струю. Горожане не сопротивлялись. У поляков была своя «историческая родина», у евреев – своя. Несмотря на свое численное превосходство и культурное доминирование, они вынуждены были уступить крестьянской беларусизации, признать права тех, кого через сто лет станут называть титульной нацией. Национальная культура обзавелась минимальным набором современных началу века атрибутов: средним образованием, газетами,

театром, наивно-модернистской литературой, революционными молодежными кружками. В городах сложилась культурно-языковая чересполосица: официальный язык – русский, разговорный – польский и еврейский, модный – беларусский, а в Вильно еще и литовский. Весь регион называется Белоруссией, но границы его размыты – от Смоленска до Белостока, и принадлежность его к той или иной культуре не определена. На волне самоопределения народов развалившейся империи Романовых Беларусь пытается обрести самостоятельность. Государственность учреждается то в Смоленске, то в Вильно. Ее поддерживают то большевики, чтобы не отдать регион Польше, то немцы, чтобы обезопасить тылы. В конце концов страна делится на три части: Западная Беларусь достается Польше, Восточная – РСФСР, а Минск становится столицей крохотной марионеточной БССР под управлением красных комиссаров. В маленькой республике объявляется четыре государственных языка: беларусский, русский, польский и еврейский. Древняя Великая Литва сжалась до бывшей Ковенской губернии. Этой Литве достались эпическая история от Миндовга до Гедемина, слава Витовта, конституция Сапеги, культурный ренессанс Радзивиллов, подвиги Костюшки.

V. Польский, беларусский и еврейский вопросы – беларусский ответ

Беглый очерк беларусской истории дает представление о нескольких культурных катастрофах.

XVIII век. От имени народа в эту эпоху все еще говорит аристократия. Именно в эту эпоху «посполитый люд» Литвы лишается аристократии. Некому говорить и выступать от его имени.

Начало XIX века. Культурная инициатива переходит к дворянству. Беларусская шляхта именно в это время полностью утрачивает национальную идентичность, частью ополячивается, частью русифицируется. Те, что еще помнят себя литвинами, либо погибают в восстаниях, либо ссылаются в Сибирь, либо эмигрируют.

Вторая половина XIX века. Эпоха разночинцев, как это называлось в России, т.е. горожан. Как раз в это время беларусские города находятся в демографическом упадке. По этническому составу и по

происхождению городские обыватели не имеют преемственности с вольными до 1840 года городами. Они заселены мигрантами и маргинальными помещиками. Преобладающий язык в них польский, преобладающий этнос – евреи.

XX век. Только-только в беларусских городах появляются постоянные жители, со своей субкультурой и традициями, как начинается интенсивная миграция в города сельских жителей и беларусизация городов. Городские традиции, складывающиеся на польском и еврейском языках, неприемлемы для новых горожан, от них отказываются или забывают. Самый дикий пример этого – Витебск. Долгие десятилетия беларусский Витебск не желает признавать Марка Шагала своим. Шагал жил в другом городе. Он рисовал свой Витебск, а вовсе не тот, который обживают два-три последних поколения.

Последняя катастрофа – переселение, изгнание или уничтожение евреев. С исходом евреев из беларусских городов окончательно исчезает городская культура, традиция, связывающая XIX век и даже довоенное время и наше.

В прошлом веке на земле Беларуси остро стоял польский вопрос. Историческим ответом на него была государственность Литвы, но национальная политика Российской империи стимулировала другой ответ – беларусский. Из сельских жителей наследников Великого княжества Литовского была выращена новая нация – беларусы. Эту нацию лишили истории, но отдали ей территорию. Польский вопрос исчез.

Черносотенный режим царского периода и борьба с космополитизмом в сталинской национальной политике обострили еврейский вопрос. Он решался пятьдесят лет, но решался самым варварским способом, на который оказался способным XX век, – геноцидом. То, что не доделало НКВД в 30-е годы, продолжили фашисты в 40-е, а в 60–80-е годы исход евреев к Сиону довершил опустошение беларусских городов.

Таким образом, к моменту развала СССР Беларусь была самой чистой в этническом плане из союзных республик. 80% населения страны принадлежало к титульной нации. Но это была нация в младенческом возрасте, без культурных корней, без памяти, без планов на будущее.

VI. Раздельная жизнь людей и языков

Стало банальным утверждать, что каждое меньшинство вносит свой вклад в богатство страны. Культурное и этническое разнообразие есть благо для народа и неоценимое достояние. Культура жива только в трансляции и реализации себя. Для трансляции нужны преемственность традиции, фольклора, ремесел, образа жизни, нужны семейные связи и длинные цепи семейных поколений, необходимо знание языков. Люди в Беларуси жили отдельно от традиции, от преемственности семей, от языков.

За два века в Беларуси несколько раз сменилась доминирующая конфессия: исчезли автохтонные протестанты, зато стали распространяться харизматические течения, завезенные из Америки, сократилась численность католиков, уничтожено униатство, прекратилась традиция иудейства с хасидизмом после исхода евреев.

Через каждые несколько поколений жители Беларуси начинали говорить на другом языке. Поэтому они с недоверием относятся к свидетельствам прошлого, как чуждым. Да и потребность обращаться к этим свидетельствам почти отсутствует. Крестьянам это не нужно, а длина цепочки поколений горожан редко превышает два-три звена.

Поэтому утверждение о том, что сто лет назад Беларусь населял тот же народ, что и теперь, – весьма сомнительная гипотеза. Во всяком случае, доказать ее будет трудно.

Так что если Беларусь заселить попуасами и пингмеями – ничего принципиально не изменится. Здесь будет такой же расовый мир и этническая толерантность, как и до сих пор. Только как долго попуасы продержатся на этой земле? Смогут ли они начать, продолжить и сохранить традицию и преемственность?

Общественные консультации, диалог и народовластие «по-беларусски»

Статья опубликована на сайте международного консорциума «ЕВРОБЕЛАРУСЬ» 1 октября 2009 года.

Новый виток отношений с Европой, «либерализация» и прочие изменения современной беларусской жизни вновь делают актуальной тему общественных консультаций, включения гражданского общества в диалог с властью и т.д. Попробуем разобраться с основаниями, на которых выстраиваются механизмы такого рода коммуникаций. Современные беларусские элиты, политики и идеологи сформировались в советское время, впитали в себя советские представления и идеалы. И после короткого периода относительной демократии 1991–1994 годов продолжают реализовывать эти представления и идеалы в политической и общественной жизни независимой Беларуси.

Советская демократия

В период обострения идеологического кризиса конца 1980-х – начала 1990-х годов советская система противопоставлялась демокра-

тии и правовому государству. Было принято считать, что советское общественное устройство представляет собой полную противоположность демократии. Для идеологических баталий такого представления вполне достаточно, но если разбираться глубже, анализировать реальность и основания советского общественного устройства, то придется вспомнить, что категория демократии всегда применялась советскими идеологами по отношению именно к советской власти и общественному строю в СССР. Утверждалось, что именно большевики и КПСС устанавливают и поддерживают истинную демократию и народовластие. Это никак не опровергает характеристику советского режима как диктатуры, но требует подробного анализа советских представлений о демократии и народовластии.

Идеологи большевизма почти все были самоучками и не имели систематического образования. Они вдохновлялись наивными и архаичными идеями, не соотнося их с реалиями социальной организации начала XX века. Еще в 1905 году большевики противопоставили сословной и бюрократизированной системе местной власти принцип непосредственной народной демократии. В Советах рабочих депутатов того образца решения принимались представителями «низов». Впоследствии Ленин сформулировал идеал непосредственной демократии словами: «Каждая кухарка должна уметь управлять государством».

Не углубляясь в историю и генезис современной демократии, следует признать, что и советская власть, и современные демократические институты в Европе и Америке происходят из одного корня: из непосредственной демократии античных и средневековых городов-государств, общин и коммун. Но современная западная демократия является результатом длительной эволюции, в которой при сохранении древних демократических идеалов выработаны институциональные формы реализации полноты этих идеалов. Кроме того, она вобрала в себя и эволюцию представлений о человеке и знании, способности к суждению и оценке. Советский строй отрицал все достижения цивилизационного развития и пытался напрямую возродить идеалы прямой демократии в новом общественном устройстве. Однако непосредственная демократия возможна только в небольших общинах и коммунах, когда возможно собрать всех на общее собрание и принять решение голосами каждого, кого это решение касается.

При росте общин и многократном увеличении количества граждан непосредственная демократия так или иначе переходит в представительную. Для этого вырабатываются и поддерживаются представительные институты и традиции. Если этими институтами, механизмами и традициями пренебрегают, то на базе непосредственной демократии образуется та или иная форма диктатуры или тирании. Этому была масса примеров в древности и в Средневековье. Это же произошло с советским строем.

Советская власть представляла собой многоуровневую систему советов: от сельских и поселковых до Верховного Совета народных депутатов СССР. Во всех этих советах самым тщательным образом выдерживались нормы представительства. Пропорционально составу населения в советах были представлены депутаты всех социально-демографических категорий, рода занятий и профессий, этнической и национальной принадлежности, игнорировалась только конфессиональная структура. На основании полноты представительства советскими идеологами утверждалось, что именно так реализуется народовластие. В результате решение и сложных, и простых вопросов принималось голосами некомпетентных и неподготовленных представителей. Депутаты советов всех уровней на несколько дней в году отрывались от своих станков, полей в колхозах или от научных занятий – от того, в чем они компетентны. Они собирались в залы заседаний, где на них вываливался ворох документов и решений, за которые они должны были проголосовать. Даже если они успевали прочитать эти документы, у них не было возможности ни разобраться с ними и проанализировать, ни заказать экспертизу и проконсультироваться со специалистами. При такой организации работы советов нивелировалась компетенция всех депутатов – и академик, и колхозник оказывались в равной мере некомпетентны. И если в 1920-е и 1930-е годы в советах разных уровней еще возникали какие-то споры и дискуссии, то за несколько десятилетий реализации такой практики народного «представительства» у депутатов выработалась привычка только голосовать, причем всегда «за».

Все понимали имитационный характер советов и то, что они только легитимизируют решения, выработанные и принятые бюрократией. Бюрократия считалась ответственной за все ошибки, а все положительны решения и достижения приписывались руководящей

роли Коммунистической партии. Партия сама ставила задачи бюрократии, сама контролировала ее деятельность и взыскивала с бюрократов за ошибки. Так непосредственная демократия переродилась в полную диктатуру Коммунистической партии. Внутри самой партии происходило практически то же самое, и сама партия находилась в диктаторском управлении партийной номенклатурой.

В конце 1980-х годов такое положение дел стало нетерпимым. Первые попытки исправить это положение дел, названные «перестройкой», состояли в возврате к первоначальным идеалам непосредственной демократии. В истории этого периода были и революционные преобразования советской системы в направлении цивилизованных форм социальной организации, и уродливые формы, которые возникали время от времени.

Беларусские формы демократии: референдум, Всебеларусское собрание...

В первые три года президентства Александра Лукашенко происходил возврат от неустоявшихся цивилизованных норм государственного управления к архаичным формам непосредственной демократии. Неотложные задачи, стоящие перед независимой Беларусью, первый президент пытался решать не через согласование с представительными органами власти, а апеллируя непосредственно к волеизъявлению народа и опираясь на народную поддержку решений. В практику государственного управления были введены референдумы. Очень характерный пример дает референдум по изменению Конституции в 1996 году, когда текст изменений и исправлений в Конституцию был опубликован только через неделю после начала досрочного голосования за эти изменения. Народ голосовал примерно так же, как советские депутаты, целиком полагаясь на тех бюрократов, которые выработали решение. Президент делал попытки устранить или заместить сам институт парламентаризма, собирая Всебеларусские народные собрания. Состав делегатов этих собраний так же должен был представлять структуру беларусского общества. И к решениям этих собраний Лукашенко апеллировал в борьбе против парламента и политической оппозиции.

Отсутствие традиций парламентаризма, слабость беларусских социальных и гуманитарных наук, тотальная правовая безграмот-

ность населения приводили к тому, что беларусское общество не замечало институциональной и процедурной разницы между парламентом и общенациональным собранием. В результате сам парламент утратил свойства органа современной представительной демократии и был низведен до статуса народного собрания.

Разница между этими органами, которая не улавливалась беларусами, лежит не столько в структуре представительства, сколько в процедурах и механизмах их формирования и организации работы. Парламент невозможен без политики, без конкурентной борьбы и множества процедур опосредования и контроля за выборами. Современное Национальное собрание Беларуси (Палата представителей и Совет Республики) формируется без политической борьбы и конкуренции на выборах. В работе самого парламента отсутствует политическая составляющая, там не представлены партии, нет фракций, нет дискуссий, а парламентские комиссии не пользуются консультациями экспертов и общественных групп. Парламент работает как придаток правительства, уступая правительству по компетентности и подготовленности в тех вопросах, которые он решает. Современное общественное устройство Беларуси и место в нем гражданского общества строится на реализации в нем этих принципов непосредственной демократии.

Наиболее обобщенная схема демократии и народовластия «по-беларусски» выглядит следующим образом:

1. Народ – нечто целое, единое и неделимое.

2. Поскольку цельность и неделимость народа противоречит здравому смыслу и эмпирике, то за народ принимается только большинство. Соответственно, все, кто не разделяет мнения большинства, отличается от него, народом не считаются.

3. Власть в Беларуси выступает от имени народа и за народ, поэтому обязана советоваться с народом.

4. Коммуникация власти с народом строится либо в одностороннем порядке – власть спрашивает, народ отвечает, – либо иррациональным образом: власть «угадывает» мнение народа и высказывается от его имени.

5. Спрашивая мнение народа, власть вынуждена выделять из народа спикеров, озвучивающих мнение народа, т.е. большинства. Все

не совпадающие с мнением большинства высказывания в расчет не принимаются как ненародные.

6. Чтобы такая коммуникация велась непрерывно, необходимо осуществлять постоянное сепарирование, или отделение народа, с которым власть советуется, от ненарода, или антинародных элементов.

7. Ненародом, или антинародными элементами властью признаются те, кто нарушает принятый односторонний порядок коммуникации. Всякий, кто не является представителем власти, но проявляет инициативу в коммуникации (спрашивает у власти первым), исключается из народа. Точно также антинародными признаются попытки угадывать мнение народа и выступать от его имени всем, кто не входит в высшие эшелоны власти.

Такая схема коммуникации может использовать категории, звучащие одинаково в риторике беларусской власти и в риторике демократического Запада. Например, категории «народ», «диалог», «общественное мнение», «общество». Но в западной демократической традиции категория «народ» не знает исключений, при этом народ не представляется чем-то целым и неделимым – это изначально нечто множественное и разнообразное. Там немыслимо считать кого-то ненародом. Диалог предполагает равенство участников: любой участник диалога может спрашивать и вправе рассчитывать на ответ. Во многих случаях со стороны власти в демократической традиции ответ является обязательным. Власть обязана отчитываться за свои действия и решения перед народом, независимо от того, относятся ли вопрошающие представители народа к большинству или к меньшинствам. Именно общность и кажущаяся одинаковость используемых категорий и понятий приводит к постоянным недоразумениям во взаимодействиях беларусских властей с западными странами. И эта же кажущаяся одинаковость понятий открывает перед беларусским режимом возможность симуляции демократических процессов и преобразований.

Гражданское общество в Беларуси начало формироваться в годы «перестройки» и развиваться в первые годы независимости и относительной демократии. После государственного переворота 1996 года и возврата к упрощенным формам советской власти гражданское общество Беларуси сумело выжить и остается фактором, воздействующим

на общественные процессы. Не в последнюю очередь гражданское общество в Беларуси существует за счет поддержки со стороны Европы и США, а также благодаря общей демократизации и либерализации на постсоветском пространстве. А поскольку маленькая Беларусь очень зависима от внешнеэкономических факторов и от международной политики, то беларусское государство в той или иной форме вынуждено считаться с международными нормами. Являясь членом многих международных организаций, вступая в двусторонние отношения, беларусские власти обязаны привлекать общественные, негосударственные структуры для реализации программ, в которых они заинтересованы. Но сама природа беларусской диктатуры, восходящая к советским образцам, мировоззренческие и идеологические установки государственного истеблишмента противятся реализации современных демократических механизмов. Поэтому, будучи вынуждено считаться с европейскими требованиями и нормами в отношении гражданского участия, беларусское государство симулирует гражданское участие – либо создавая псевдообщественные структуры, выдаваемые международным наблюдателям и партнерам за гражданское общество, либо манипулируя реальными структурами слабого гражданского общества. Эти манипуляции гражданским обществом и общественным мнением до последнего времени удаются достаточно легко в силу слабости и, главное, недостаточной компетентности самого гражданского общества.

Прецеденты общественного диалога, или симуляция гражданского участия в Беларуси

<u>*Общественно-политический диалог 1999–2000 годов*</u>

К 1999 году беларусский режим практически закончил построение государственной вертикали власти и реализовал намеченный порядок и организацию общественной и государственной жизни. Но международными институтами и большинством европейских стран и других членов ОБСЕ беларусский режим не признавался легитимным. ОБСЕ и Совет Европы признавали легитимным парламентом Верховный Совет, избранный в 1995 году по Конституции 1994 года. Но реально действующим в стране парламентом было двухпалатное Национальное Собрание, нижняя палата которого была составлена из лояльных депутатов Верховного Совета, а верхняя – практически

целиком была назначена президентом. В традициях западной демократии такое положение дел признавалось недопустимым, но полностью укладывалось в представления о демократии беларусского режима по описанной выше схеме. Стамбульский саммит ОБСЕ, в котором участвовал и президент Лукашенко, принял резолюцию, пункт 22 которой обязывал беларусские власти, признаваемые де-факто, начать диалог с теми представителями Верховного Совета, которые оставались для ОБСЕ законным парламентом. Поскольку депутаты Верховного Совета были лишены реальных механизмов власти, то в диалоге должны были участвовать поддерживающие их оппозиционные партии и структуры гражданского общества. Весь диалог организовывался при посредничестве миссии ОБСЕ в Беларуси. Основной темой диалога должны были стать конституционные противоречия, или различия между вариантами Конституции 1994 и 1996 годов. В процессе подготовки и ходе диалога во всей полноте проявились архаичные представления и установки властей и неготовность к диалогу политической оппозиции и гражданского общества.

Власти втянули в диалог представителей «большинства» – лесоводов, ветеранов войны и труда и т.д., которых они рассматривали как представителей народа и общества. От этих представителей было получено полное согласие, на которое рассчитывали, – «противоречия отсутствуют». Представители оппозиции и «меньшинства» гражданского общества проигнорировали ситуацию диалога, посчитав, что он все равно не состоится. Через два месяца участники диалога просто перестали собираться, не придя ни к какому результату.

Беларусские власти не отказывались от выполнения резолюции Стамбульского саммита ОБСЕ. Они даже приложили усилия для организации диалога и созыва участников в соответствии со своим представлением о том, кто есть народ Беларуси, с которым они готовы вести «диалог» или советоваться. На возражения со стороны миссии ОБСЕ, что в диалоге так и не была представлена альтернативная позиция, власти отвечали традиционным способом: эта позиция не отражает мнение народа, а только отдельных людей. И с этим мнением отдельных людей можно не считаться. Власть требует от ОБСЕ считаться с выбором народа. Упорство со стороны ОБСЕ и отдельных деятелей беларусской оппозиции объявляется вмешательством во внутренние дела Беларуси.

Европейские программы в экономике и безопасности, чернобыльских программах

Опыт реализации помощи развитых стран странам третьего мира показывает, что выделяемые средства в странах-реципиентах тратятся не по целевому назначению, приводят к коррупции и оседают в теневом секторе экономики. Поэтому достаточно давно в программах технической помощи, а также других целевых программах, финансируемых странами первого мира, предусматривается общественный контроль и широкое участие в реализации этих программ не только государства, но и бизнес-структур и негосударственных организаций (НГО). Будучи заинтересованными в западной помощи, государства третьего мира вынуждены идти на уступки, облегчая создание и регистрацию НГО, улучшая бизнес-среду. Но в некоторых случаях диктаторские режимы идут по другому пути. Они создают коррумпированный бизнес и симулятивные общественные организации, т.н. государством организованные НГО (ГоНГО). Затем ГоНГО выставляются как структуры гражданского общества для реализации совместных с Западом программ, иногда целиком вытесняя из той или иной сферы реальные общественные организации.

Наиболее характерным образом это явление в Беларуси можно наблюдать на материале чернобыльских фондов. Развитые страны активно участвовали в ликвидации последствий Чернобыльской аварии. В эпоху «перестройки» и первые годы независимости западная помощь способствовала повышению общественной активности и возникновению экологических организаций, специализированных социальных организаций, занимающихся решением отдельных проблем, распределением гуманитарной помощи пострадавшим, оздоровлением детей и населения зараженных территорий. В годы экономического упадка программы западной технической и гуманитарной помощи пострадавшим регионам выглядели очень большими поступлениями на общем небогатом фоне. Эти деньги поступали и распределялись не по государственным каналам. После 1994 года беларусский режим не захотел с этим мириться. Предпринимались попытки перенаправить техническую и гуманитарную помощь с «третьего сектора» на государство. В тех случаях, когда они не имели успеха, начиналось ограничение свободы деятельности общественных фондов и организаций, а иногда и прямое преследование этих организаций

или их лидеров. Вместо этих организаций западным донорам предлагались искусственно созданные ГоНГО. В некоторых случаях они выглядели более профессиональными и эффективными партнерами для доноров. Поэтому западные фонды и структуры легко соглашались на сотрудничество с ними. В конечном итоге это привело к полному огосударствлению программ помощи пострадавшим от Чернобыльской катастрофы.

Аналогичные процессы протекали и в других сферах деятельности. В программах, которые затрагивали компетенцию силовых структур (например, обустройство границы, запрет и ликвидация тех или иных видов вооружений, борьба с трафиком людей и наркотиков и т.д.) власти вообще не церемонились и рассматривали участие ГоНГО просто как техническое условие выделения денег по этим программам. Поэтому создавали фиктивные организации, существующие только на бумаге, а представителями этих фиктивных НГО назначались государственные чиновники. Так же просто решались вопросы в сфере бизнеса и предпринимательства. Беларусское правительство фактически самостоятельно учреждало разного рода объединения и ассоциации производителей тех или иных услуг и товаров, ассоциации нанимателей или защиты прав потребителей. В результате многие организации, являясь на бумаге общественными, фактически являются подразделениями министерств и ведомств.

Удвоение общественных организаций

Организации и объединения, формально считающиеся негосударственными, существовали еще в Советском Союзе. Это были разного рода комитеты защиты мира, ДОСААФ, организации охраны памятников культуры или природы и др. Особое место среди них занимали т.н. творческие союзы: союзы писателей, кинематографистов, композиторов, архитекторов и т.д. Некоторые из этих союзов стали активными участниками процессов демократизации в годы «перестройки»: например, Союз кинематографистов, Союз писателей. Другие же были либо индифферентными, либо, наоборот, очень консервативными. Демократически настроенные профессионалы, будучи не в силах реформировать консервативные и застойные организации такого рода, выходили из них и создавали новые. Так, например, была

создана БАЖ (Беларусская ассоциация журналистов), поскольку существующий Союз журналистов никак не участвовал ни в развитии демократических средств массовой информации, ни в защите свободы слова, ни в защите подвергающихся преследованиям журналистов. Власти воспользовались существовавшим прецедентом «удвоения» некоторых организаций и начали сами стимулировать этот процесс. Ярким прецедентом является «удвоение» Союза писателей. Причиной создания прогосударственного Союза писателей стали не только неуступчивость руководства и большинства его членов, их демократические устремления, но и собственность, принадлежавшая Союзу писателей еще с советских времен. Недвижимость в центре Минска, Дом творчества под Минском были привлекательными с коммерческой точки зрения. Эту собственность пришлось у Союза писателей экспроприировать, но и это не сделало писателей покладистыми и зависимыми. Тогда власти инициировали раскол писательской организации и создание «нового» Союза писателей. Аналогичным образом власти поступили со строптивым Союзом поляков.

Наличие двойных общественных объединений и союзов позволяет эффективно и эффектно консультироваться и вести «диалог» с «гражданским обществом», формально соблюдая все требования демократического устройства общества.

Общественно-консультативные советы

Первые тематические, или ведомственные, общественно-консультативные советы возникали в сферах, где разворачивались программы европейской помощи. Они рассматривались властями как технические элементы этих программ. В некоторых случаях общественные организации пытались пользоваться создаваемыми советами в интересах гражданского общества и в интересах тех целей, которые они перед собой ставили. Например, так происходило с экологическим советом. Но позитивных прецедентов использования ведомственных общественно-консультативных советов почти нет.

Новый период в истории этой формы был открыт с созданием в январе 2009 года Общественно-консультативного совета при Администрации президента. Сфера его компетенции очень широка и затрагивает интересы практически всех остатков гражданского обще-

ства в Беларуси. Его создание и темы, выносимые на его заседания, привлекают повышенное общественное внимание. Такое же внимание обеспечено и тем общественным советам, которые стали создаваться уже после, поскольку именно факт создания Общественно-консультативного совета при Администрации президента и характер его деятельности со всей очевидностью высвечивает симуляцию. Сейчас вопросы общественной активности и общественного контроля и диалога не замыкаются на отдельных программах западной помощи или локальных и частных вопросах. Они помещаются в рамки Восточного партнерства. Когда необходимость реформирования осознается не только в оппозиции и гражданском обществе, но и в высших эшелонах власти, симулировать демократические преобразования и диалог по-прежнему можно, но симуляция уже не приносит властям прежних дивидендов. Режим все еще пытается не действовать, а «делать вид», не проводить реформы, а симулировать их. Но раньше в качестве выигрыша за симуляцию режим получал ослабление критики в свой адрес и выигрывал время. Этого ему было достаточно. Сейчас ему необходимо нечто иное: не просто имидж, но кредиты и инвестиции, не просто отсутствие критики, а отмена санкций, не просто обмен визитами и делегациями, но свободная торговля и новые рынки.

До сих пор беларусскому режиму удавалось обводить вокруг пальца политических оппонентов внутри страны, Европу и даже Россию. На этом основании многие наблюдатели полагают, что сейчас ему удастся так же поступить и с Евросоюзом и Восточным партнерством, подсунув партнерам несколько подделок под демократические институты и структуры. Действия и поступки некоторых западных политиков и структур делают такие опасения справедливыми. Например, миссия ОБСЕ в Минске в последний год легко принимает подделки вместо реальных дел.

Но, кажется, времена все-таки изменились, и при всем нежелании вести дела честно это придется делать, и начинать придется с реального диалога, а не его имитации.

«Народны альбом»

Тэкст быў надрукаваны на вэб-сайце worvik.com 25 ліпеня 2007 года.

Сёлета спаўняецца 10 год праекту Міхала Анемпадыстава «Народны альбом». Гэты праект шмат чым цікавы, і, напэўна, не кожны музычны праект можа пражыць 10 год і захаваць актуальнасць і, так бы мовіць, свежасць.

Тым больш што ўсе песні гэтага альбома аб'яднаныя не музычнай формай ці стылем, а нейкім зместам, амаль што метафізічным. Агульнай тэмай альбома з'яўляецца шок беларускай свядомасці пры пераходзе ад нармалёвага, звычайнага чалавечага жыцця ў Заходняй Беларусі да надзвычай штучнага, шмат у чым незразумелага савецкага ладу жыцця. «Народны альбом» – гэта спеў беларуса, які асэнсоўвае свой гістарычны лёс, лёс, якога ён не выбірае, але які яму адпушчаны. Здавалася б, даўно ўжо час прызвычаіцца і супакоіцца, даўно скончылася не толькі тая эпоха «пад прыгнётам панскім», пра якую так цёпла, хоць і іранічна, распавядае першая песня альбома, скончылася і савецкая эпоха, калі мы лічыліся адным народам з масквічамі, пскавічамі і растаўчанамі, – з іншай песні альбома. Беларусь ужо шмат гадоў як незалежная, але ж калі днямі КДБ нашай незалежнай Беларусі выкрыла чарговых польскіх шпіёнаў, рука сама пацягнулася да магнітафона, каб паслухаць песню з «Народнага альбома» пра двух польскіх шпіёнаў – Болека і Лёлека. Пра польскіх шпіёнаў без іроніі разважаць немагчыма, але ж «Народны альбом» – гэта не толькі іронія і сцёб, гэта і архетыпічны сум па нармалёвым чалавечым жыцці. Вось аднойчы, слухаючы песню пра тое, што «У нашым мястэчку восень / Прыхадні розныя лазяць па хатах», я неяк вельмі добра зразумеў пачуцці лірычнага героя, які «Узяў у рукі кала / І пайшоў па мястэчку /

Спяваючы: «Ла-ла-ла-ла». Я спытаўся: «А хто гэты герой?» Адна справа, калі гэта той самы Юзік, які «супраць прыгнёту паноў і падпанкаў» і «чакае з надзеяй на рускія танкі», і вось яго надзея спраўдзілася, але ж высветлілася, што на танках прыехалі тыя самыя «прыхадні розныя», якія «лазяць па хатах». Іншая справа, калі па мястэчку з гэтым калом ходзіць лірычны герой іншай песні, які спяваў, што ён, «да жалю, не пан і, на шчасце, не хам», які не мог вызначыцца з месцам і быў і не тут, і не там. Ён быў не толькі самотным, але і самадастатковым, таму што лічыў, што «ад бяды і нуды ўратуецца сам». І калі менавіта гэты герой шпацыруе па мястэчку з калом у руках і безнадзейна ў голас лямантуе: «Ла-ла-ла-ла», то гэта вельмі сімвалічна. Фантазіі звычайнага, добрага местачковага хлопца, здольнага трымаць сваю хату і гаспадарку, не хапіла, каб уявіць сабе такі памер «бяды і нуды», ад якога сам-насам не ўратуешся. Ёсць бяда, ад якой можна ўратавацца толькі разам, разам у памерах ўсяго народу, усёй нацыі. А для гэтага і таксама для таго, каб уявіць сабе памеры такой бяды і памеры такой нацыянальнай еднасці, трэба ў рэшце рэшт вызначыцца з тым, хто пан, а хто хам. І дзе мы? Ці тут, ці там? Амаль70 гадоў прайшло з моманту далучэньня Заходняй Беларусі да Савецкай, а большасьць беларусаў так і не вызначылася, дзе мы павінны быць – там ці не там. Большасць беларусаў задавальняецца сваім неакрэсленым станам «да жалю, не пан, на шчасце, не хам».

Яшчэ разважаючы пра тое, хто мы і дзе, пра нашу еднасць ці самотнасць і самадастатковасць, варта ўслухацца ў мову «Народнага альбома». Калі герой адной з песенек спявае, што ён «сьпевам по-польску свої пэсэнькі», яму ніяк не верыш, бо спявае ён з такім акцэнтам, што відавочна, дзе ён навучыўся так «сьпеваць по-польску». Некаторыя тэксты напісаныя на вытанчанай, так бы мовіць, трасянцы. Гэта не толькі расійска-беларуская трасянка, гэта і трасянка Казіка Пясэцкага з Вільні, і трасянка стылізацыі пад тырольскі спеў, ну і асабліва на гэтым фоне становіцца зразумела, што ідыш – гэта таксама нямецка-беларуская трасянка.

«Народны альбом» нібыта падкрэслівае метафізічную еднасьць тутэйшых невызначыўшыхся. Незалежна ад таго, ці хто «сьпева по-польску», ці «поет па-расейску» ці на ідыш.

«Народны альбом» нібыта заклікае нас кінуць дурноту самотнасці і нарэшце зразумець, што ад сапраўднай бяды і нуды мы ўратуемся толькі разам.

Не отставать от мира, но быть впереди

Интервью с Владимиром Мацкевичем, которое он дал специально для мегапортала христианских ресурсов invictory.org в апреле 2008 года.

Владимир Владимирович является беларусским мыслителем, методологом, философом. По вероисповеданию – протестант (кальвинист). В октябре 2006 года принимал участие в акции поста-голодовки в защиту здания церкви «Новая Жизнь» (Минск, Беларусь).

– Когда Вы пришли к Господу и как это произошло или происходило?

– Однажды, отвечая на такой же вопрос, я говорил, что не помню того времени, когда я не знал бы Бога или о Боге. С детства бабушка учила и наставляла меня. Но это было бы неправдой, если бы я не рассказал, как я ушел и потерял Бога. Это было в подростковом возрасте, мне было 13 или 14 лет, когда из духа подросткового негативизма я отвергал то, чему учили меня в семье, и собирался сам определять свою судьбу, свой путь. Я тогда даже вступил в комсомол. Правда, продолжалось это умопомрачение недолго, года два, а после этого начался долгий и мучительный возврат к Богу, и он растянулся почти на 30 лет.

– Кто на Вас оказал наибольшее влияние на пути возвращения к Богу? Какие были преграды и препятствия на этом пути?

– В то время, когда я жил в Латвии, я близко познакомился с баптистами, это была латышская церковь, я же не владел латышским языком, но дело даже не в этом. Просто самостоятельно человек не может выкарабкаться из пучины сомнений. Самостоятельный поиск

человеком смысла жизни, цели, судьбы – это плутание по лабиринту, или в «сумрачном лесу», как говорил когда-то Данте. На этом пути я попадал к баптистам, в Москве общался с католиками – монахами-францисканцами. В таких блужданиях человеку нужна помощь. И эта помощь может исходить только от Бога. Бог либо позовет и укажет путь человеку, либо пошлет Своего ангела в образе какого-нибудь другого человека. Я уже много лет считал себя верующим человеком, был взрослым и состоявшимся в профессиональном и социальном смысле, когда ко мне пришел пастор Лявон Липень, с которым мы уже много лет были знакомы, и просто сказал, что мне уже пора в церковь. И я пришел.

– Когда это было?

– В сентябре 2000 года в минской реформатской общине я принял покаяние, как принято говорить у современных протестантов, а мы, реформаты, называем это конфирмацией. С этого момента мои блуждания и сомнения закончились. Это было удивительно. У меня был опыт разрешения сомнений в науке, в профессии, но все это было как доказательство теоремы или нахождения ответа на долго мучивший вопрос. В этом случае все было не так. Не было доказательств, не было подсказок, ответов, просто пришло понимание, что моя судьба и моя жизнь – в руках Того, кто не ошибается, в самых надежных руках. Я могу даже так сказать: мои сомнения закончились верой, и если раньше я думал, что верю, то теперь я действительно верю.

– Вы упоминали, что состоялись социально и как профессионал, а кто Вы по профессии?

– Я называю себя методологом, и когда я себя так называю, многие говорят, что это непонятно, и нельзя ли это назвать как-то по-другому? В таких случаях иногда я говорю, что я философ, но лучше все-таки объяснить, что такое методология. Методология занимается исследованием и практикованием мышления и деятельности. Мы ищем те места, те ситуации, те события, в которых с наибольшим напряжением в данный момент времени бьется человеческая мысль, идем туда и пытаемся мыслить и действовать вместе с теми, кто напряженно мыслит. Иногда такое напряжение мысли возникает в науке, иногда в политике, иногда в управленческой деятельности. И вот именно тогда там можно встретить методолога.

– А чем занимается методолог-философ и какое отношение эта деятельность имеет к христианству?

– Я бы сказал, что выдающиеся деятели христианства тоже были методологами, начиная с Павла, который во 2 ст. 12 гл. «Послания к Римлянам» практически формулирует заповедь для методолога: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божья, благая, угодная и совершенная». Я готов утверждать, что и Лютер, и Кальвин могут рассматриваться как методологи, обновившие европейское мышление и положившие начало радикальным преобразованиям в Европе. И дальше, когда в христианстве наступали периоды пробуждения, пасторы и проповедники тоже были своеобразными методологами. В это время в христианстве было невероятное напряжение мысли. Но в истории остаются победы, а победы и достижения приходят после ошибок, поражений, отступлений. Так бывает в любой деятельности, так бывает и в Церкви. И вот в эти переходные времена от поражений к победам и востребованы, и нужны методологи. Обновление ума, к которому призвал Павел, христианину нужно постоянно, но профессионально и специально это востребовано в специфических случаях.

– Как деятельность интеллектуала сочетается с христианством? Как мы видим, современное христианство особо не задумывается об интеллектуальной составляющей своего бытия, а для многих христиан в самих словах «философ», «философия» кроется нечто негативное.

– У христиан ведь тоже есть свои привычки, предубеждения. Что такое предубеждения? Это убеждения, которые возникли в одну эпоху, в одно время – и тогда были справедливы, и перенесены в другое время, когда они оказываются уже несправедливы. Так случилось и с отношением к философии и философам. Давайте вспомним, кто был гонителями христиан в советское время, кто был самыми воинствующими безбожниками? Это были люди, которые кичились своей образованностью, которые называли себя учеными. Как же по отношению к ним у христиан не должно было возникнуть негативное отношение? И оно возникало, и оно было оправданно. Кичащиеся своей образованностью, или книжностью, сказали бы мы евангельским языком, они думали, что знают много или даже все, а на самом деле они не знали главного, да и понимали очень мало. И судьба страны,

которой они гордились и пытались управлять, – лучшее тому доказательство. Советская империя развалилась, как Вавилонская, как Римская. К сожалению, в Европе, в Америке слово «интеллектуал» закрепилось за представителями левых взглядов, которые тоже чаще всего атеисты – пусть не такие воинствующие, как советские, которые являются носителями тенденций и установок, противоречащих, а иногда и враждебных христианству. Это они выступают проповедниками гомосексуализма, имморализма, гипертрофированной секулярности. Такие интеллектуалы тоже не могут вызывать симпатий у христиан, но почему нужно распространять это негативное отношение на христианских философов, на христианских интеллектуалов, к каковым можно отнести многих знаменитых миссионеров и проповедников? Давайте вспомним хотя бы выдающегося интеллектуала XX века Клайва Льюиса.

– Насколько важна интеллектуальная деятельность христиан для своего развития?

– Давайте рассуждать. Христиане – враги прогресса? Я думаю, что нет. Христиане выполнили свою миссионерскую задачу в современном мире? Думаю, еще нет. Можем ли мы разговаривать с современными людьми, зная и понимая меньше их? Нет. Если мы хотим быть успешными в миссионерской деятельности, в проповеди и евангелизации, мы не должны отставать от современных людей, а даже превосходить их во многом. Для этого нужно быть не менее образованными, чем те, кому вы благовествуете. Если вы пришли с Благой вестью в сферу бизнеса, а сами не способны заработать и копейки, почему там вас должны слушать? Если вы собираетесь обратить государство на благие и богоугодные действия, отвратив его от насилия и коррупции, при этом, проповедуя, не понимаете законов функционирования государственной машины, кто будет вас слушать? Вы проповедуете больным в больницах и осужденным преступникам в тюрьмах, а ученые в лабораториях и университетах разве менее достойны Спасения, чем преступники? И если нет, то и к ним нужно идти с проповедью. Мой опыт показывает, что Слово Божье доходит и до закоренелых преступников, и до высоколобых ученых. Но только нельзя подходить и к тем и к другим с одними мерками, с одними стереотипами. Мир, созданный Богом, многообразен, сложен и удивителен. И не нам его упрощать, не нам диктовать – кому быть спасенным, а кому

нет. Пренебрежение христиан к интеллекту и интеллектуалам – это тоже своеобразная гордыня и заносчивость. Или оборотная сторона гордыни, но никак не смирение. Если мир развивается и прогрессирует, христиане обязаны не отставать от мира, но быть впереди, ибо мы – свет для мира. Поэтому я думаю, что те из христиан, которые с пренебрежением относятся к интеллекту, интеллектуалам, философам, отстали от жизни.

– Что, на Ваш взгляд, происходит с современным христианством?

– Сложность ответа на этот вопрос в том, что большинство современных христиан, в том числе и я, были свидетелями мощного харизматического пробуждения в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Импульс этого пробуждения ощущают все современные христиане, в том числе принадлежащие к старым конфессиям, и не только протестантским. Наши мысли, наше сознание все еще связывает жизнь христианства с энтузиазмом этого пробуждения, и нам очень трудно признаться самим себе, что пик пробуждения давно пройден. После прохождения пика начинается спад. Это еще не застой, это не регресс, но период бурного роста закончился. Сейчас время качественных перемен, углубления, сосредоточения, время подготовки к новому пробуждению. Время собирать камни и время разбрасывать камни. Проблемы роста и развития всегда связаны с тем, как правильно определить свое время. Кому-то может казаться, что он лучше других умеет разбрасывать камни, а их нужно собирать, и ему трудно смириться с тем, что он это умеет гораздо хуже. Проблема в том, чтобы делать не то, что мы умеем, любим и хотим, а то, что от нас здесь и сейчас ждет и требует Бог. Я думаю, что современное христианство на перепутье – перед лицом вот этих проблем. Сейчас и разбрасывать, и собирать камни одинаково трудно. Сейчас время размышлять о том, какое сейчас время. Не забывая, конечно же, о каждодневном обыденном труде.

Как слово наше отзовется?..

Текст был опубликован в персональном блоге Владимира Мацкевича в «Живом Журнале» 28 июня 2006 года.[1]

Да, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется.

А почему, собственно, не дано?

Разве это такая тайна? Разве мы не пользуемся словами, чтобы вызывать те или иные реакции людей? И люди отвечают нам в полном соответствии с тем, как мы к ним обращаемся.

Если мы просим помощи, то люди нам помогают. Если мы посылаем людей (ну, каждый сам может нафантазировать, куда именно), то люди отвечают нам соответственно.

Мы пользуемся речью и языком для того, чтобы понимать друг друга. Говорим – желая быть понятыми слушателями. Слушаем – желая понять говорящего.

Но именно желая понимать. А если этого желания нет?

Язык и речь даны нам для понимания друг друга, и это понимание достигается при наличии доброй воли. А если нет доброй воли? Нет воли к пониманию, например. Или воля есть, но она не добрая?

---

1 Поводом к написанию текста послужила дискуссия вокруг возмущения участницы форума на сайте «Новое поколение», которое было вызвано употреблением ненормативной лексики в тексте «Вызывающего молчания» автором-христианином. (*Прим. ред.*)

Тогда пользование речью и языком ведет к непониманию. К отсутствию понимания. К противоположности понимания – полному непониманию.

Когда живешь среди людей, говоришь, слушаешь, действуешь и при этом повсюду натыкаешься на непроницаемую стену полного непонимания, как тогда жить? В таких ситуациях люди сходят с ума. Слава Богу, что такое случается редко.

Чаще все же люди понимают друг друга. Стараются понимать. Именно стараются, прикладывают некоторые усилия для того, чтобы понять. Это трудно, но иногда получается.

Мне 50 лет. Большую часть жизни я прожил в атмосфере понимания, я старался понимать окружающих, и окружающие, близкие и далекие, старались понимать меня. Далекие понимают хуже, близкие лучше. В окружении близких людей мы спасаемся от непонимающего нас большого мира. Во взаимопонимании близких людей мы черпаем силы для понимания большого мира. А сил порой требуется очень много, понимание требует усилий.

Но иногда и среди близких людей возникает непонимание. Это ужасно тяжело. Всем, кто помнит себя подростком, должно быть знакомо это состояние. И все, кто пережил это состояние, пережил это потому, что понимание все же существует. У каждого, кто переживал такое состояние и вышел из него, нашлись друзья, семья, учитель, доктор, пастор – может, кто-то еще, кто приложил усилие к пониманию.

А что было до того, как нашелся такой понимающий друг? После того, как человек столкнулся с полнейшим непониманием, и до того, как кто-то постарался его понять? Это состояние полнейшей покинутости, одиночества, пустоты и ненужности.

Тот, кому знакомо такое состояние, вряд ли сможет когда-нибудь его забыть. А тот, кто его помнит, уже никогда не сможет быть таким, как будто бы этого не было.

Попытаться представить себя на минутку Иовом. Иовом, потерявшим все и всех. Богатство, здоровье – это ерунда. Но вот семью, близких, друзей?.. Вот они, друзья, вроде бы рядом, а вроде и нет, потому что они совершенно не понимают.

Представить на минутку. А на час? А на день, месяц, год?

Я помню. Это был миллениум, первая половина 2000 года. Я потерял все: семью, дочь, работу, социальное положение, друзей.

Это сейчас я знаю, что некоторые потери были мнимыми. А некоторые были не потерями, а избавлением. Но тогда все потери были реальными. Главное, это потеря смысла. Я не понимал ничего и никого, и меня никто не понимал. Ни близкие, ни далекие.

Одиночество и покинутость. Кто-то даже пытался быть рядом. Но ведь дело не в расстоянии! Близость между людьми измеряется не в сантиметрах, а в понимании. А его-то и не было.

Это длилось несколько месяцев.

Внешне все было почти как обычно, но на грани сумасшествия.

И когда казалось, что потеряно всё и все покинули, Он обратился ко мне. Он, Кому это состояние знакомо как никому другому. Страдания Иова – бледная модель тех страданий, которые выпали на Его долю. Он сам пошел на те страдания, на ту жертву, пошел, чтобы больше никто не мог быть покинутым навсегда.

Когда потеряно всё и все, когда теряешь сам себя, приходит Он. Приходит и предлагает надежду. И если ты отвечаешь Ему верой на это предложение, то получаешь еще и Его любовь.

У всех это бывает по-разному. У меня это было так. Это случилось в июне 2000 года. Сначала Он дал мне возможность высказаться, выговориться.

Три недели из меня изливался текст. Никогда ни до того, ни после я не писал ничего подобного. Текст писался сам собой. Я ничего не сочинял. Из меня лилось все подряд. И все то плохое, что во мне было, в явном виде или в потенции. И то немногое хорошее, что во мне, оказывается, тоже было.

Так появилась книга «Вызывающее молчание». Когда текст перестал из меня изливаться, я не добавлял к нему ни слова, и не вычеркивал ничего. Разве что несколько раз приходилось расставлять знаки препинания. Хотя, кажется, даже они живут в этом тексте какой-то собственной жизнью, запятые расползаются по тексту как-то сами собой.

Когда я начал писать «Вызывающее молчание», я отчетливо осознавал, что меня никто не понимает, даже я сам. В первую неделю я и не рассчитывал ни на какое понимание. Если мне и хотелось чего-то, то не понимания, а просто чтобы меня услышали.

Ладно уж, не понимаете – так хоть услышьте! Это желание быть услышанным было столь сильным, что я стал раздавать текст в самом сыром виде, когда на одном дыхании были напечатаны первые пять страниц. Потом каждый день, когда я урывками допечатывал по нескольку страниц, я сразу же выводил их на принтер и кому-нибудь отдавал.

Я видел, что никто ничего не понимает, хотя и читали некоторые с интересом, реагируя на шутки, приколы, гротеск. Но чем дальше я писал его, тем меньше меня волновало понимание читателей.

Постепенно я сам начинал кое-что понимать, и все меньше и меньше жалел о своих потерях в тот тяжелый год. Я приобрел нечто другое. Гораздо более ценное, чем все то, с чем расставался в этой книге, расставался с самим собой – прежним. И мне не было жалко с этим расставаться.

Когда была поставлена последняя точка в тексте, мир был уже другим. Не было ни пустоты, ни одиночества, ни покинутости. Впрочем, в книге все это и описано, и даже многое напророчено про будущее. Мое собственное, по крайней мере.

А через неделю после окончания книги ко мне пришел пастор Лявон Липень[2]. Но это было уже в другой жизни.

Это была моя жизнь, а текст книги в это время жил своей жизнью. Из текста слова не выкинешь. И слово отзывалось. Иногда очень резко.

Из жизни слов и людей, или «Волшебная сила искусства».

Впервые слово будущей книги отозвалось, когда книга еще не была закончена. Я уже говорил, что текст стал распространяться частями с первых же написанных страниц. Книга посвящена диалогу общественно-политических сил Беларуси под эгидой ОБСЕ. Диалог

2 Лявон Липень – пастор кальвинистской общины в г. Минске. *(Прим. ред.)*

еще продолжался, когда некоторые участники были ознакомлены с фрагментами будущей книги. Не знаю, что они там поняли, понравились ли им мои слог и стиль, но, кажется, кое-кого заинтересовало, чем же это все кончится. Поэтому, когда заседания диалога прекратились, этот кто-то захотел получить остаток текста. Сделано это было очень топорно – у меня его просто отобрали. Самым примитивным и грубым способом – спровоцировав вульгарную драку в метро. Я в то время не имел постоянного жилья и часто переезжал с места на место с чемоданом и портфелем. Однажды я ехал на новое жилье после вечернего семинара с несколькими его участниками, и к нам прицепилась толпа подростков из РНЕ или какой-то подобной организации. Я уже не в том возрасте, чтобы драки в метро были привычным занятием. Во всяком случае, за все время моей жизни в Минске это был единственный случай. Налет удался – я лишился портфеля с распечаткой очередных фрагментов текста. Вместе с ним пропали несколько книг и паспорт. К потерям можно отнести также разбитую голову одного из моих коллег и ночь, проведенную в отделении милиции. Видимо, именно в таких случаях и говорят: «обошлось малой кровью». Утешало только то, что хулиганы получили гораздо больше. Может быть, поэтому милиция не стала возбуждать против них дела, ведь выглядели они скорее пострадавшими. Чего не скажешь про каких-то странных личностей в штатском и возбужденную разнополую толпу их сверстников, которая выросла вокруг, когда всех нас повели в отделение.

В последующих литературных дискуссиях участие милиции уже не требовалось, до драк они не доходили, хотя и велись порой с употреблением очень резких аргументов. Особенно разгорячились «литературоведы», когда стали неожиданным образом сбываться прогнозы, предсказания и обещания, которые скрывались за сарказмом, гротеском и юмором. Это относится к началу 2003 года. Например, когда я стал вести ток-шоу на самом массовом телеканале в Беларуси[3], получив возможность обращаться к миллионам телезрителей (реально, по статистическим данным, каждый выпуск смотрели в среднем 1,7 миллиона зрителей и столько же – повтор передачи в записи).

3 Первое в Беларуси ток-шоу – «Выбор» на Общенациональном телевидении (ОНТ). Программа была нацелена на организацию диалога в публичном пространстве по самым актуальным вопросам Беларуси. Выпущено 8 программ, затем В. Мацкевич был уволен, и замысел передачи существенно трансформировался. *(Прим. ред.)*

Те, кто смог прочитать хотя бы третью часть «Вызывающего молчания», помнят, что лирический герой большую часть романного, так сказать, времени проводит в воображаемом диалоге с многотысячной толпой, которая весьма агрессивно и неприязненно к нему настроена. Диалог не просто воображаемый – воображение и фантазия порой вплотную приближаются к краю, за которым начинается бред шизофреника. Но, даже не переходя эту черту, лирический герой имеет все признаки легкой мании величия и мании преследования. Но одно дело разыгравшееся воображение автора, изображающее еще более буйное воображение своего героя, и другое дело – реальная коммуникация с миллионной аудиторией. Весьма забавно было читать на форумах тутбая «критиков», которые проецировали на ведущего ток-шоу «Выбор» качества и характеристики героя «Вызывающего молчания». Говорят, у кого-то сохранились копии многомесячного форума 2003 года про «ворвиковедение».

Впрочем, здесь следует остановиться и рассказать о том, что понимал про себя и своего героя автор текста в 2000 году и что происходило с ними потом.

Когда писался текст, я как автор думал, что этим текстом я прощаюсь с публичной деятельностью и ухожу в частную жизнь. Я рвал с политикой, прекращал всякую общественную активность, расставался со сферой деятельности, которая прогнила насквозь, с общественной группой, которая практически целиком разложилась. Этим текстом я не стремился привлечь кого-то на свою сторону – наоборот, я отгораживался от других.

Обо всем этом прямо говорится в тексте:

«Когда я выражаюсь резко, с употреблением «ненормативной» (почему?) лексики, это смущает отдельных дам. Но искреннее возмущение со всех сторон обрушивается на меня, когда я пользуюсь категориями концептуального языка. Я просто вынужден материться в интересах личной безопасности и сохранения здравого рассудка. За употребление академических выражений в Беларуси могут «замочить в сортире» (выражение президента «братской» страны). О темпора! О морес! Блин! Абсолютно понятное и содержательно корректное выражение Путина адресовано косвенным образом и таким «радикальным» отморозкам, как я. Мне совсем не хочется быть замоченным в

сортире (против этого хоть можно принять адекватные меры), но гораздо противнее в нем жить. А ассоциация с жизнью в сортире возникает у меня вовсе не от буквы выражений, написанных на его стенах, а от духа отправления человеческих функций в нашей политике»[4].

Вот так с первых же абзацев я сразу же предупреждал читателя о том, что будет в тексте дальше.

А в четвертой главе я и вовсе стал возводить баррикаду между собой, своим приватным миром, к которому стремился перейти, и всем остальным миром.

«Ну пора мне оглядеться, что там происходит на моей стороне баррикады, что с самой баррикадой? Может, вся уже баобабами заросла? О, баобабы – это очень опасно. В тени развесистого баобаба могут найти приют самые разнообразные хищники, паразиты и гремучие змеи. А зачем они мне на моей стороне баррикады? Не нужны они мне здесь. Поэтому сначала сосчитаемся, а потом все лишние баобабы повыдергиваем.

Понятно, что текст не прочтут все те, кому недосуг, кто по безграмотности, из принципа или по иным уважительным причинам вообще ничего не читает. Не прочитают его и те, у кого не хватает мозгов или совести, чтобы интересоваться поднятыми здесь проблемами, попросту «абыякавыя да жыцця». Если присовокупить к ним нескольких аутичных интеллектуалов, которые только по счастливой случайности избежали внимания к себе со стороны репрессивной психиатрии, астрологов, экстрасенсов, синергетиков, дианетиков и сайентологов, то в совокупности это составит до 90% взрослого населения страны. У детей примерно та же пропорция, но и остальные 10% несовершеннолетних учитывать не стоит, поскольку этот текст далеко не сразу войдет в школьные и вузовские программы для изучения, да и известно, что то, что вошло в школьную программу, наизусть выучить еще могут, но читать точно не будут. Таким образом, остается еще больше полумиллиона. Многовато.

Языковой барьер не сможет остановить всех шчырых беларусов. Некоторые будут читать из садомазохистских побуждений, кто-то из чувства здорового сволочизма или в силу профессионального интереса. Предположим, что остаются только читатели «Нашай нівы»,

4 Мацкевич В.В. Вызывающее молчание. – М., 2007. – С. 21.

«ARCHE» и фанаты «Дамавікамерона». Все остальные – по ту сторону. Итого – где-то 513 тысяч плюс-минус два. Это Вячорка и Дубавец. (Винцук, я с тобой лично поговорю, а Дубавец – как хочет.)

*Мат – дело тонкое, тут важно не ошибиться в дозировке. Два чистых матерных слова и несколько эвфемизмов – маловато. Можно, конечно, навалять сто *** в панамку, но это не мотивировано с художественной стороны да и обедняет восприятие номинативно-синтагматических комплексов и экспрессивных глаголов. По самым скромным подсчетам, даже такая доза должна вытеснить на другую сторону баррикады половину из оставшихся.*

Еще 100 тысяч будут добиты концептуальной феней, номинативно-синтагматическими комплексами длиной в три и более имен существительных подряд, не считая прилагательных, нагромождением придаточных предложений и деепричастных оборотов. Остается 156,5 тысяч.

Не проводя хотя бы пилотных замеров, трудно вычислить лишенных чувства юмора. Но, опираясь на органолептические данные и некоторый жизненный опыт, положим, что таковых будет не более 30 тысяч. Добавив к ним упоминавшихся в тексте/тесте персонажей, которые, обладая чувством юмора по жизни, могут не одобрять его на свой счет, их родственников, друзей и поклонников, можем смело округлить оставшуюся цифирь до 120 тысяч.

До сих пор все было просто. Настоящая евгеника начинается только после сделанных вычитаний»[5].

Не могу не обратить внимания на то, что «баррикада» в этом тексте в 2000 году и в тексте «Стратегии 2006»[6] – это совершенно разные вещи. Баррикада здесь – это способ очертить собственное приватное пространство. Но это можно понять, только читая тексты. Читая и понимая.

5 Мацкевич В.В. Вызывающее молчание. – М., 2007. – С. 74–76.

6 В 2005 году по итогам организационно-деятельностной игры «Разработка победной стратегии для Беларуси: сценирование, проектирование и программирование», проведенной в Киеве, была сформулирована Стратегия-2006 для консолидированных действий демократических сил во время президентских выборов 2006 года. Одним из важнейших компонентов стратегии было понятие баррикады, которая разделяла беларусское общество на основании приверженности разным политическим представлениям, ценностям и идеалам. (*Прим. ред.*)

Я не рассчитывал на понимание, когда писал тот текст. Впрочем, я об этом уже сказал выше. И говорил про это в тексте. Не буду больше цитировать, если кому-то это действительно интересно, то сам найдет. Конечно, когда герой книги несколько раз повторяет, что до какого-то места текст уже никто дочитать не способен, то это выдает только страстное желание автора, чтобы книга все же была прочитана. Страстное желание автора проявляется в демонстративно-шизофренических поступках и репликах его героя.

Итак, автор уходил из политики и публичной жизни и искренне думал, что навсегда, а безумный герой обещал вернуться. В 2000 году для возвращения автора к публичной деятельности, а уж тем более к политике, не было никаких предпосылок. На телевидение меня запретили пускать. На проходной БТ (Беларусском телевидении) был список лиц, которым запрещен вход. Из руководства политическими структурами я вышел, более того – был в конфликте с руководством ОГП, Хартии'97, Конгресса демократических профсоюзов[7], с редакторами некоторых независимых газет и т.д. Поэтому бахвальство своего героя автор не воспринимал всерьез.

Однако – человек предполагает, а Бог располагает. И трех лет спокойной частной жизни не прошло, как неожиданно пришло предложение сделать ток-шоу на только что созданном канале ОНТ. Сделать не просто ток-шоу, а лучшую передачу, причем не только в этом жанре, а вообще в беларусском эфире. И я решил, что это достойная задача. Более того, решая эту задачу, я смогу в реальности сделать то, что грезилось в бреду и воображении герою «Вызывающего молчания».

Так слово отозвалось в очередной раз, я сам начал черпать реализационные идеи там, где раньше видел только фантазию. В ток-шоу «Выбор» была организована баррикада, даже удвоенная, была яростная полемика, было интерактивное участие десятков тысяч зрителей. Там было заложено многое из того, что потом Владимир Соловьев делал в своем проекте «К барьеру». Не все удалось реализовать, но если бы удалось продержаться в эфире хотя бы полгода, «Выбор» стал бы лучшей передачей. Однако и здесь я не располагал. Лукашенко одной репликой остановил все шоу.

7 Объединенная гражданская партия (ОГП), Хартия'97, Конгресс демократических профсоюзов – общественно-политические структуры, в создании которых В. Мацкевич принимал активное участие. *(Прим. ред.)*

И все же show must go on. И оно продолжилось. Но уже в Интернете.

«Вызывающее молчание» было написано где-то за год до того, как я познакомился с интернет-форумами. Впервые я стал читать и писать в форумы накануне президентских выборов 2001 года. Было несколько предложений поучаствовать в кампаниях Домаша, Гончарика, Ярошука. Но в 2001 году политическая реальность мне была так же отвратительна, как и в период написания книги. Я предпочел виртуальное бытие политическому процессу в реале. Мне очень хорошо было понятно, что реал – это вовсе не реальность. А скорее *марнасьць* па-беларуску, или мнимость, кажимость – если по-русски. Уже во время выхода моего «Выбора» в эфир на форумах тутбая была поднята тема «ворвиковедения» (мой форумный ник – worvik, а потом Warwick – по созвучию), а после того как меня выгнали с ОНТ, тема стала очень популярной.

Удивительно, но все интернет-форумы, в которых мне приходилось участвовать, очень напоминали мне диалоги из «Вызывающего молчания». Долгое время меня это веселило: я не мог решить, то ли мой текст пародирует интернет-коммуникацию, то ли наоборот. Хотя суть, конечно, не в пародировании. Удивительно, насколько трафаретна человеческая коммуникация, как предсказуемы человеческие реакции! Очень часто на форумах я с грустью замечал, что все реакции собеседников можно предугадать, что они уже были проиграны в моем воображении. Поэтому в форумах я очень часто приводил цитаты и фрагменты из «Вызывающего молчания». Для этого даже пришлось разместить весь текст на сайте. Постепенно я потерял к этому интерес.

Но тут текст снова напомнил о себе. Слово отозвалось. Это слово вычитала участница форумов на сайте церкви «Новое поколение» blackkisssa и возмутилась ему…

Не могу

Текст был опубликован в персональном блоге Владимира Мацкевича в «Живом Журнале» спустя четыре дня после событий 19 декабря 2010 года.

1. Не могу

Я больше не могу только анализировать и рассуждать. Все, что происходит, взывает к совести и сердцу. Рассудок и разум должны уступить первенство душе и совести.

Немотивированная жестокость и подлость режима выплеснулись через край.

На несколько дней страна и нация впали в варварство и дикость.

И наиболее возмутительно то, что эта жестокость и подлость – не спонтанная реакция на какие-то события, а расчетливая и циничная политика.

Можно объяснить действия ОМОНа во время острой ситуации на улицах. Можно понять запальчивость людей в форме и без формы в драке, в пресечении беспорядков.

Но как понять и объяснить хладнокровные задержания и аресты невиновных людей в последующие дни? Чем оправдано содержание совершенно не причастных к беспорядкам людей в нечеловеческих условиях – в машинах, в переполненных камерах?

Избитым 19 декабря больно физически.

Содержащимся в тюрьмах холодно, голодно и тесно.

Всем оставшимся на воле стыдно, унизительно и тошно.

Нация унижена!

Унижена ложью, надругательством над правами человека, над законом и элементарными нормами порядочности.

Я тоже унижен. Как и все.

2. Ложь

Никто из идущих на Площадь не готовил терактов, погромов и вандализма. НИКТО! Первым солгал Макей, заявив, что готовятся погромы и теракты. Потом к этой лжи подключились десятки и сотни людей. Это те, кто в качестве провокаторов-гапонов повел людей с одной площади на другую по «зеленому коридору». Это те, кто подвел к дверям и окнам, приготовленным к погрому. Это те, кто взял в руки заранее заготовленные лопаты и бревна, чтобы разбить несколько стекол. Это те, кто в микроавтобус подбросил бутылки, гранаты, баллончики и арматуру. Это те, кто в тихих кабинетах тщательно подбирал этот реквизит, разливал бензин в пивные бутылки. Это операторы, снимавшие постановочные сцены разбивания окон. Это журналисты, показывающие это все в эфире и описывающие это в газетах. Это преподаватели и идеологи, пересказывающие всю эту ложь в трудовых коллективах и в учебных аудиториях. Это лжесвидетели в «судах», это сами судьи.

Боже! Сколько людей вовлечены в эту ложь! Что чувствуют все эти люди? Как они спали эти несколько ночей?

А ведь есть еще члены избирательных комиссий и услужливые наблюдатели, не замечающие подтасовок в день выборов.

Тысячи людей вынуждены поступать бессовестно. Вынуждены ли? Или они делают это добровольно?

Не хочется думать, что они делают это добровольно! Если так думать – то как жить дальше, когда эти люди будут везде: в школах, больницах, в супермаркетах? Ведь придется разговаривать с ними на родительских собраниях. Встречаться с ними глазами, занимая места в вагонах метро. Сталкиваться с ними в турникетах супермаркетов и перебрасываться вежливыми фразами. Как?

Делать вид, что в жизни страны не было этих дней? Забыть об унижении целой нации?

Не хочется думать, что добровольно лгали с экранов телевизоров Романчук и Дмитриев. Иначе я не знаю, как себя вести, когда мне придется с ними встретиться!

Что это за харизма, что это за черная воля – вынуждающие тысячи людей забыть о совести и лгать? Симулировать погром, подставляя невинных людей под дубинки, обрекая их на тюрьму…

Можно ли оправдать всех этих людей тем, что они только выполняли приказ? Что их принудили к этому?

Ничуть не лучше участия во лжи легковерие. Лгали тысячи, а поверили этой лжи миллионы.

Как можно этому верить? Никак. Поэтому те, кто принимает на веру то, что слышит из телевизора и читает в газетах, – тоже лгут. Только лгут сами себе. Провокаторы и журналисты лгут другим, а поверившие им лгут себе.

Нация на несколько дней охвачена тотальной ложью.

3. Растоптанное право

Уже состоялись сотни административных судов. Сотням людей вынесены приговоры за то, чего они не совершали. И нет никаких известий о том, что наказаны те, кто бил стекла!

Наказаны те, кто призывал не поддаваться на провокации и не участвовать в погроме. Но сами провокаторы и сценаристы не наказаны и не названы.

Что может быть хуже для права и закона, чем наказание невиновных и безнаказанность преступников?

Ничего.

Что может быть хуже для нации, чем такое ниспровержение закона?

Ничего.

Теперь невозможно доверять ни одному человеку в милицейской форме или в судейской мантии.

В стране уже два десятилетия большие проблемы с правом и законом. Но потребовалось всего лишь несколько дней, чтобы от права и закона вообще ничего не осталось.

Кто сейчас в стране стоит на защите права и закона? Кто?

Нет ни одного института, отстаивающего закон. Это ведь не милиция – из их рядов вербовались провокаторы, бившие стекла и подбрасывавшие «вещдоки» в микроавтобусы, офисы и квартиры арестованных. Это ведь не суды, сотнями выносящие несправедливые приговоры. Это ведь не прокуратора, не опротестовавшая ни одного приговора. Это не Конституционный суд, который молчит. Это не парламент, который сам незаконен.

Может быть, есть хотя бы отдельные люди, готовые отстаивать закон?

В государственной системе их не видно.

И это страшно!

И не надо бояться этого страха! Его надо осознать. Страх – это нормальное состояние человека в стране, где нет права и закона. Я говорю: человека, а не гражданина. Гражданин – правовая категория. Гражданин – это человек, которому гарантировано соблюдение его прав. Нет права – нет гражданина. Нет гражданина – нет государства.

А что же тогда есть? Кто устроил эти лживые выборы и кто закончил эти выборы полным уничтожением права и закона?

Ну не государство же! Я не знаю, как это назвать: хунтой, фашизмом? Как-то так.

4. Унижение человеческого достоинства

Никаких рациональных или прагматических мотивов всей этой лжи, всего этого варварства и дикости нет и быть не может. Режим очень навредил и себе самому, организовав все это. Подорван имидж страны и государства. Приостановлены процессы сближения со странами-соседями. Морально надломлены многие тысячи людей, включая чиновников самого режима.

Какая от этого всего может быть польза?

Значит, у всех этих действий – исключительно иррациональные мотивы.

Какие?

Только садистское желание унижать других людей.

Как это низко!

5. О чем не хочется сейчас говорить

Вот о чем не хочется сейчас говорить, так это о кандидатах и оппозиции. Об этом я достаточно сказал до выборов. У меня нет способности оправдывать кого-то из жалости. Если глупого политика избили и посадили, я сочувствую его страданиям, но это никак не добавляет к нему уважения.

Не буду говорить о глупости. Об этом можно будет поговорить, когда всех выпустят.

6. Что сейчас будет

В своих аналитических рассуждениях и комментариях последнего года я ошибся как минимум один раз. Я не предполагал репрессий после этих выборов. Для репрессий нет и не было никаких оснований. Но я не умею предсказывать иррациональное.

Я могу допустить, что у людей существуют различные пороки.

Но, видимо, я недооцениваю в некоторых людях мстительности и мнительности, подлости и коварства.

Пожалуй, только этим и можно объяснить все произошедшее и продолжающееся: подлостью, коварством, мстительностью. И еще тем, что даже не коварные и не мстительные люди настолько не дорожат своей совестью и честью, что готовы легко поддаваться подлым приказам.

Но ведь совесть должна сказать свое слово!

Ну пусть не совесть – хотя бы элементарное человеческое сочувствие и сострадание!

Скоро Рождество! Даже самому мстительному и коварному подлецу дается повод проявить хоть что-то человеческое – можно объявить амнистию. Просто отпустить всех задержанных.

Ведь никто из них не представляет никакой опасности ни для кого.

Нужно отпустить даже тех, против кого готовятся уголовные дела. Ведь точно известно, что их действия не имеют состава преступления. Это политическое преследование.

Ах да! Политическое. Значит, можно торговаться с Европой! Как это было с Козулиным в прошлый раз.

И что, режим снова на это пойдет?

Есть ли мера подлости и коварству?

Или они по-шекспировски беспредельны?

Что будет?

Нормальному человеку с обычными чувствами, со здравым рассудком невозможно предвидеть поведение людей с безграничными пороками.

Я не знаю, как закончится эта ситуация сейчас.

Я не знаю, что будет потом.

Я знаю, что со всем этим придется жить дальше.

И не дай Бог нам забыть обо всем этом, как будто бы ничего этого не было!

7. Не надо бояться страха – его нужно преодолевать

Страх и унижение встречаются в жизни практически каждого человека, каждого сообщества, народа. Да и глупость присуща самым умным представителям человечества.

Важно не то, что все это есть в нашей жизни. Важно то, что мы с этим делаем, как мы с этим справляемся.

Хуже всего, если мы вытесняем все это из своего сознания, как будто бы всего этого нет, не было, что это все не с нами происходит.

Это очень по Фрейду, но это очень не по-человечески.

Это все было. Это все было с нами. Со мной.

Не надо бояться. Страх есть, но бояться не надо.

Диктатор пошел на все это потому, что сам боится. И еще потому, что ему нужен наш страх.

И даже не сам наш страх ему нужен. Ему нужно, чтобы мы вели себя, руководствуясь страхом.

А мы должны руководствоваться другим – любовью, чувством долга, честью.

Да, диктатура внушает страх. Любой из нас без суда и следствия может быть схвачен на улице и дома, арестован и осужден. Любой, без исключения.

Страшно?

Конечно.

Но успокойтесь, диктаторы и напуганные диктатурой!

Страх есть, но мы будем делать то, что должны делать. Мы будем любить то, что любим. Будем сочувствовать тем, кого вы боитесь.

Не потому, что нам неведомо чувство страха, а вопреки ему.

Это вы руководствуйтесь страхом! Бойтесь! Вам есть чего бояться.

Вы никогда не будете любимы – таких не любят. Есть чего бояться.

Вам ничего не угрожало 19 декабря, но как вы боялись!

А вот людям, которые пришли на Площадь, вы угрожали. Три полка хорошо вооруженных и подготовленных бойцов угрожали мирным людям, а они вышли на Площадь. Зачем, разумно ли это – другой вопрос.

Но – страх и угрозы были, а они пришли, и они не боялись.

Вам ничего не угрожало, но вы боялись.

Бойтесь.

А мы не будем.

Ваша диктатура аморальна, убога, позорна.

И она должна быть ликвидирована.

Сейчас у нас мало сил. Да что говорить – у нас и ума-то маловато!

Но мы не уедем. Мы любим страну вопреки тем унижениям, в которые вы ее ввергаете.

Мы не будем вас бить и уничтожать. Это ведь вы из страха хватаете невинных, бьете непричастных.

А мы не боимся. Если нужно будет, мы будем судить, и по результатам суда наказывать только и исключительно виновных. Если вы виновны, вам есть чего бояться.

Но и вы можете перестать бояться.

Просто перестаньте выполнять преступные приказы. Перестаньте лгать, попирать закон, унижать людей. Вспомните – у вас есть совесть, есть человеческое достоинство, есть права человека! Они у вас есть по рождению. И ими можно пользоваться. Нужно только начать.

А для начала – перестаньте бояться!

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Щедровицкий Георгий Петрович (23.02.1929 — 03.02.1994) — философ и методолог, общественный и культурный деятель; кандидат философских наук, профессор. Родился в Москве. Окончил философский факультет МГУ (1953). Создатель научной школы, лидер основанного и руководимого им на протяжении 40 лет Московского Методологического Кружка (ММК) и развернувшегося на его основе методологического движения.

Отстаивал деятельностный подход в оппозиции к натуралистическому, рассматривая мир как деятельность. Разрабатывал идею методологии как общей рамки всей мыследеятельности. В философско-методологическом движении Щедровицкого и ММК можно выделить три основных этапа: содержательно-генетической эпистемологии (логики) и теории мышления (1952-1961), деятельностного подхода и общей теории деятельности (1961-1971), системомыследеятельностного подхода (с 1971).

В результате этого движения были разработаны категориальные и операциональные средства для пяти подходов, соответствующих природе мыследеятельности: системомыслительного, системодеятельностного, мыследеятельностного, коммуникативно-мыслительного и системомыследеятельностного. Эти подходы различаются между собой, прежде всего, характером основных онтологических схем и, соответственно, характером тех процессов в мыследеятельности, которые они выделяют и фиксируют, но одновременно сходны между собой в том, что они опираются на категорию системы. Социально-практическим воплощением этих разработок стала новая форма организации коллективного мышления и деятельности — организационно-деятельностные игры (ОДИ). На базе опыта организации и проведения ОДИ было разработано представление о многофокусных организационно-технических системах, имитирующих реальную социокультурную ситуацию, и о различных пространствах в схеме мыследеятельности: мыслительном, мыслительно-коммуникативном и мыследеятельностном. В ОДИ осуществляется синтез разных видов мыследеятельности: программирования и проблематизации, организации и коммуникации и др. За период 1979-

1991 проведено свыше 90 игр (с количеством участников до нескольких сот человек), посвященных широкому спектру социально и культурно значимых проблем. В ходе проведения широкомасштабных ОДИ Георгий Петрович обучил, воспитал и приобщил к методологическому движению сотни специалистов, демонстрируя и передавая им уникальный опыт мыследеятельности.

В 1952-1954 вместе с А.А.Зиновьевым, Б. А. Грушиным и М.К.Мамардашвили основал Московский методологический кружок, который возглавлял с 1955 и до конца жизни. В 1958 организовал (совместно с П.А.Шеваревым и В.В.Давыдовым) Комиссию по психологии мышления и логике Общества психологов СССР (междисциплинарное объединение философов, педагогов, психологов и др.). В 1962 организовал (совместно с В.Н.Садовским и Э.Г.Юдиным) междисциплинарный семинар по структурно-системным методам анализа в науке и технике при Совете по кибернетике АН СССР. В 1988 создал при Союзе научных и инженерных обществ СССР Комитет по СМД-методологии и ОДИ.

На основе идей, выдвинутых Щедровицким, созданы консультативные, экспертные фирмы по различным отраслям деятельности и многие методологические школы, в том числе школа «Культурной политики» (П.Г.Щедровицкий), школа Н. Г. Алексеева (Москва), О. Анисимова (Москва), А. Буряка (Харьков), сеть методологических лабораторий (руководитель — А. П. Зинченко) и др. Обширный архив в настоящее время публикуется в электронной форме.

Философы России XIX-XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. (Под ред. П. В. Алексеева. Изд.3-е, перераб. и дополн.) — М., МГУ, «Академический проект», 1999, 944 с., с.910-911.

СМД-МЕТОДОЛОГИЯ (системо-мыследеятельностная методология) — подход, разрабатываемый движением, возникшим на базе Московского методологического кружка (ММК). История движения начинается с 1952–1954, когда образовался Московский логический кружок (А.А. Зиновьев, Г.П. Щедровицкий, Б.А. Грушин, М. Мамардашвили и др.). Это был период разработки содержательно-генетической логики, ассимиляции культурно-исторической концепции Выготского, запрещенной в те годы в СССР кибернетики и разворачивающихся системных исследований. Осознание своего подхода как отличного от логики, марксистской философии и науки произошло в кружке после публикации серии программных докладов «О возможных путях исследования мышления как деятельности» (Г.П. Щедровицкий, Н.Г. Алексеев) и открытой критике их со стороны Зиновьева. Логический кружок становится методологическим (ММК).

На этом этапе (теоретико-деятельностный этап 1957–1979) участники движении заняты разработкой теории деятельности и теории мышления (В.А. Лефевр, О.И. Генисаретский, В.А. Розин и др.), исследованиями в теории систем (Э.Г. Юдин, В.Н. Садовский и др.), системным проектированием и дизайн-программами (В.Я. Дубровский, Г.П. Щедровицкий и др.).

С 1979 начинается новый этап (СМД-этап) разработки методологии, когда кружок разворачивается в движение, возникают лаборатории, исследовательские и проектные группы не только в Москве, но и в других городах (Киев, Одесса, Рига и т.д.). Основной формой деятельности методологов становится организационно-деятельностная игра (ОДИ), которая строится по схеме мыследеятельности.

Лидером СМД-движения и главным идеологом и теоретиком после распада Московского логического кружка являлся Георгий Петрович Щедровицкий. У основных представителей СМД-методологии на разных этапах ее развития существовали различные трактовки подхода и формулировки методологии. С середины 80-х в рамках движения выделились и институционализировались несколько самостоятельных направлений, стремительно удаляющихся от исходных представлений ММК. Поэтому остановимся на том представлении, которое формулировал Щедровицкий в 1981, т.е. в период, когда наметился переход от узкого кружка (школы) к широкому движению.

После «Рассуждения о методе» Декарта и «Нового Органона» Ф. Бэкона методология стала обязательным компонентом сначала научной, а постепенно и всех остальных форм человеческой деятельности. В подходе ММК конкретная деятельность объемлется (включается и снимается) методологией, а не наоборот. Такая перефокусировка позволила распространить термин методология на весь комплекс онтологических и традиционно методологических представлений школы и подходы, которые в аналогичных случаях называются философскими школами или направлениями (например: феноменология, философская антропология, структурализм и т.д.). Концепция СМД-методологии фундирована следующими тезисами:

1. Основная функция методологии (не только СМД) состоит в обеспечении универсума человеческой деятельности прежде всего нормами, проектами и предписаниями. Поэтому основные продукты методологической работы — конструкции, проекты, нормы, методические предписания не могут проверяться и никогда не проверяются на истинность. Они проверяются только на реализуемость. Результаты методологической работы — это не знания, а проекты, схемы и предписания.
2. Методология это не методика, поэтому она до предела насыщена знаниями, рефлексивно включаемыми в схемы и предписания. Методологическая работа и методологическое мышление соединяют проектирование, критику и нормирование с исследованием и познанием. При этом, исследование подчинено нормированию и проектированию, хотя и может быть организовано как автономная система, в специальных случаях.
3. Два первых тезиса противопоставляют науку и методологию. Однако, методология не только не отвергает научного подхода, но, наоборот, продолжает и расширяет его, распространяя на такие области, где раньше он был невозможен. Это проявляется в создании композиций из знаний разного типа: естественно-научных, конструктивно-технических, исторических, гуманитарно-практических. Традиционная же наука (в узком и точном значении этого слова) ориентирована на отделение подлинно объективного, натурального знания от всех других типов, особенно субъективно-смысловых и предписывающих — что должно, а что не должно делать.

4. Методология стремится соединить и соединяет знания о деятельности и мышлении со знаниями об объектах этой деятельности и мышления. Поэтому объект, с которым имеет дело методология, напоминает матрешку. Это особого рода связка двух объектов, где внутрь исходного для методологии объекта — деятельности и мышления — вставлен другой объект — объект деятельности или интенциональный продукт мышления. Такая гетерархия объекта (поскольку в конкретной методологической практике схема двойной включенности объекта в объект может мультиплицироваться) представляет большую трудность в освоении методологического подхода с позиций традиционной науки и философии.
5. Одним из важнейших для методологии является принцип множественности представлений и знаний, относимых к одному объекту. Поэтому для методологии характерен учет различия и множественности разных позиций деятеля в отношении к объекту. Разница знаний, присущих разным позициям, и сам факт их множественности рассматривается как объективный момент мыследеятельной ситуации. Методология учитывает гетерогенность разных знаний (профессиональное, онтологическое или историческое их происхождение) в работе по «схеме многих знаний». Частным случаем этой схемы может выступать принцип дополнительности Н.Бора в отношении корпускулярной и волновой природы одного и того же объекта.
6. Связывание и объединение разных знаний в методологии происходит прежде всего не по схемам объекта деятельности, а по схемам самой деятельности. Помимо того, что методолог задается вопросом, как устроен объект в том или ином профессиональном представлении, он выясняет, в чем состояла «деятельная заинтересованность» профессионала (позиции или подхода), заставившая представлять объект именно так, а не иначе. Поэтому представление о сложной популятивной и кооперированной деятельности выступает в качестве средства связывания разных представлений об объекте этой деятельности. Отсюда в методологической работе всегда используется не одно онтологическое представление, а по меньшей мере два: организационно-деятельностная онтология — изображающая структуру профессионально-кооперированной деятельности, собственно

объектная онтология — природный, социальный или виртуальный объект деятельности межпрофессиональной кооперации.

7. В СМД-методологии существуют свои центры образования и подготовки, свои журналы (наиболее авторитетный — «Вопросы методологии») и альманахи; все семинары, конференции и конгрессы приобретают ОДИ-образный (игровой) характер. Архаичность и маргинальность социальной формы существования СМД-методологии в сочетании с самыми современными методами системных исследований, рафинированными стилем мышления и языком делают этот подход и все движение уникальным явлением в постсоветской культуре.

Мацкевич В.В. Новейший философский словарь./ Сост. А.А.Грицанов. – Мн.: Изд. В.М.Скакун. 1998. – С. 624-625

Агентство гуманитарных технологий (АГТ) — это неформальный кружок, незримый колледж. Это коллеги и ученики методолога Владимира Мацкевича, продолжающие совместно с ним развивать концептуальные и методологические идеи Культурной политики и Гуманитарных технологий.

Программа Культурной политики была сформулирована в 1994 году на основе базовых представлений Московского методологического кружка, а также размышлений над тем, чего не хватает, чтобы обустроить молодую независимую страну. Квинтэссенция программы – «Думать Беларусь». С 1994 года Агентство гуманитарных технологий существовало в самых различных формах и ипостасях – от зарегистрированной некоммерческой организации до регулярного семинара и круга друзей и коллег. Все это время основными объекта интереса и деятельного отношения были «Мышление» и «Беларусь»

Центр социальных Инноваций (ЦСИ) – Общественная организация, существующая с 1996 года, занимается созданием условий для социальной адаптации, интеллектуального и творческого развития личности и человеческих сообществ, всем многообразием социальных процессов, подпадающих под категорию «социальные инновации». В сферу деятельного интереса ЦСИ в разное время попадали проблемы гражданского и неформального образования, развития сообществ и социальной исключенности.

АГТ и ЦСИ вместе — это Общественная организация «Центр социальных Инноваций», руководствующаяся в своей деятельности программами и подходами Агентства Гуманитарных Технологий.

В 2007 году после нескольких лет сотрудничества АГТ и ЦСИ объединились для совместной реализации Культурной политики. В настоящий момент мышление и деятельность АГТ-ЦСИ охватывает широкий круг сфер жизни Беларуси. Среди них, наиболее важными являются:

• Создание и развитие УНИВЕРСИТЕТА в Беларуси, как места культивирования мышления и подготовки «правящего класса», способного разумно и демократически управлять развитием страны.

• Разворачивание трехфазного процесса «десоветизация – беларусизация – европеизация», который задает со-временность бела-

русского общества и беларусской нации. В рамках этого процесса мы обращаемся к вопросам гражданского образования, развития сообществ и качества жизни, становления беларусско-европейских отношений, укрепления и развития гражданского общества, управления культурой и процессами культурной трансформации.

• Культивирование мышления, формирования интеллектуального пространства Беларуси, основанного на принципах критики, рефлексии и развития.

Реализация программы культурной политики включает в себя многообразие форм и методов действий: от общепринятых – проекты, создание аналитических документов, проведение семинаров, консультаций, тренингов – до оригинальных, развитых и практикуемых только в АГТ-ЦСИ – методологический семинар, организационно-деятельностные игры, исследование действием, методология программного мышления и деятельности.

Сайт АГТ-ЦСИ www.methodology.by